
Бернардо Гимараэш
РАБЫНЯ
ИЗАУРА

БЕРНАРДО ГИМАРАЭШ

РАБЫНЯ ИЗАУРА

СП «СТФ-ЮС»

Киев 1991

ББК 84.70
Г 48

Бернардо Гимараэш. Рабыня Изаура.— К.: СП «СТФ-ЮС», 1991.— 99 с.

Снятый по мотивам настоящего романа телесериал дважды был показан по советскому телевидению, и, как и у себя на родине, в Бразилии, да и во всем мире, он пользовался огромной популярностью. Бернардо Гимараэш смог тронуть наши сердца историей любви и страданий юной красавицы Изауры, верностью и благородством Алваро. Гнев и возмущение вызывает хозяин Изауры — Леонсио, способный на любую подлость и низость, лишь бы добиться своего. Роман поможет многим хоть на время отвлечься от повседневных забот, погрузиться в историю прекрасной любви со счастливым концом, когда зло побеждено, а добро восторжествовало.

Г $\frac{4700304010-6}{972(02)-91}$ (без объявления)

ISBN 5-7935-0017-0

Глава 1

Наше повествование относится к первым годам правления короля Педро II *.

В плодородной и богатой муниципии Кампус Дигойтаказес, на берегу реки Параибы, всего в нескольких верстах от поселка Кампус находилась богатая и красивая усадьба.

Строение строгих пропорций, просторное и удобное, стояло в живописной местности, у подножия высоких холмов, покрытых лесом, частично вырубленным земледельцами. Подальше от поместья природа отличалась своей первобытной, дикой суровостью, а возле живописного жилища рука человека преобразила суровые, мрачные заросли, некогда покрывавшие землю, в прекрасные цветники и сады, плодородные пастбища, тут и там затененные гигантскими фикусами, перобами, кедрами и копайбами, напоминавшими о первобытной красе древних лесов. Здесь почти не было заборов, оград или рвов; поля, огороды, сады, пастбища и близлежащие плантации перемежались зеленеющими изгородями из бамбука, агавы, крушины и кароа, придававшими этой местности вид роскошного ухоженного фруктового сада.

К дому, расположенному у подножья холма, можно было пройти, поднявшись по каменной лестнице в шесть-семь ступеней через очаровательную веранду, оплетенную вьющимися цветами. В глубине двора виднелись хозяйственные постройки, жилища негров-рабов, загоны для скота, амбары, за которыми раскинулись цветник, огород и огромный фруктовый сад, терявшийся в балке широкой реки.

Стоял теплый, тихий осенний вечер. Солнце еще не зашло и, казалось, плавало на горизонте, нежась в переливчатой радужной пене, окаймленной золотыми лучами. Легкий ветерок, напоенный душистыми ароматами, шелестел в прибрежных зарослях, то пробуждая тихий ропот в кронах деревьев, то легко касаясь вершин стройных кокосовых пальм, любовавшихся своим изящным отражением на блестящей и спокойной речной глади реки.

Это было прекрасное время года. Живительные дожди воскресили растительность, покрывшуюся свежей пышной зеленью. Водная гладь реки, еще не замутненная половодьем, струилась неторопливо, отражая в себе яркую зелень прибрежных лесов и сияющие краски горизонта. Птицы, отдыхая от дневной охоты в окрестных садах, лугах и низинах, начинали пробовать свои голоса перед вечерним концертом.

Лучи заходящего солнца заревом отражались в оконных стеклах, и казалось, что изнутри их лижут языки пламени. Однако в самом доме и вокруг него царили тишина и глубокий покой. Грузные быки и лоснящиеся телки, лежавшие на лугу в тени высоких деревьев, лениво пережевывали свою жвачку. Вокруг дома суетилась домашняя птица, изредка блеяли овцы, мычали усталые коровы, самостоятельно вернувшиеся в хлев, но нигде не было слышно человеческого голоса и не чувствова-

* Дон Педру II — император Бразилии, годы правления: 1840—1889.

лось присутствие человека. Казалось, нигде не было ни души. Только приоткрытые окна большой гостиной и настежь распахнутая входная дверь свидетельствовали о том, что не все обитатели этого роскошного поместья отсутствовали.

В унисон безмолвию природы ясно слышалось фортепьянное арпеджио в сочетании с женским голосом, мелодичным, нежным, страстным, самого чистого и свежего тембра, какой только можно себе представить.

Хорошо поставленный, свободно льющийся грудной голос звучал звонко и свободно, обнаруживая незаурядные вокальные данные певицы. На фоне безмолвия природы песня казалась тихим стоном одинокой души.

Только этот голос нарушал тишину просторного и покойного жилища. Казалось, все внимало ему с таинственной и глубокой сосредоточенностью.

Звучавшие куплеты были таковы:

Оковы рабства с юных лет
Мне не дают дышать свободно.
Пусть даже почва плодородна,
Но зернышку спасенья нет
От зноя... Так суждено и мне
Лить слезы о своей судьбе.

Покуда нет свободы, руки
Обнять любимого не могут,
Глаза молчат, а губы стонут,
Но не признаются в любви.
Господь, за что мне эти муки?
Печаль рвет сердце из груди.

Благоухает луг цветами
И пенье птиц сердца волнует.
Они свободой не рискуют.
Гляжу на них я со слезами,
В душе печаль, а в сердце рана
За то, что родились рабами.

Мой крест — покорность и молчанье.
Мне не дано мечтать, любить,
Не суждено любимой быть.
Господь мне дарит лишь страданье.
Жизнь в рабстве хуже чем в изгнаньи.
Так где ж мне помощи просить?

Печальные и нежные слова этой песни летели в открытые окна и наполняли окрестность, побуждая увидеть столь дивно поющую сирену. Так могла петь либо сирена, либо ангел.

Давайте же поднимемся по ступеням на веранду, окаймленную пышно цветущими растениями, словно живой зеленый вестибюль здания. Войдем незаметно туда. Сразу же направо по коридору увидим распахнутую настежь дверь, ведущую в большую, изысканно обставленную гостиную. И там мы обнаружим прекрасную девушку, сидящую за роялем. Ее профиль четко вырисовывается на фоне черной крышки инструмента, а пышные черные волосы эффектно оттеняют ее светлую кожу. Линии

так чисты и красивы, что чаруют разум и пленяют душу. Лицо девушки цвета слоновой кости подчеркивало ее сходство со статуэткой тонкой работы. Природа изрядно потрудилась, создавая этот безупречный стан, восхитительную грудь. Распущенные, вьющиеся крупными кольцами волосы обрамляли прекрасные плечи и почти полностью скрывали спинку стула, на которую грациозно откинулась певица. Прощальный луч заходящего солнца мягким розоватым отсветом ложился на спокойный и ровный, словно полированный мрамор, лоб, который, как таинственная алебастровая лампа, хранил в своем прозрачном лоне небесный огонь вдохновения. Лицо ее было обращено к окну, туманный взор устремлен вдаль.

Наряд ее был скромен, почти беден, но это только усиливало очарование милой певицы. Платье из простого голубого ситца с пленительной безыскусностью облегало ее стройную талию. Ниспадающая широкими волнами юбка казалась облаком, окутывающим певицу, словно рождающуюся из морской пены Венеру, или ангела, возникающего в лазурной дымке. Маленький агатовый крест, висевший на черной ленточке, был единственным ее украшением.

Закончив песню, девушка на мгновение задумалась, не снимая рук с клавишей, как будто прислушиваясь к последним затухающим аккордам.

Тем временем неслышно отодвигается муслиновый занавес на одной из внутренних дверей, и новое действующее лицо появляется в гостиной. Это молодая миловидная дама, хорошо сложенная и элегантная. Богатство и изысканность ее туалета, надменная стать, несколько манерные движения — все это свидетельствует о том, что, как всякая красивая и состоятельная женщина, вошедшая знает себе цену. Но несмотря на все великолепие и изящество знатной госпожи, благородная простота и естественная скромность манер певуньи ничуть не потускнели в присутствии внушительной красоты Малвины. Пожалуй, самым очаровательным в Малвине были ее большие и ласковые голубые глаза, в которых светилась доброта ее сердца.

Малвина тихо приблизилась к певице и остановилась за ее спиной, дожидаясь, когда отзвучит последний аккорд.

— Изаура! — сказала она, слегка коснувшись изящной рукой плеча девушки.

— Ах? Это вы? — встрепенулась Изаура, застигнутая врасплох.

— Что с тобой?.. Продолжай... у тебя такой чудный голос! Но, если можно, спой что-нибудь другое. Почему тебе так нравится эта грустная песня? Где ты ее услышала?

— Она нравится мне, и я нахожу ее красивой потому... Ах! Я не должна об этом говорить...

— Говори, Изаура. Разве я не говорила тебе, что ты ничего не должна скрывать от меня. Тебе нечего бояться!

— Эта песня напоминает мне о маме, моей бедной маме, которую я совсем не знала. Но если вам не нравится эта песня, я ее не буду больше петь.

— Да, мне не нравится, что ты ее поешь, Изаура. Люди могут подумать, что к тебе плохо относятся в доме, что ты несчастная рабыня, жертва грубых и жестоких господ. Не забывай, что твоей жизни здесь могут позавидовать многие свободные люди. Ты пользуешься уважением своих хозяев. Тебе дали образование, какого не получили многие знакомые мне богатые и знатные девушки. Ты очень хороша собой, у тебя такой замечательный цвет кожи, что никто не сможет сказать, что в

твоих жилах течет африканская кровь. Тебе хорошо известно, что моя добрая свекровь, прежде чем покинуть бренную землю, молила для тебя защиты у меня и моего мужа. Я всегда буду помнить просьбу этой женщины, и я скорее твоя подруга, чем госпожа. Нет, тебе не пристало петь эту жалобную песню, которую ты так любишь. Я не хочу,— продолжала она тоном ласкового упрека,— я не хочу, чтобы ты пела ее, слышишь, Изаура?.. Иначе я запрещу тебе играть на моем пианино.

— Но, сеньора, несмотря на все это, разве я не обычная рабыня? К чему мне образование и красота, которую все так расхваливают? Это просто неуместная роскошная мебель в убогой лачуге. Из-за этого лачуга не перестанет быть тем, что она есть на самом деле.

— Ты обижена судьбой, Изаура?

— Нет, сеньора, у меня нет причин для обид. Я только хочу сказать, что, несмотря на все мои таланты и достоинства, которые мне приписывают, я знаю свое место.

— Вот оно что! Я догадываюсь, что тебя мучит. В твоей песне говорится об этом. При такой красоте у тебя наверняка есть возлюбленный.

— У меня! Что вы, сеньора.

— Да, у тебя. Но что же в этом особенного? Не обижайся, это совершенно естественно. Признайся мне, у тебя есть возлюбленный, и ты печалишься о том, что ты не свободна и не можешь открыто любить того, кто тебе нравится и кому ты мила? Разве я не права?

— Простите меня, госпожа,— ответила рабыня с чистосердечной улыбкой.— Вы ошибаетесь, я совсем не думаю об этом!

— Неужели совсем? Ты не обманешь меня, моя девочка! Ты любишь. Но ты слишком красива и талантлива, чтобы благосклонно относиться к какому-нибудь рабу. Разве может быть раб под стать тебе? Я не сомневаюсь в своих предположениях. Такая девушка, как ты, легко может покорить сердце любого красивого юноши — вот причина твоей печали. Но не огорчайся, моя Изаура, я гарантирую тебе свободу завтра же. Пусть только приедет Леонсио. Это позор, что такая девушка, как ты, находится в положении рабыни.

— Не думайте об этом, сеньора. Я не помышляю о романах и еще меньше о свободе. Иногда я грущу просто так, без всякой причины.

— Все равно. Я хочу, чтобы ты была свободна. Так и будет!

Тут разговор был прерван суматохой, вызванной подъехавшими и спешившимися у ворот поместья всадниками.

Малвина и Изаура поспешили к окну посмотреть, кто приехал.

Глава 2

У порога спешились два всадника — красивые и элегантные молодые люди, прибывшие из поселка Кампус. По тому, как они уверенно себя вели, очевидно, что это свои люди в доме.

Действительно, один из них — муж Малвины Леонсио, а другой — ее брат Энрике.

Перед тем как продолжить повествование, познакомимся поближе с этими молодыми людьми.

Леонсио был единственным сыном богатого командора Алмейды, владельца великолепного поместья, в котором мы сейчас и находимся. Командор, достигнув преклонного возраста и страдая от множества недугов, после женитьбы сына, состоявшейся за год до начала этой истории, передал ему поместье в полное владение. Сам он остался жить в столице, где искал облегчения от часто мучивших его недугов в многочисленных развлечениях.

Леонсио, с раннего детства злоупотребляя добротой и снисходительностью своих родителей, открыл множество способов вводить в заблуждение и подкупать сердца близких. Ленивый ученик и вздорный ребенок, неугомонный и непослушный, он менял один колледж за другим и, как кот по раскаленным углям, прошел через все классы, впрочем, не провалив благодаря отцовскому покровительству ни одного экзамена. Учителя не осмеливались огорчать благородного и щедрого командора переэкзаменовками сына. Будучи зачисленным в медицинскую школу, уже на первом году обучения Леонсио почувствовал отвращение к этому предмету, а так как его родители не умели ему перечить, отправился в Олинду, чтобы изучать юриспруденцию. Растратив там немалую часть отцовского состояния на удовлетворение своих безумных прихотей, он охладел также и к юридическим наукам и пришел к заключению, что только в Европе сможет достойно развить свой интеллект и утолить из чистых и обильных источников свою жажду знаний. Об этом он и написал отцу, тот же поверил сыну и отправил его в Париж, надеясь по возвращении юноши обрести в его лице нового Гумбольдта. Познав роскошь беспорядочной жизни и разнообразных удовольствий Парижа, Леонсио изредка и только от скуки посещал университетские лекции лучших профессоров того времени. Впрочем, он не появлялся ни в музеях, ни в учебных классах, ни в библиотеках. Зато был прилежным завсегдатаем сада Мабиле, всех самых модных кафе и театров. Вскоре он стал одним из самых знаменитых и элегантных «львов» парижских бульваров. По прошествии нескольких лет пребывания то в Париже, то в увеселительных поездках на воды и по основным европейским столицам, он так основательно и безжалостно истощил отцовский кошелек, что командор, несмотря на все свое терпение и нежность к единственному обожаемому сыну, был вынужден, чтобы избежать разорения, вернуть его под кров отеческого дома. Однако, чтобы не причинять ему излишних огорчений, резко прекратив эту сумасбродную, расточительную скачку, командор Алмейда решил приманить сына, намекнув на перспективу богатой и очень выгодной женитьбы.

Леонсио попался на уловку отца и вернулся домой истинным денди, красивым и элегантным, как никто другой. Привез он из странствий вместо образованности лишь самодовольство и чванство, а также осведомленность в делах высшего общества. Встретив Леонсио, вы приняли бы его за принца крови. Но хуже всего было то, что он привез опустошенную душу и развращенное сердце, растленные привычкой к порокам и распутству. Те немногие хорошие качества, которыми одарила его природа, погибли, срезанные под корень отвратительными теориями, подкрепленными еще худшей практикой.

Возвратившись из Европы, Леонсио отпраздновал свое двадцатипятилетие. Отец в самых вкрадчивых и заманчивых выражениях дал ему понять, что настало время чем-либо заняться, выбрать какую-то карьеру, что он уже более чем достаточно воспользовался отцовским кошельком для своего образования и что ему следовало бы научиться если не увеличивать, то, по крайней мере, сохранять состояние, которое рано пере-

йдет ему в наследство. После долгих размышлений Леонсио, наконец, остановился на казавшейся ему самой независимой и надежной из всех карьере предпринимателя. Но его грандиозные замыслы не вызвали энтузиазма у командора. Даже крупные импортные и экспортные торговые сделки, даже торговля рабами казались Леонсио унизительными махинациями, недостойными его высокого положения и великолепного воспитания. Розничная торговля вызывала у него отвращение и брезгливость. Ему подходили только крупные биржевые спекуляции, банковские операции и сделки, в которых он ставил бы на карту солидный капитал. Только так он мог в короткое время удвоить или утроить отцовское состояние. Находясь под впечатлением от увиденного на парижской бирже и в других европейских столицах, он возомнил себя достаточно подготовленным для того, чтобы руководить операциями самого значительного банковского заведения или грандиозного промышленного предприятия.

Однако отец не горел желанием доверить свое состояние спекулятивным способностям новоявленного финансиста, проявившего до того момента только замечательный талант расходовать за короткое время значительные суммы и только в убыток семье. Поэтому отец решил не возвращаться к этой теме, надеясь, что со временем молодой человек сам придумает для себя что-нибудь более разумное.

Увидев, что отец практически забыл о своих намерениях дать ему собственное дело, Леонсио расценил женитьбу как самый приятный и естественный способ разбогатеть, как единственную доступную ему карьеру, сулившую возможность транжирить деньги в свое удовольствие.

Малвина, красивая дочь богатейшего столичного коммерсанта, приятеля командора, предназначалась Леонсио в жены с общего согласия и одобрения их родителей. Семья командора отправилась в столицу, молодые люди, встретившись, понравились друг другу. Родители без промедления сыграли свадьбу. Вскоре после свадьбы Леонсио имел несчастье потерять мать, умершую внезапно. Эта добрая и уважаемая сеньора не была слишком счастлива в личной жизни со своим мужем, который, обладая черствым и холодным сердцем, был чужд святых и чистых радостей супружеской привязанности и ежедневно терзал сердце своей несчастной супруги распутством и грубостью. В довершение всех бед она потеряла еще в младенчестве всех своих детей, кроме Леонсио. Более всего она сетовала, что небо не сохранило ей ни одной дочери, которая могла бы стать опорой и утешением ее печальной старости. Между тем судьбе было угодно возместить ее потери, подарив ей хрупкое создание, заполнившее пустоту ее доброго и нежного сердца и скрасившее грусть и одиночество жизни в роскошном доме, где столь однообразно текли скучные дни.

На фазенде родилась маленькая рабыня, своей прелестью и живостью с колыбели завладевшая любовью и заботами доброй сеньоры.

Изаура была дочерью красивой мулатки, в течение долгого времени любимой и верной служанки жены командора. Сам командор, будучи человеком похотливым и бесцеремонным, смотрел на рабынь как на беззащитных наложниц своего гарема. Он обратил свой алчный, полный сладострастия взор и на эту прелестную служанку. Та решительно противостояла его грубым притязаниям, но, в конце концов, была вынуждена уступить угрозам и насилию. Столь низкое поведение командора не могло долгое время оставаться тайной от его добродетельной супруги. Эта новость принесла ей смертельное разочарование.

Повергнутый в уныние горькими и суровыми упреками, командор больше не рисковал покушаться силой на бедную рабыню, равно как не сумел и иными средствами победить ее непреодолимое отвращение к нему. Это сопротивление разъярило его и породило в его жестоком сердце неукротимую жажду грубой и недостойной мести: он решил непременно извести непокорную красавицу работой и наказаниями. Он заставил ее гнуть спину на плантациях, дав строгий наказ управляющему не жалеть для нее ни унизительной работы, ни жестоких наказаний. Однако управляющий, добрый португалец в расцвете лет, был не таким бессердечным, как его хозяин. Соблазненный очарованием мулатки, вместо работы и побоев он осыпал ее исключительно подарками и ласками, так что вскоре мулатка родила милую девочку. Это событие еще больше усилило ненависть командора к несчастной рабыне. Он выгнал с бранью и угрозами доброго и верного управляющего, а мулатку подверг такой тяжелой работе и такому жестокому обращению, что вскоре свел ее в могилу, не дав ей вырастить прелестную ласковую дочурку.

Вот под какой несчастливой звездой родилась красавица Изаура. Однако как будто вопреки коварству неумолимой судьбы святая женщина, ангел доброты, склонилась над колыбелью бедной малютки и окружила ее своей милосердной заботой. Жена командора сочла это маленькое и нежное создание даром божьим, ниспосланным ей в утешение за обиды и унижения, доставляемые отвратительными выходками ее распутного супруга. Обратив к нему омытое слезами лицо, она поклялась душой несчастной мулатки взять на себя заботу о будущем Изауры, поклялась вырастить и воспитать ее как собственную дочь.

Она исполнила свое обещание самым добросовестным образом. Шли годы, девочка росла, пришло время учиться, и госпожа сама научила малышку читать и писать, шить и молиться. Позднее она наняла ей учителей музыки, танцев, итальянского и французского языков, рисования. Она старалась дать рабыне самое совершенное и изысканное образование, какое она дала бы своей родной дочери. В свою очередь Изаура не только своими внешними данными, но и быстрыми успехами живого и сильного ума превзошла все самые смелые предположения доброй женщины, которая, видя столь блестящие успехи ее, находила все большее удовольствие, шлифуя эту драгоценность. Об Изауре она отзывалась как о жемчужине, украшающей ее седые волосы. «Небо не захотело подарить мне дочь моей крови,— повторяла она,— но взамен дало мне дочь моей души».

Но что больше всего восхищало в этом юном создании, так это то, что внимание и постоянные заботы, которыми она была окружена, не сделали ее капризной, высокомерной или надменной в отношениях с другими рабами. С ней обращались ласково, и она осталась по отношению к другим доброй и простосердечной. Она всегда была внимательна и добра с рабами, весела и послушна с господами.

Командору очень не нравился каприз супруги. Такое отношение к мулаточке он расценивал как проявление глупости.

— Безумие! — восклицал он с раздражением в голосе.— Она старается вырастить настоящую франтиху, от которой в скором времени наплачется. Одни женщины сходят с ума на религиозной почве, другие ворчат с утра до ночи, третьи подбирают бездомных собак или разводят цыплят, эта же выращивает принцесс-мулаток. По правде говоря, несколько расточительное развлечение, но... пусть тешится. По крайней

мере, пока она возится с этой рабыней, я избавлен от постоянных нотаций и назойливых проповедей... Пусть развлекается как хочет.

Через несколько дней после свадьбы Леонсио командор со всем своим семейством, включая новобрачных, снова уехал на фазенду в Кампус. Тогда-то командор и передал своему сыну управление и право распоряжаться доходами поместья и всей собственностью, включая рабов и плантации. Он заявил, что считает себя старым, больным и уставшим и хочет провести спокойно остаток своих дней, устранившись от хозяйственных хлопот и забот. Части доходов, которую он оставлял за собой, должно было хватить на это с избытком. Сделав еще при жизни такой царский подарок сыну, командор уехал в столицу. Его супруга предпочла остаться с сыном, что очень понравилось и вызвало одобрение командора Алмейды.

Малвина, обладавшая, несмотря на свое аристократическое тщеславие, доброй и чуткой душой и мягким сердцем, сразу же проявила самый живой интерес к благодарной невольнице. Изаура действительно обладала таким кротким и приятным нравом, что с первой же встречи завоевала благосклонность молодой хозяйки.

Изаура стала не то чтобы любимой служанкой, но скорее компаньонкой и верной подругой Малвины, привыкшей к столичным развлечениям и изысканному времяпровождению. Малвина была рада обрести такое приятное общество в уединенном месте, где ей предстояло жить в дальнейшем.

— Почему бы нам не освободить эту девушку? — спросила она однажды у свекрови.— Такое доброе и нежное создание страдает в неволе.

— Ты права, дочь моя,— добродушно ответила сеньора.— Но как быть? У меня не хватает мужества отпустить эту птичку, которую мне подарило небо, чтобы утешить и скрасить долгие часы моей одинокой старости. К тому же зачем ее освобождать? Она здесь более свободна, чем я сама. Несчастная моя доля! Жизнь мне уже не в радость, наслаждаться свободой нет сил. Ты хочешь, чтобы я отпустила мою голубку? А ведь она может сбиться с верного пути и никогда больше не возвратиться ко мне. Нет, нет, дорогая, пока я жива, я хочу видеть ее рядом с собой. Ты, должно быть, думаешь про себя: как эгоистична эта старуха! Но мне осталось недолго жить, мои дни сочтены! После моей смерти она будет свободна, и я непременно оставлю ей хорошее приданое.

Действительно, добрая женщина не раз пыталась составить свое завещание так, чтобы обеспечить будущее любимой рабыне, своей дорогой питомице. Но командору при поддержке сына всегда удавалось бесчестными ухищрениями оттягивать исполнение похвального и святого желания жены. Внезапно ее разбил паралич, и она умерла через несколько часов после удара, не приходя в сознание и так и не сообщив свою последнюю волю.

Малвина дала клятву у гроба свекрови покровительствовать несчастной рабыне. Изаура долго оплакивала смерть той, кто была ей заботливой и нежной матерью. Теперь она стала рабыней не доброй и благодетельной сеньоры, а собственностью своенравного и жестокого господина.

Глава 3

Теперь познакомимся поближе с Энрике — шурином Леонсио. Это был элегантный и красивый двадцатилетний юноша, не чуждый легкомыслия и тщеславия, почти как все молодые люди в этом возрасте, особенно если им выпало счастье родиться в богатой семье. Однако это были мелкие недостатки в сравнении с главными его достоинствами: добрым сердцем, трезвым умом и благородной душой. Он изучал медицину, а так как в данное время у него были каникулы, Леонсио пригласил Энрике навестить сестру и погостить несколько дней на фазенде.

Молодые люди приехали из Кампуса, куда накануне Леонсио отправился, чтобы встретить шурина.

Только после своей женитьбы Леонсио, ранее редко и недолго гостивший в родительском доме, оценил исключительную красоту и несравненную прелесть Изауры. Несмотря на то, что ему досталась в супруги очаровательная девушка, женился он не по любви. Это чувство было чуждо его сердцу. Женился он по расчету, а так как его жена была молода, он испытывал к ней страсть, которая легко утолялась чувственными наслаждениями, а с ними и проходила. Бедной Изауре было суждено роковым образом нарушить покой этого распутного сердца, еще не до конца испорченного развратом. Он воспылал к ней безрассудной и пылкой любовью. Это чувство росло по мере возникновения непреодолимых препятствий, с которыми он сталкиваться не привык и которые напрасно пытался преодолеть. Несмотря ни на что, он не отказывался от своих намерений. «В конце концов,— думал Леонсио,— Изаура принадлежит мне и если никакой иной способ не даст результатов, я возьму ее силой». Он был достойным сыном своего отца.

По дороге в поместье, поскольку воображение его было занято исключительно Изаурой, Леонсио долго рассказывал о ней своему шурину, расхваливая ее красоту, и, не стесняясь, откровенно намекал юноше на свои похотливые притязания к рабыне. Этот разговор был не слишком приятен Энрике, иногда красневшему от невольного смущения и искреннего негодования за свою сестру. Вместе с тем Леонсио возбудил у него живое любопытство и желание познакомиться с этой рабыней, обладавшей такими необычайными качествами.

На следующий день после приезда молодых людей в восемь часов утра Изаура, убрав гостиную, сидела у окна с рукоделием на коленях. Она ожидала, когда встанут господа, чтобы подать им кофе.

Леонсио и Энрике неслышно остановились в дверях гостиной и наблюдали за Изаурой, не подозревавшей, что на нее смотрят и продолжавшей вышивать.

— Ну, как ты ее находишь? — шептал Леонсио своему шурину.— Это бесценное сокровище, не правда ли? Можно подумать, что она андалусийка из Кадисса или неаполитанка.

— Ничего подобного. Она гораздо лучше,— отвечал восхищенный Энрике.— Она настоящая бразильянка.

— Изумительная бразильянка! Она лучше всего, что у меня есть. Эти семнадцать весен очаровательной девушки многим могут вскружить голову. Твоя сестра настаивает, чтобы я освободил Изауру. Говорит, что такова была воля моей покойной матушки. Но я не так глуп, чтобы расстаться с этим сокровищем. Если моя мать в угоду своей прихоти воспитала Изауру как принцессу и дала ей образование, то уж, разумеется, не для того, чтобы расстаться с ней. Мой отец, кажется, склоняется ус-

тупить настойчивым просьбам ее отца — бедного португальца, который шатается тут и пытается освободить дочку. Но мой старик запросил за нее такую бешеную сумму, что, думаю, мне нечего бояться. Посмотри, Энрике, ведь это сокровище бесценно.

— Она действительно восхитительна,— ответил юноша.— В гареме у султана она была бы любимой наложницей. Но должен заметить тебе, Леонсио,— продолжал он, бросив на зятя взгляд, полный язвительной проницательности,— как твой друг и брат твоей жены, я считаю, что присутствие в твоей гостиной рядом с моей сестрой такой красивой рабыни неприлично и, пожалуй, опасно для семейного очага...

— Браво! — прервал его Леонсио, забавляясь,— для своих лет ты изрядный моралист. Но пусть это тебя не тревожит, мой мальчик, твоя сестра не беспокоится на этот счет и ей нравится, когда обращают внимание на Изауру и восхищаются ею. Она права, Изаура предмет роскоши, который следует постоянно держать в гостиной. Это будет глупо с моей стороны отправить на кухню венецианские зеркала.

Малвина, появившаяся из внутренних покоев, веселая и свежая, как апрельское утро, прервала их разговор.

— Добрый день, сеньоры ленивцы! — прозвучал ее прелестный, звонкий голосок, подобный пению певчей птички.— Наконец-то вы встали!

— Ты сегодня очень весела, дорогая,— улыбаясь, ответил муж,— что же, ты увидела какую-нибудь зеленую птичку с позолоченным клювом?

— Не видела, но, вероятно, увижу. Мне действительно весело, и я хочу, чтобы сегодня у всех в доме был праздник. Это зависит от тебя, Леонсио. Я рада, что ты уже встал, так как хочу тебе сказать кое-что. Я хотела это сказать еще вчера, но обрадовалась встрече с моим неблагодарным братом, с которым мы так давно не виделись, и забыла...

— В чем дело?.. Говори, Малвина.

— Ты помнишь, какое ты мне дал обещание? Я думаю, его пора уже исполнить. Сегодня я непременно хочу и требую его исполнения.

— Разве? Но что это за обещание?.. Не помню.

— Ты хитришь! Ты не помнишь, что обещал мне освободить...

— А-а! Припоминаю,— нетерпеливо оборвал ее Леонсио.— Но говорить об этом сейчас? В ее присутствии?.. Зачем ей слышать этот разговор?

— В этом нет ничего плохого. Хорошо, пусть будет по-твоему,— ответила молодая женщина, взяв Леонсио за руку и уводя его во внутренние покои дома.— Идем, дорогой! Энрике, подожди нас немного, сейчас я распоряжусь, чтобы подавали кофе.

Только с приходом Малвины Изаура заметила молодых людей, наблюдавших за ней и тихонько шептавшихся в дверях гостиной. Услышав несколько слов из разговора Малвины с Леонсио, она ничего не поняла. Когда же они удалились, Изаура тоже встала и направилась к двери, но Энрике остановил ее жестом.

— Что вам нужно, сеньор? — спросила она, скромно опустив глаза.

— Подожди-ка, девочка, мне надо тебе кое-что сказать,— ответил юноша и, не говоря более ни слова, подошел к ней очень близко, не сводя с нее глаз, очарованных ее восхитительной красотой. Энрике невольно испытывал робость перед ее благородным, лучащимся ангельской нежностью обликом. В свою очередь Изаура удивленно смотрела на юношу, терпеливо ожидая, что он хочет сказать. Наконец Энрике, будучи от природы человеком уверенным и решительным, как бы очнувшись,

вспомнил, что Изаура, несмотря на все свое очарование, всего лишь рабыня. Он понял, что оказался в смешном положении, онемев перед ней в неподвижном созерцании, склонился к девушке и бесцеремонно взял ее за руку.

— Мулаточка,— сказал он,— ты знаешь, какая ты колдунья? Моя сестра права. Жаль, что такая красивая девушка всего лишь рабыня. Если бы ты родилась свободной, то несомненно была бы королевой гостиных.

— Хорошо, хорошо, сеньор! — ответила Изаура, высвобождая свою руку.— Если вы собирались сказать мне только это, позвольте мне уйти.

— Подожди немного, не будь такой суровой. Я не причиню тебе зла. Я бы дорого дал, чтобы добиться твоей свободы и вместе с ней твоей любви!.. Ты слишком нежна в неволе. Кто-нибудь непременно освободит тебя, но я бы не хотел, чтобы ты оказалась в руках человека, который не сумеет по достоинству оценить тебя, моя Изаура, пусть же брат твоей госпожи из рабыни сделает тебя принцессой...

— Ах, сеньор Энрике,— с досадой возразила девушка.— Вам не стыдно говорить комплименты рабыне, служанке вашей сестры? Вам это не к лицу. Так много красивых девушек, за которыми вы можете ухаживать...

— Нет. Никто из них не может сравниться с тобой, Изаура, клянусь. Знаешь, Изаура, никто, кроме меня, не сможет добиться твоей свободы. Я могу заставить Леонсио освободить тебя, поскольку, если не ошибаюсь, уже догадался о его постыдных намерениях и обещаю тебе, что не дам им осуществиться. Я не могу допустить этой низости. Кроме свободы ты получишь все, что захочешь: шелка, драгоценности, кареты, рабов для услуг,— а во мне ты найдешь страстного любовника, который всегда будет верен тебе. Я никогда не соглашусь променять тебя ни на какую другую, даже самую красивую и богатую девушку, потому что все они вместе взятые не стоят твоего мизинца.

— Боже мой,— воскликнула Изаура с легкой досадой,— такое благородство приводит меня в ужас. Это могло бы вскружить мне голову. Нет, мой господин, поберегите свое красноречие для той, которая заслуживает его. Я же пока довольна моей участью.

— Изаура! К чему такая жестокость!.. Послушай,— сказал юноша, пытаясь обнять ее за шею.

— Сеньор Энрике,— воскликнула она, уклоняясь от объятий,— ради бога, оставьте меня!

— Постой, Изаура! — настаивал молодой человек, не оставляя попытки обнять ее,— ах, не говори так громко! Один поцелуй... только один и я отпущу тебя...

— Если вы будете настаивать, я закричу. Ни на минуту невозможно остаться одной, обязательно кто-нибудь нарушает мой покой своими признаниями, которые я не желаю слушать...

— Ах! Какая надменность,— воскликнул Энрике, изрядно раздосадованный ее словами и упрямством.— Не верю глазам своим! У тебя пренебрежение настоящей сеньоры!.. Не сердись, моя принцесса...

— Перестаньте, сеньор! — вскричала девушка, потеряв терпение.— Мало того, что сеньор Леонсио, теперь еще и вы...

— Как?.. Что ты сказала? Леонсио тоже?.. Я это предполагал! Какая низость! И ты благосклонно внимаешь ему, не так ли?

— Так же, как и вам!

— Надеюсь, Изаура, что твоя преданность к любящей тебя госпоже не позволяет тебе слушать этого безнравственного человека. Я же другое дело, почему ты жестока ко мне?

— Я жестока к моим господам! Вот еще, сеньор, ради бога! Не надо смеяться над бедной невольницей.

— Нет, я не смеюсь... Изаура! Послушай...— настаивал Энрике, возобновляя попытку обнять и поцеловать ее.

— Браво!.. Брависсимо!..— раздался в гостиной возглас, сопровождаемый громким демоническим смехом.

Энрике, застигнутый врасплох, обернулся. И его любовное волнение мгновенно замерло в глубине сердца.

Леонсио стоял в дверях гостиной, скрестив руки, и смотрел на него, усмехаясь.

— Замечательно, сеньор шурин! — издевательски продолжал Леонсио.— Кажется, вы проповедовали высокую мораль, а теперь волочитесь за моими рабынями! Вы благородны... Умеете уважать порядок в доме своей сестры!..

— Ах! Проклятый шпион,— прошептал Энрике, стиснув от гнева зубы. В порыве гнева он сжал кулаки, намереваясь пощечиной ответить на дерзкие насмешки зятя. Однако, поразмыслив мгновение, он понял, что ему будет выгоднее использовать против обидчика его же оружие — сарказм, тем более, что обстоятельства позволяют ему нанести сокрушающий удар и выйти победителем из схватки. Он успокоился и сказал с улыбкой, полной высокомерного презрения:

— Ах, простите, сеньор. Я не знал, что это сокровище вашей гостиной находится под вашей личной опекой и что вы даже подглядываете за ней. Мне кажется, что вы относитесь к ней с бо́льшим интересом, чем к своему дому и собственной жене. Несчастная моя сестра... Как все просто... Удивительно, что за все это время она не узнала, сколь преданного супруга имеет!

— Что ты там говоришь, приятель? — воскликнул Леонсио с угрожающим видом.— Повтори, что ты сказал!

— То, что сеньор слышал,— ответил с твердостью Энрике.— И будьте уверены, что ваше недостойное поведение недолго будет тайной для моей сестры.

— Какие действия? Ты бредишь, Энрике!

— Не притворяйтесь! Думаете, я ничего не знаю? Впрочем, прощайте, сеньор Леонсио, я удаляюсь, поскольку было бы в высшей степени неуместно, глупо и смешно с моей стороны соперничать с вами из-за рабыни.

— Подожди, Энрике. Послушай...

— Нет, нет. Не желаю с вами больше разговаривать. Прощайте,— сказал он и стремительно удалился.

Леонсио почувствовал себя уничтоженным и тысячу раз пожалел, что столь неосторожно повздорил с этим легкомысленным юношей. Он не хотел, чтобы его шурину было известно о его страсти к Изауре и о попытках сломить ее упорство и добиться расположения девушки. Действительно, он сам без обиняков говорил с Энрике на эту тему. Но несколько брошенных вскользь шутливых намеков в разговоре молодых людей не были достаточным основанием для того, чтобы Энрике мог выдвинуть против него серьезное обвинение перед женой. Впрочем, Леонсио мало заботило сохранение мира в доме. Он был взбешен, что кто-то осмелился препятствовать его бесстыдным замыслам.

— Проклятие! — прорычал он про себя.— Этот сумасшедший способен сорвать все мои планы. Если уж он что-нибудь пронюхал, не задумываясь, сообщит Малвине...

Леонсио неподвижно стоял несколько мгновений, предаваясь терзавшему его гнетущему беспокойству. Потом, скользнув взором по гостиной, он встретился глазами с Изаурой, которая, как только появился Леонсио, смущенная и дрожащая, укрылась в дальнем уголке гостиной и оттуда наблюдала, страдая от мучительного беспокойства, ссору молодых людей. Так подраненная косуля прислушивается к рычанию двух хищников, оспаривающих добычу. Она искренне раскаивалась в глубине души и злилась на себя за нескромные и безумные откровения, сорвавшиеся с ее губ во время разговора. Ее неосторожность может стать причиной самого прискорбного раздора в этой семье, раздора, жертвой которого, в конце концов, станет она сама. Ссора между двумя молодыми людьми была подобна столкновению двух туч, которые встречаются, расходятся и продолжают свободно парить в небе, но молния, сорвавшаяся с них, неизбежно поразит несчастную пленницу.

Глава 4

— Ты еще здесь?.. Очень хорошо,— произнес Леонсио, едва увидев Изауру, смущенную и не осмеливающуюся покинуть свой уголок, где она укрылась и откуда молила небо, чтобы господин не увидел ее и не вспомнил о ней в эту минуту.— Изаура,— продолжал он,— я вижу, ты делаешь успехи в любовных интригах... Ты благосклонно внимала любезностям этого мальчишки...

— Так же, как и ваши, мой господин. У меня нет выбора. Рабыня, которая осмеливается взглянуть на своих господ неприязненно, заслуживает сурового наказания.

— И что же ты сказала этому ветренику, Изаура?

— Я? — смутилась рабыня,— ничего, что могло бы оскорбить вас или его...

— Подумай, прежде чем отвечать, Изаура. Смотри, не вздумай обманывать меня. Что ты ему говорила обо мне?

— Ничего.

— Клянешься?

— Клянусь,— едва слышно пролепетала Изаура.

— Ах, Изаура, Изаура... берегись. До сих пор я терпеливо сносил твое пренебрежение. Но я не допущу, чтобы в моем доме и почти что в моем присутствии ты выслушивала наглые любезности и тем более рассказывала кому бы то ни было о том, что здесь происходит... Если ты не желаешь отвечать на мою любовь, постарайся, по крайней мере, не впасть в мою немилость.

— Простите, сеньор, разве я виновата, что меня преследуют?

— Пожалуй, ты права. Кажется, мне придется удалить тебя из дома и спрятать где-нибудь, где тебя никто не увидит и не сможет приставать с ухаживаниями.

— Зачем, сеньор?..

— Встаньте, скорее встаньте,— нетерпеливо прервала его Изаура.— Страшно подумать, что будет, если мои господа застанут вас здесь в такой позе! Что я говорю?.. Ах, сеньор Белшиор!

В самом деле, в дверях с одной стороны Леонсио, а с другой Энрике и Малвина в изумлении наблюдали за ними.

Покинув гостиную в досаде и гневе на своего зятя, Энрике нашел сестру в столовой, где она следила за приготовлением завтрака, и, будучи человеком вспыльчивым и легкомысленным, он, не раздумывая, излил перед ней свой гнев в неосторожных выражениях, посеяв тем самым в ее душе недоверие и беспокойство.

— Твой муж, Малвина, презренный негодяй,— сказал он, задыхаясь от ярости.

— Что ты говоришь, Энрике? Что он тебе сделал дурного? — спросила молодая женщина, напуганная этим взрывом негодования.

— Мне жаль тебя, сестра... Если бы ты знала... Какая низость!

— Ты сошел с ума, Энрике!.. В чем дело?

— Дай бог, чтобы ты никогда не узнала!.. Какая подлость!

— Что же произошло, Энрике? Говори, объяснись, ради всего святого,— воскликнула Малвина, у которой от волнения перехватило дыхание.

— Что с тобой?.. Не надо огорчаться, сестра,— ответил Энрике, уже раскаиваясь в вырвавшихся у него необдуманных словах. Он поздно понял, что сыграл печальную и жалкую роль вестника грядущего разлада между супругами, которые до того жили в любовном согласии и спокойствии. Он с опозданием и безрезультатно попытался сгладить впечатление от своей бестактности.

— Не беспокойся, Малвина,— продолжал он, сделав попытку улыбнуться.— Твой муж просто упрямый осел, и ничего более. Не подумай, что мы собираемся драться на дуэли.

— Да, но ты пришел в негодовании, с горящими глазами... У тебя был такой вид...

— Ну, что ты! Ты же знаешь, я всегда вспыхиваю по пустякам, как огонь...

— Как ты напугал меня!

— Бедняжка... Выпей,— сказал Энрике, подавая ей чашку кофе.— Это лучшее средство от волнений и нервного расстройства.

Малвина старалась успокоиться, но слова брата запали ей глубоко в душу, отравив ее ядом недоверия и сомнений.

Появление внезапно вошедшего Леонсио положило конец этой сцене. Все трое молча и торопливо пили кофе. Обида уже поселилась в их душах, они смотрели друг на друга холодно и неприязненно. Недоверие проникло в эту маленькую семью, еще недавно такую дружную, счастливую и спокойную. После завтрака они разошлись, однако, по привычке, все направились в гостиную. Энрике и Малвина, взявшись за руки, центральным коридором, Леонсио — через внутренние комнаты. Именно в гостиной и находилось невинное, но роковое яблоко раздора, причина разлада, зарождающегося в этой семье.

Они пришли как раз к концу нелепой сцены, исполненной Белшиором у ног Изауры. Между тем Леонсио, следивший за садовником из-за легких занавесей на дверях гостиной, не заметил Энрике и Малвину, остановившихся на пороге гостиной с другой стороны.

— Вот это да! — воскликнул он, когда увидел Белшиора на коленях у ног Изауры.— Кажется, у меня в доме появился идол, которому все самозабвенно поклоняются! И даже мой садовник!.. Здравствуйте, сеньор

Белшиор! Что такое? Продолжайте представление, у вас неплохо получается... Но этот цветок не нуждается в ваших заботах... Понятно, сеньор Белшиор?

— Простите меня, сеньор,— пробормотал садовник, поднимаясь с колен в смущении и нерешительности.— Я принес эти с в е т ы в гостиную, чтобы поставить их в вазы...

— И вручили их, стоя на коленях! Очень эффектно. Предупреждаю: если вы не оставите претензий на роль первого любовника, я выставлю вас за дверь пинком под зад.

Пристыженный и ошеломленный Белшиор, натыкаясь на стулья, как слепой, бросился к выходу.

— Изаура! О, моя Изаура! — воскликнул Леонсио, выходя на середину гостиной и с распростертыми объятиями направляясь к девушке, искусно придав своему голосу, до этого резкому и суровому, самое нежное и мягкое звучание.

Резкий крик, эхом отозвавшийся в доме, заставил его окаменеть. Он заметил в дверях Малвину, бледную, без чувств, уронившую голову на плечо подхватившего ее брата.

— Ах, брат! — воскликнула она, приходя в себя.— Теперь я понимаю все, что ты мне недавно говорил.— И, прижав руку к сердцу, которое, казалось, разрывалось от боли, а другой утирая слезы, лившиеся из прекрасных глаз, она укрылась в своей комнате.

Расстроенный роковым стечением обстоятельств, жертвой которых он стал, Леонсио, взбешенный, долго ходил по гостиной. Виня во всем шурина, из-за легкомыслия которого случилось происшедшее, грозившее помешать его планам в отношении Изауры, он пытался найти выход из создавшегося положения, в котором он оказался к своему величайшему неудовольствию.

Изаура, испытавшая менее чем за час три покушения на ее целомудрие и бескорыстие, ошеломленная и полная страха, смущения и стыда, убежала, чтобы спрятаться в апельсиновой роще, как испуганный заяц, заслышавший в лугах лай своры разъяренных собак, идущих по следу дичи.

Энрике, в высшей степени возмущенный поведением зятя, не желая его видеть, взял свое ружье и решил убить время охотой, а назавтра непременно уехать утром в столицу.

Рабы были поражены, когда в обеденное время Леонсио оказался один за столом в столовой. Он распорядился пригласить Малвину, но она не захотела выйти, сославшись на нездоровье. Сначала Леонсио охватила дикая ярость, его первый порыв был сбросить со стола на пол тарелки и приборы и пойти надавать пощечин наглому юнцу, в недобрый час появившемуся в доме, чтобы нарушить его спокойную и размеренную семейную жизнь. Но он вовремя сдержался и, успокоившись, решил, что лучше не выдавать себя, а с величайшим безразличием и даже пренебрежением отнестись к супружеской размолвке и скверному настроению шурина. Он хорошо понимал, что впредь ему будет нелегко, а скорее всего даже невозможно более скрывать от супруги свое развратное поведение, однако, не желая просить прощения, он решил не показывать виду и напустить на себя маску безразличия и цинизма. Это решение ему подсказала непомерная гордость и пренебрежительное отношение ко всем женщинам, которым Леонсио отказывал в человеческом достоинстве и чести.

После обеда Леонсио сел на коня и объехал все плантации и посадки кофе, что делал крайне редко. С заходом солнца он вернулся домой,

спокойно и с большим аппетитом поужинал, а затем отправился в гостиную, где развалился на мягком и прохладном диване, умиротворенно закурив гаванскую сигару.

Тем временем Энрике вернулся с охоты и, обыскав весь дом, обнаружил сестру в ее спальне, бледную как смерть, с красными, опухшими от слез глазами.

— Где ты пропадал, Энрике? Ты мне очень нужен,— воскликнула молодая женщина, увидев брата.— Зачем ты оставил меня одну?

— Одну? Разве до сих пор ты не обходилась без меня, проводя время в обществе своего милого мужа?

— Не говори мне об этом человеке... Я заблуждалась. Сейчас я вижу, что была слепа, беспредельно доверяя этому безнравственному человеку... Он обманул меня!

— Хорошо еще, что ты своими собственными глазами увидела то, о чем я не хотел рассказать тебе. Что же ты собираешься предпринять?

— Что я собираюсь предпринять? Сейчас ты увидишь... Где он? Ты его видел?

— Если не ошибаюсь, он в гостиной. Я видел там его лежащим на диване.

— Хорошо, Энрике, проводи меня туда.

— Разве ты не можешь пойти одна? Избавь меня от встречи с этим человеком.

— Нет, нет. Ты должен пойти со мной. Я специально тебя ждала. Мне нужна твоя защита и поддержка. Сейчас я даже боюсь его.

— А! Понимаю. Ты хочешь, чтобы я был твоим телохранителем, пока ты будешь выводить этого мерзавца на чистую воду. Что ж, с удовольствием. Посмотрим, посмеет ли он говорить с тобой без должного уважения. Идем!

Глава 6

— Сеньор Леонсио! — холодно произнесла Малвина, приближаясь к дивану, на котором развалился ее супруг.— Хочу сказать вам несколько слов, если вы не возражаете.

— Всегда к твоим услугам, дорогая Малвина,— с улыбкой ответил Леонсио, быстро поднявшись и как бы не замечая холодного тона Малвины.— Чего ты хочешь?

— Хочу сказать вам,— строго воскликнула женщина, тщетно пытаясь придать суровое выражение своему нежному красивому лицу,— хочу сказать вам, что вы оскорбляете и предаете меня в своем доме самым недостойным и бесчестным образом...

— Боже мой! О чем ты говоришь, моя дорогая?

— Напрасно вы лицемерите, сеньор. Вам хорошо известна причина моего огорчения. Я должна была предвидеть ваше постыдное вероломство. Уже давно вы изменились, вы относитесь теперь ко мне холодно и безразлично...

— Ах, сердце мое, неужели ты думаешь, что медовый месяц длится вечно? Это было бы ужасно однообразно и тоскливо...

— И ты еще смеешь издеваться, негодяй! — вскричала Малвина, теряя самообладание: щеки ее стали пунцовыми, глаза метали гневные молнии.

— Ну, не расстраивайся так, Малвина. Я пошутил, и, кажется, неудачно! — сказал Леонсио, пытаясь взять ее за руку.

— Прекрасная тема для шуток! Оставьте меня, сеньор! Какая низость! Какой стыд для нас обоих!

— Ты объяснишь, в конце концов, в чем дело?

— Мне нечего объяснять. Вы прекрасно все понимаете. Мне остается только требовать...

— Так требуй, Малвина!

— Отошлите куда угодно эту рабыню, которой вы бездумно и вероломно увлеклись: освободите ее, продайте ее, сделайте что угодно. Но одна из нас должна сегодня же навсегда покинуть этот дом. Так выбирайте, сеньор!

— Сегодня?

— Сейчас же!

— Ты очень сурова и несправедлива по отношению ко мне, Малвина,— после тягостного молчания нерешительно заметил Леонсио.— Тебе хорошо известно, что я хочу дать свободу Изауре, но, к сожалению, это зависит не только от меня! Ты требуешь невозможного. С такой просьбой следует обратиться к моему отцу.

— Какой жалкий лепет, сеньор! Ваш отец передал в ваше распоряжение рабов и всю недвижимость, он сочтет за благо все, что вы сделаете. Впрочем, если вы предпочитаете ее мне...

— Малвина! Не богохульствуй!..

— Богохульство!.. Кто знает! Но, наконец, отправьте куда-нибудь эту девушку, если не желаете навсегда расстаться со мной. Я более не нуждаюсь в ее услугах. Она слишком красива для того, чтобы быть служанкой.

— Что я говорил вам, сеньор Леонсио? — вмешался Энрике, устав от молчания и несколько устыдившись роли немого телохранителя. Он решился вмешаться в эту ссору.— Видите? Вот плоды безрассудного стремления во что бы то ни стало сохранить «роскошную утварь», так, кажется, вы называли эту рабыню, в своей гостиной...

— Эта «утварь» не была бы так опасна, если бы не ухищрения подлых интриганов, бесстыдно нарушающих покой чужого очага ради своих безнравственных порывов...

— Одумайтесь, сеньор! Я здесь, чтобы помешать вам перенести вашу роскошную утварь из гостиной в спальню. Вам понятно, о чем я говорю? В такой ситуации скандал неизбежен, и я не могу сложа руки наблюдать, как беспардонно оскорбляют мою сестру.

— Сеньор Энрике! — вскричал Леонсио, распалившись от ярости, и с угрожающим видом делая шаг вперед.

— Хватит, сеньоры! — закричала Малвина, бросаясь между молодыми людьми.— Опомнитесь, ссора по такому поводу глупа и постыдна для нас... Я сказала Леонсио все, что хотела сказать. Пусть решает. Если он намерен действовать решительно и достойно, время еще есть. Если же нет, то он заслуживает только моего презрения.

— О, Малвина! Я готов сделать все возможное, чтобы успокоить тебя. Но ты же знаешь — я не могу исполнить твое желание, не получив прежде согласия моего отца, а он живет в столице. К тому же, ты, конечно, слышала, что мой отец не испытывает желания освобождать Изауру. Ее отец готов на все ради свободы для своей дочери. Чтобы

оградить себя от его назойливости, мой отец назначил такую фантастическую сумму за Изауру, которую бедняга будет не в состоянии собрать...

— Есть кто в доме? Разрешите? — раздался в это время зычный голос со двора.

— Кто бы там ни был, войдите,— крикнул Леонсио, возблагодарив небо, столь своевременно пославшее посетителя. Неожиданный гость прервал этот затянувшийся спор. Леонсио надеялся, что гость поможет ему выйти из затруднительного положения.

Однако вскоре выяснилось, что особенных причин для радости у Леонсио не было: посетителем оказался ни кто иной, как Мигел — отец Изауры, в прошлом управляющий этим имением и когда-то изгнанный командором Алмейдой.

Леонсио, ранее с ним не знакомый, встретил его приветливо.

— Не угодно ли присесть? — сказал он.— Чем обязан? Скажите, что привело вас к нам?

— Благодарю вас,— ответил вновь пришедший, почтительно поклонившись Энрике и Малвине.— Вы, конечно, сеньор Леонсио?

— К вашим услугам.

— Очень приятно. Поскольку командор Алмейда в городе, я решился побеспокоить вас. Дело мое простое и, полагаю, что могу сказать о нем в присутствии сеньора и сеньоры. Как мне кажется, они не чужие в этом доме.

— Несомненно! У нас нет секретов и тайн друг от друга.

— Вот зачем я пришел, сеньор,— сказал Мигел, доставая из кармана своего широкого пиджака бумажник и подавая его Леонсио.— Будьте добры открыть этот бумажник и пересчитать деньги — там сумма, которую ваш отец, сеньор, назначил за свободу одной рабыни по имени Изаура, живущей в этом доме.

Леонсио, сразу изменившись в лице и машинально взяв бумажник, несколько мгновений тупо смотрел в потолок.

— Насколько я понимаю,— сказал он наконец,— вы, видимо, отец... как говорят, отец этой рабыни... Вы сеньор... не помню вашего имени...

— Мигел, к услугам вашей милости.

— Да, правда, сеньор Мигел. Я очень рад, что вы собрали необходимую сумму, чтобы выкупить Изауру. Она заслуживает этого.

Пока Леонсио медленно открывает бумажник и неторопливо пересчитывает банкноты, чтобы выиграть время и поразмыслить о том, что бы ему предпринять в этой щепетильной ситуации, мы воспользуемся удобным случаем, чтобы рассмотреть доброго и честного португальца, отца нашей героини, о котором мы до сих пор упоминали вскользь.

Это был мужчина пятидесяти с лишним лет, с первого взгляда было ясно, что перед нами искренний и добрый человек. Одет он был бедно, но очень опрятно, его облик свидетельствовал о том, что он приехал в Бразилию не с целью обогащения, как многие его соотечественники. Его манеры и поведение говорили об учтивости и воспитанности португальца. Действительно, он родился в благородной и уважаемой семье мигелистов *, эмигрировавших в Бразилию.

Его родители — жертвы политических интриг — скончались, когда сыну было не более двадцати лет, не оставив ему ничего. Оказавшись

---

* Мигелисты — приверженцы абсолютизма, участники гражданских войн в Португалии 1823—34 гг. на стороне Мигела Брагансского и королевы Жоакины против сторонников конституционной монархии, закончившихся победой конституционалистов.

один, без средств к существованию и покровителей, он был вынужден самостоятельно зарабатывать себе на жизнь, нанимаясь садовником или огородником. В работе он был быстр и ловок, как настоящий сын крестьянина.

Отец Леонсио, случайно встретив его и сразу оцениз его достоинства, предложил ему место управляющего в своем поместье, с хорошим жалованием. Долгие годы Мигел добросовестно служил ему, пользуясь всеобщим уважением и любовью, до того рокового дня, когда он проявил сердечную слабость, о которой мы уже знаем, и в результате чего был грубо изгнан хозяином. По сей день в сердце Мигела жила обида и глубокая печаль за то, что он не смог защитить любимое им создание от ненависти и преследований развращенного и грубого господина. Однако Мигелу пришлось смириться. У него не было недостатка ни в работе, ни в жилье. Зная его достоинства, любой из местных землевладельцев принял бы его с распростертыми объятиями, надо было только выбрать. Чтобы остаться поближе к любимой дочери, свой выбор он остановил на соседнем поместье.

Так как командор большую часть времени находился то в столице, то в Кампусе, Мигел часто и беспрепятственно мог видеть дочь, к которой он все более привязывался. Супруга командора в отсутствие мужа держала открытыми двери своего дома для португальца и позволяла ему увидеть и приласкать дочурку. Это очень утешало и радовало Мигела. Действительно, ее госпожа, по воле неба, стала девочке второй матерью. К тому же благодаря своему положению она имела возможность поддержать и защитить рабыню. Неожиданная смерть этой добродетельной сеньоры разбила сердце Мигела, разом уничтожив его радужные надежды.

Сила родительской любви беспредельна! Мигел, преодолев свое прежнее отвращение и брезгливость к командору, без колебаний пошел на унижения, надоедая ему своими просьбами, умоляя со слезами на глазах назначить цену за Изауру.

— Ей нет цены, она всегда будет моей,— грубо ответил неумолимый сеньор несчастному отцу.

Но вот однажды, чтобы наконец избавиться от назойливых просьб Мигела, он заявил:

— Через год принесешь мне десять тысяч рейсов, и я отдам тебе твою дочь и... сделай милость, оставь меня в покое. Если не прийдешь в срок, то простись с надеждой.

— Десять тысяч рейсов — это для меня очень большая сумма. Но ничего! Свобода Изауры дороже! Сеньор командор, я сделаю все возможное, чтобы принести вам эту сумму в назначенный срок. Надеюсь на бога, он не оставит нас.

Бедный человек трудом и бережливостью, отказывая себе во всем и присовокупив все свои сбережения, собрал к концу года лишь половину необходимых денег. Он был вынужден воспользоваться великодушием своего нового хозяина, который, узнав о великодушной цели управляющего — о притеснениях и вымогательстве, жертвой которых тот стал,— не раздумывая выдал ему необходимую сумму в долг, в счет будущего жалования.

Леонсио, как и его отец, полагал, что Мигел не сумеет собрать за год такую значительную сумму, и потому был изумлен и в высшей степени раздосадован, когда тот вручил ему все сполна.

— Десять тысяч,— сказал Леонсио, наконец пересчитав деньги.— Именно та сумма, которую назначил мой отец. Как же глуп

и скуп мой родитель! — раздраженно прошептал он.— Я бы и за сто тысяч ее не отдал! Сеньор Мигел,— громко продолжил он, возвращая ему бумажник.— Уберите пока свои деньги. Изаура еще не принадлежит мне, только мой отец может распоряжаться ею. Он сейчас в столице, а я не получал от него никаких распоряжений на этот счет. Поэтому вам придется обратиться к нему самому.

— Но вы, сеньор,— его сын и единственный наследник, и, кажется, сами могли бы...

— Минуточку, синьор Мигел! Мой отец, к счастью, еще жив, следовательно, я пока не могу распоряжаться его имуществом в качестве наследника.

— Сеньор, по крайней мере, не откажите в любезности принять эти деньги и переслать их вашему отцу, известив его о моей просьбе, и пусть он исполнит свое обещание — дать свободу Изауре за эту сумму.

— Ты еще раздумываешь, Леонсио? — нетерпеливо воскликнула Малвина, возмущенная поведением мужа.— Пиши, пиши как можно скорее своему отцу. Ты покроешь себя позором, уклонившись от участия в освобождении этой девушки.

Леонсио, подавленный властным взглядом своей жены и безысходностью своего положения, не мог более упорствовать. Бледный, мрачный и расстроенный, он уселся за стол, на котором были бумага и чернила, и, взяв перо, задумался о той, о которой собирался писать. Малвина и Энрике, отойдя к окну, тихо переговаривались. Мигел замер в противоположном углу гостиной, терпеливо ожидая. В это время Изаура, заметившая из сада, где она пряталась, приезд отца, поспешила к нему в гостиную. Отец и дочь заговорили вполголоса:

— Отец!.. Что вас привело сюда? По-моему, у вас хорошее настроение.

— Тише! — прошептал Мигел, поднимая палец к губам и показывая на Леонсио.— Речь идет о твоей свободе.

— Правда, отец?.. Разве это возможно? Но как?

— Как?.. За золото. Я заплатил за тебя, дочка, и скоро ты будешь свободна.

— Ах, дорогой папа! Как вы добры ко мне и заботливы. Если бы вы только знали, сколько раз мне сегодня предлагали свободу. Но какой ценой, бог мой! Я даже не смею вам сказать. Но я чувствовала,— продолжала она, целуя в порыве нежности руки Мигела,— я всегда чувствовала, что получу свободу из рук того, кто даровал мне жизнь...

— Да, дорогая Изаура! — сказал отец, прижимая ее к сердцу.— Небо покровительствует нам, и скоро ты будешь свободна, всегда свободна!..

— А он согласится? — спросила Изаура, указывая на Леонсио.

— Дело не в нем, а в его отце, которому он сейчас пишет.

— Тогда мы можем надеяться. Если бы моя судьба зависела только от этого человека, я навсегда бы осталась рабыней...

— Проклятье! — выругался Леонсио про себя, вставая и в ярости ударяя кулаком по столу.— Не представляю себе, как повернуть это дело так, чтобы не выполнять дикого обещания моего отца!

— Уже написал, Леонсио? — спросила Малвина, повернувшись к нему.

Прежде чем Леонсио успел ответить на этот вопрос, в гостиную стремительно вошел лакей и вручил ему конверт с траурной каймой.

— Траурное! Боже мой! Что это может быть? — вздрогнув, воскликнул побледневший Леонсио, вскрывая письмо. Быстро пробежав его глазами, он упал на стул, всхлипывая и закрывая лицо платком.

— Леонсио! Леонсио! Что случилось?! — воскликнула бледная от испуга Малвина. Взяв письмо, брошенное Леонсио на стол, она начала читать срывающимся голосом:

«Леонсио, я вынужден сообщить тебе прискорбное известие, которое будет для тебя неожиданным. Это — удар, который неизбежно стережет нас всех и который ты должен принять со смирением. Твоего отца больше нет. Он скончался позавчера, внезапно, от кровоизлияния в мозг...»

Малвина не смогла больше продолжать и, позабыв в эту минуту все обиды и все, что произошло в этот ужасный день, бросилась к своему мужу и крепко обняла его. Слезы их помирили.

— Ах! Папа, папа!.. Все кончено! — воскликнула Изаура, уронив свою прелестную головку на грудь Мигела.— Теперь у нас нет надежды!

— Кто знает, дочка! — серьезно ответил отец.— Не будем отчаиваться. На все воля божья...

Глава 7

На фазенде Леонсио имелся большой, грубо сколоченный сарай с голыми стенами и земляным полом, предназначенный для рабынь, которые пряли шерсть и ткали холсты.

Обстановку этого помещения составляли трехногие скамейки, табуретки, лавки, прялки, мотовилки и большой ткацкий станок, расположенный в углу.

Вдоль стены, напротив широких окон, украшенных балясинами и выходивших в просторный внутренний двор, в ряд сидели пряхи. Их было примерно тридцать человек: негритянки, креолки, мулатки, с маленькими ребятишками, ползающими возле них по земле. Чтобы скоротать долгие часы своего трудового дня, некоторые пряхи вели неторопливую беседу, другие что-то напевали. Там можно было увидеть женщин любого возраста и цвета кожи: от старой африканки, хмурой и тощей, до пухлой, веселой креолки, от черной, как смоль, негритянки до почти белой мулатки.

Но среди них выделялась одна молоденькая девушка, самая изящная и красивая, какую только можно себе вообразить в подобном месте. У нее было стройное и гибкое тело, нежное личико с несколько полными, но четко обрисованными губами — чувственными, влажными и алыми, как чудоцвет, только что распустившийся ранним апрельским утром. Черные глаза ее были не слишком большими, но искрились очаровательной живостью и озорством. Черные кудрявые волосы могли бы стать украшением любой европейской аристократки. Но она их коротко стригла и завивала на мужской манер. Это совсем не вредило ее миловидности, а скорее придавало ее насмешливому и жеманному личику своеобразную изюминку. Если бы не маленькие золотые сережки, дрожавшие в миниатюрных и аккуратных мочках ушей, и вздернутые волнующие груди, которые как два шаловливых козленка подпрыгивали под прозрачной рубашкой, вы могли бы принять ее за плутоватого и дерзкого подростка. Вскоре мы узнаем, каким исчадием ада было это создание, носившее красивое имя Роза.

Тот, кто захотел бы внимательно прислушаться, среди однообразного шелеста вращавшихся колес и заунывного пения, размеренного гула безостановочно работающего ткацкого станка и визга детей, услышал бы следующий разговор. Несколько прях, среди которых была и Роза, украдкой, вполголоса толковали между собой:

— Подруги,— обратилась к своим соседкам пожилая креолка, посвященная во все секреты в доме еще со времен старых хозяев.— Теперь, после смерти старого господина и отъезда сеньоры Малвины к своему отцу, мы узнаем, что такое рабство.

— Что ты говоришь, тетушка Женуария?

— Вот увидите. Вы помните, что старый господин не любил шутить. Так вот, как говорится, все познается в сравнении. Наш молодой хозяин, гмм... Дай бог, чтобы я ошибалась... Но мне кажется, что он нас заставит пожалеть даже о прошедших временах...

— Святой крест! Дева Мария! Не говори так, тетя Женуария! Лучше уж сразу убить нас...

— Этот не будет думать ни о пряже, ни о холсте. Нет, скоро мы все пойдем в поле махать мотыгой с восхода до заката, или собирать кофе на плантациях. Повсюду нас будет преследовать плеть надсмотрщика. Вот увидите. Ему нужен только кофе. Много кофе... Кофе — это деньги.

— Сказать по правде, не знаю, что лучше,— заметила другая рабыня.— То ли в поле, то ли здесь, не разгибаясь с рассвета до десяти часов вечера. Мне кажется, там, на плантации хоть немного свободней вздохнуть можно.

— Свободнее! Не надейся,— воскликнула третья.— Здесь в тысячу раз лучше! По крайней мере здесь нет проклятого надсмотрщика.

— Да что там говорить,— заключила старая креолка,— рабство везде остается рабством. Кому суждено было родиться рабом злого господина, тот везде будет мучиться, что здесь, что там. Неволя — злая доля. Не бог сотворил рабство, это — выдумка дьявола. Знаешь, что случилось с Жулианой, матерью Изауры?

— Кстати,— вставила одна из женщин,— что теперь делает Изаура? Пока сеньора Малвина была здесь, Изаура беззаботно разгуливала по гостиной, а теперь...

— Теперь она иногда заменяет госпожу,— быстро ответила Роза, лукаво и насмешливо улыбнувшись.

— Попридержи язык, девчонка! — строго прикрикнула на нее старая креолка.— Оставь свои сплетни. Бедная Изаура! Не приведи господь тебе оказаться на месте этой бедняжки! Если бы вы знали, как страдала ее несчастная мать. Ах, наш старый господин был настоящим оборотнем, да простит меня господь. Сейчас у Изауры и сеньора Леонсио отношения складываются тем же манером. Жулиана была красивой, статной мулаткой, у нее был такой же цвет кожи, как у Розы, но она была еще красивее и лучше сложена.

Роза недовольно хмыкнула и скорчила презрительную мину.

— Но в этом и было ее несчастье, бедняжка! — продолжала старая креолка.— Вот она и понравилась старому господину... я уж вам рассказывала, что потом произошло. Жулиана была честной женщиной, поэтому страдала, пока не умерла. В то время управляющим здесь был тот сеньор Мигел, что появляется иногда тут — отец Изауры. Он был справедливым человеком, ко всем хорошо относился, и все шло как надо. Не то, что этот сеньор Франциско, сатана его побери! Это самая страшная чума, когда-либо посещавшая наш дом. Как я говорила, сеньор Мигел очень любил Жулиану и работал работал не покладая рук, чтобы на-

копить денег и выкупить ее. Но хозяин не хотел ее продавать, да так разозлился, что выгнал сеньора Мигела.

Жулиана после этого недолго прожила: плеть и работа быстро свели ее в могилу. Бедная девочка грудным ребенком осталась сиротой. Если бы не старая госпожа, бог знает, что бы с ней сталось... Несчастная девочка! Уж лучше бы господь прибрал ее...

— Почему, тетушка Женуария?

— Потому что, мне кажется, судьба ее будет такой же, как у ее матери...

— Чего же еще заслуживает эта обманщица? — зло прошептала завистливая и недоброжелательная Роза.— Думает, что если она прислуживает в гостиной, то лучше других. Строит из себя невесть что. Увивается около белых мужчин... Ее отец говорит, что выкупит ее, и она теперь воображает себя госпожой. Бедный сеньор Мигел! Сам ничего не имеет, а должен где-то наскрести на выкуп дочери!

— Какой злой язык у этой Розы,— возмутилась старая креолка, бросив укоризненный взгляд на мулатку.— Что тебе сделала бедная Изаура, эта роза без шипов? Она красива и образованна как всякая белая девушка и она не способна никого обидеть. Окажись ты на ее месте, такая хвастливая и дерзкая, ты была бы в тысячу раз хуже.

Роза, от досады сжав губы, собиралась ответить со свойственными ей дерзостью и бесстыдством, но резкий голос, раздавшийся у входа, оборвал разговоры прях.

— Тихо! — приказал вошедший.— Черт побери! Сколько болтовни! Похоже, что здесь работают только языками!

Плечистый грузный человек с густой черной бородой на угрюмой отталкивающей физиономии появился в дверях. Он неуклюже прошел в помещение. Это был управляющий. Его сопровождал молодой, стройный и элегантный мулат, одетый в красивую ливрею. Он нес прялку. Следом за ними шла Изаура.

Все рабыни встали и стоя приветствовали управляющего. Тот велел поставить прялку на свободное место. К несчастью для Изауры, оно оказалось рядом с Розой.

— Иди сюда, девка,— сказал управляющий, повернувшись к Изауре.— С сегодняшнего дня и впредь твое место здесь, а эта прялка — твоя. Пусть твои товарки дадут тебе задание на сегодня. Я понимаю, что эта перемена тебе не очень-то по вкусу, но что поделаешь? Хозяину так угодно. Иди сюда, смотри, это тебе не рояль. Тут надо побыстрей выполнить задание и получить новое. Придется мало говорить и много работать.

Не обнаруживая ни досады, ни разочарования новым положением, Изаура покорно села за прялку и начала готовить ее к работе. Несмотря на то, что она выросла в господском доме и почти всегда выполняла легкую работу, у нее были хорошие навыки в любом домашнем труде: она умела прясть, ткать, стирать, гладить и готовить так же хорошо, как любая другая, а возможно, и лучше многих. Поэтому она спокойно и непринужденно принялась за дело, и лишь горькая усмешка, мелькнувшая на ее губах, выдавала некую печальную покорность. На самом же деле она была отражением волнений и тоски, гнетущих ее сердце. Она не испытывала огорчения от того, что ее лишили положения, которое она занимала долгое время при своих господах. Осознав случившееся, Изаура старалась быть покорной, как любая другая рабыня, поскольку, несмотря на редкую красоту и образованность, тщеславие и суетность не затронули ее сердце, не омрачили ее незаурядный природный ум.

Впрочем, несмотря на скромность и покорность, в ее взоре, речи и манерах виделись настоящие врожденные достоинство и гордость, быть может, происходящие от сознания превосходства. Сама не желая того, красивая и благородная, она выделялась среди прочих правильностью черт, изысканностью жестов и манер. Никто бы не подумал, что это рабыня, работающая среди себе подобных, но скорее приняли бы ее за молодую госпожу, ради развлечения пришедшую попрясть среди рабынь. Она казалась королевским лебедем, вытягивающим благородную и гибкую шею среди стаи домашних уток.

Все остальные рабыни наблюдали за ней с нескрываемым интересом и сочувствием, потому что все, кроме Розы, испытывавшей к ней смертельную зависть, любили Изауру. В двух словах объясним читателю причину недоброжелательности Розы. Это была не просто зависть, было в ней нечто практическое, что превращало эту зависть в смертельную ненависть. Роза давно уже была любовницей Леонсио, доставшейся ему легко, без борьбы, просьб и угроз. Однако с тех пор, как он оказал предпочтение Изауре, Роза осталась в забвении. Хорошенькая мулатка почувствовала себя жестоко обиженной и пораженной таким пренебрежением прямо в сердце, а будучи злой и мстительной по натуре и не имея возможности свести счеты со своим господином, она поклялась обрушить весь свой гнев на несчастную соперницу.

— Черт побери тебя, проклятый! Пусть замучит тебя злая проказа, нехороший человек! Пусть укусит тебя за язык гремучая змея, проклятый пес! — Эти и другие ругательства посылали рабыни, ворча под нос, вслед управляющему. Самое ненавистное для рабов существо — это управляющий. Даже палач не вызывает такой ненависти. Надсмотрщик внушает отвращение в большей степени, чем самый жестокий господин, вручивший ему безжалостный бич, чтобы наказывать и изнурять рабов работой. Так страдалец забывает судью, вынесшего суровый приговор, чтобы восстать против палача, исполняющего его.

Как мы уже сказали, Изауре пришлось сесть рядом с Розой. А та сразу же обрушила на свою новую соседку весь запас саркастических и язвительных замечаний и насмешек.

— Мне очень жаль тебя, Изаура,— сказала Роза для начала.

— В самом деле? — ответила Изаура, готовая противопоставить недоброжелательности Розы всю свою естественную приветливость и терпение.— Почему же, Роза?

— Наверное, тяжело променять гостиную на хижину, диван, покрытый мягким покрывалом, на колченогую лавку, пианино и атласную подушку на эту прялку? За что тебя выгнали из господского дома, Изаура?

— Никто меня не выгонял, Роза, ты прекрасно знаешь это. Сеньора Малвина уехала вместе с братом к своему отцу. Так что мне нечего делать в гостиной, и меня послали сюда к вам.

— А почему она не взяла тебя, свою любимицу, с собой? Ах, Изаура, ты пытаешься обмануть меня, но напрасно ты хитришь, я все знаю. Ты стала слишком нос задирать, и поэтому тебя отослали сюда, чтобы ты знала свое место.

— Какая ты недобрая! — ответила Изаура, грустно улыбаясь, но не теряя спокойствия.— Значит, ты думаешь, что я была счастлива там и гордилась тем, что нахожусь в гостиной, среди белых? Как ты заблуждаешься! Если бы ты не высказывала мне своих злых замечаний и кол-

костей, мне было бы приятнее и спокойнее работать здесь, чем прислуживать там.

— Я тебе не верю. Как это тебе может нравиться здесь, где нет мужчин, с которыми ты привыкла кокетничать?

— Роза, что я тебе сделала дурного, почему ты распространяешь эти выдумки?

— Ой, сеньора, не сердитесь!.. Простите, дона Изаура. Я думала, что сеньора оставила свою щепетильность там, в гостиной.

— Можешь говорить все, что угодно, Роза, но я же хорошо знаю, что в гостиной или на кухне я, как и ты, всего лишь рабыня. Ты тоже должна помнить, что если сегодня ты здесь, то где ты будешь завтра знает один только господь. Давай займемся работой, это наш долг. Оставим эти глупые разговоры.

В эту минуту послышались звуки колокольчика, известившего, что наступило четыре часа вечера,— время ужина для рабов. Рабыни, оставив свою пряжу, поднялись, и лишь Изаура осталась на своем месте, продолжая прясть.

— Разве ты не слышишь, Изаура? — с издевкой обратилась к ней Роза.— Пора. Фасоль ждет тебя!

— Нет, Роза. Я останусь здесь. Я не голодна. Надо закончить мое задание, я слишком поздно начала сегодня.

— Ты права, такая неженка как ты не может есть из одного котла с рабами. Хочешь, я пришлю тебе бульончик и шоколад?

— Замолчи, болтунья! — прикрикнула на нее пожилая креолка, казалось, возглавлявшая эту группу прях.— Вот змеиное жало, а не язык! Оставь ее в покое. Пошли, пошли.

Все рабыни покинули сарай. Изаура осталась наедине со своей работой, ею овладели грустные и тревожные мысли. Нить, словно сама собой, бежала из-под ее нежных пальцев, в то время как босая изящная ножка, сбросив сафьяновый башмачок на деревянной подошве, мерно нажимала на педаль прялки, приводя ее в движение. Голова девушки склонялась в одну сторону как увядшая белая лилия, а опущенные ресницы, как печальные вуали, скрывали бездонную грусть и боль, затаившиеся в прекрасных глазах. Она была чудо как хороша, застыв в этой очаровательной позе.

— Боже мой,— думала она.— Даже здесь я не могу обрести покой! Словно все поклялись мучить меня! В гостиной меня преследуют белые и плетут тысячи интриг, чтобы терзать меня. Здесь, среди подобных мне, кто, кажется, мог бы хорошо ко мне относиться, я надеялась обрести покой. Но и здесь находится одна, которая из зависти или неважно из-за чего косо смотрит на меня и злобно насмехается. Боже мой, боже мой! Я несчастна уже потому, что родилась в неволе. Но не лучше ли было бы родиться тупой и уродливой, как самая ничтожная негритянка, чем получить от небес дар, только отравляющий мое жалкое существование?

Но печальные размышления Изауры не были продолжительными. У входа раздался шум, и, подняв глаза, она увидела, что кто-то приближается к ней.

— Ах, боже мой! — прошептала она.— Опять! Ни минуты покоя!

Вошедший был ни кто иной, как лакей Андрэ, которого мы уже видели вместе с управляющим и который весьма нагло и дерзко встал перед Изаурой.

— Добрый вечер, прекрасная Изаура. Как поживает очаровательный цветок? — самонадеянно приветствовал ее хвастливый лакей.

— Хорошо,— сухо отрезала Изаура.

— Ты недовольна?.. Ты не права, надо приспосабливаться к новому образу жизни. Должно быть, тому, кто привык находиться в гостиной среди шелков, цветов и ароматной воды очень грустно оказаться в этих закопченых стенах, воняющих прокисшим вином да нагаром сальных свечей.

— И ты, Андрэ, не упускаешь момента бросить в меня камень?

— Нет, нет, Изаура! Упаси меня господь обидеть тебя. Наоборот, моему сердцу очень больно видеть тебя здесь, среди этого сброда грубых и вонючих негритянок. Такая девушка как ты достойна ступать только по коврам и возлежать на атласных подушках. У этого сеньора Леонсио в самом деле сердце каменное.

— А тебе какое до этого дело? Мне и здесь неплохо.

— Ну, что ты! Не верю. Твое место не здесь. Но, с другой стороны, я рад этой перемене.

— Почему?

— Потому что, Изаура, говоря по правде, ты мне очень нравишься, и здесь, наконец, мы можем с тобой говорить свободно.

— Вот как! Тогда запомни сразу, что я не намерена выслушивать твои двусмысленности.

— Ах, вот как! — воскликнул Андрэ, взбесившись от такого резкого ответа.— Так сеньоре угодно слушать нежности красавчиков только там, в гостиной? Смотри же, подруга, это не может продолжаться бесконечно, а из нашего брата ты не найдешь лучшего парня, чем я. Я всегда в галстуке, в перчатках, одетый, обутый, надушенный и, кроме того,— прибавил он, ударив себя рукой по карману,— не с пустым карманом. Подумай! Роза тоже очень красивая девушка, она не сводит с меня глаз, но, бедняжка, что она такое рядом с тобой... Наконец, Изаура, если бы ты знала, как я люблю тебя, ты бы так мне не отвечала. Если пожелаешь, смотри...

Говоря это, мошенник приблизился к Изауре и небрежно обнял ее за шею, как будто собираясь сообщить ей что-то по секрету или поцеловать.

— Остановись! — воскликнула Изаура, раздраженно оттолкнув его.— Ты слишком самонадеян и дерзок. Убирайся отсюда, иначе я все расскажу сеньору Леонсио.

— Ох, прости, Изаура, у тебя нет причин так сердиться. Ты напрасно ссоришься с тем, кто тебя никогда не обижал и хочет тебе только добра. Но время смягчит это неприступное сердечко. Прощай, я ухожу, но смотри, Изаура, ради бога, никому ничего не говори. Упаси господь, чтобы молодой хозяин узнал об этом: он может меня повесить. Понятно,— продолжал Андрэ про себя, удаляясь,— ведь он в этом деле преуспел не больше, чем я.

Бедная Изаура! Постоянно она становится жертвой домогательств господ и рабов, ни на мгновение не оставаясь в покое! Сколько горечи и печали скопилось в ее сердце! В доме у нее было четыре недруга, каждый из которых старался лишить ее душевного покоя и терзал ее сердце: это три поклонника — сеньор Леонсио, Белшиор, Андрэ и безжалостная соперница — рабыня Роза. Изауре нетрудно было противостоять преследованиям рабов и слуг, но что будет с ней, когда придет господин?!

Действительно, через несколько минут Леонсио в сопровождении управляющего вошел в прядильню. Изаура, прервавшая на минуту работу и погрузившаяся в свои печальные мысли, закрыв лицо руками, не заметила их появления.

— Где девушки, которые обычно здесь работают? — спросил Леонсио управляющего, входя в сарай.

— Ушли ужинать, сеньор. Но скоро вернутся.

— Но одна осталась здесь... Ах! Это Изаура... Вот и хорошо,— подумал Леонсио,— более удобного случая трудно придумать. В последний раз попробую соблазнить это бесчувственное сердце.

— Как только рабыни поедят,— продолжал он, обращаясь к управляющему,— отведите их на кофейные плантации. Я уже давно собирался поручить вам это, да все забывал. Не желаю их больше видеть здесь ни минуты. Нечего им бездельничать и тратить время без пользы для меня в пустой болтовне. Хлопковых тканей большой выбор в продаже.

Как только управляющий вышел, Леонсио подошел к Изауре.

— Изаура,— прошептал он взволнованно и нежно.

— Сеньор! — воскликнула рабыня ее сердце болезненно сжалось. А в глубине ее души прозвучало: «Бог мой! Это он! Наступил мой роковой час».

Глава 8

Сейчас мы вынуждены покинуть ненадолго Изауру наедине с ее развратным и жестоким господином, чтобы поведать читателю о том, что произошло в этой маленькой семье и какой оборот приняло дело после траурного сообщения о кончине командора. Подобно взорвавшейся бомбе это известие ускорило неумолимо приближавшуюся развязку в тот момент, когда страсти достигли апогея и неизбежно надо было принимать какое-то решение.

Эта смерть, передав в руки Леонсио все отцовское состояние и развязав последние путы, еще сдерживавшие разгул его отвратительных страстей, могла лишь усугубить это щекотливое, по сути своей глубоко драматическое положение.

Леонсио и Малвина пребывали в трауре и не выходили из дома несколько дней, ставших передышкой в их размолвке, но не снявших взаимного раздражения. Энрике, непременно желавший уехать на следующий день, наконец, уступил просьбам и уговорам Малвины и согласился не покидать ее во время траура.

— Все зависит от того, как поступит мой муж,— сказала Малвина брату,— а то уедем вместе. Если за эти дни он не освободит или как-то иначе не определит судьбу Изауры, я ни на минуту не останусь в его доме.

Леонсио, запершись в своей комнате, ни с кем не говорил и даже не выходил оттуда несколько дней. Казалось, он пребывал в своем глубоком горе. Однако это было не так. Получив известие о смерти отца, Леонсио в самом деле перенес сильное потрясение, даже некоторый испуг, но не удар. В глубине души, по прошествии первых минут замешательства, страшно сказать, он даже обрадовался этому событию, которое помогло избавиться от необходимости объяснения с Малвиной и Мигелом. Во время своего заточения вместо того, чтобы скорбеть об утрате как любящий сын, Леонсио, ни в коем случае не желая смириться с потерей Изауры, размышлял лишь о том, как избежать разго-

воров с Мигелом и Малвиной и остаться хозяином красивой невольницы. Противоречия и препятствия сплелись в один узел, который можно было только разрубить, но не развязать. Леонсио признал обещание, данное его отцом Мигелу: освободить Изауру за фантастическую сумму в десять тысяч рейсов. Мигел собрал эти деньги и принес их ему, чтобы взамен получить свободу своей дочери. Леонсио также признал и не мог оспаривать, что его покойная мать завещала после ее смерти освободить Изауру. С другой стороны, Малвина, зная о его пагубной страсти и коварных планах насчет рабыни, справедливо возмущенная этим, властно потребовала немедленно освободить девушку. Казалось, у молодого господина не было никакой возможности достойно выйти из столь затруднительного положения, не освободив Изауру. Но Леонсио не мог смириться с этим. Роковая, неистовая любовь, которую пробудила в его сердце Изаура, заставляла его преодолевать все препятствия, пренебрегать законностью, приличиями и порядочностью, безжалостно терзать сердце доброй и ласковой супруги, и все это ради удовлетворения своих низменных желаний. Итак, он решил разрубить узел, для чего использовал свою власть и отложил на неопределенное время исполнение обещаний, встретив с холодным безразличием и надменным высокомерием справедливые требования и упреки Малвины.

Малвина, из уважения к скорби, охватившей ее мужа, терпеливо ждала и пока не начинала разговора об освобождении юной рабыни.

— У нас есть время, Малвина,— холодно ответил ей Леонсио.— Сначала мне необходимо исполнить все юридические формальности. Для этого я должен поехать в столицу, чтобы вступить во владение наследством и ознакомиться с состоянием дел. По возвращении без спешки займемся Изаурой.

При этих словах лицо Малвины покрылось смертельной бледностью, она почувствовала, как холодеет ее сердце, стиснутое жестокими оковами оскорбления. Она словно увидела, как внезапно рухнул воздушный замок ее супружеского счастья. Малвина в тайне надеялась, что муж, сраженный таким страшным ударом, замкнувшийся в своих горьких раздумьях, подавленный и одинокий, прислушается к голосу разума и откажется от своего безумства, вымолит у нее прощение и встанет на путь взаимопонимания и любви. Неожиданно отчужденный тон и ничтожные отговорки мужа повергли ее в глубокое уныние, переходящее в отчаяние.

— Как?! — потрясенно воскликнула она с искренним возмущением.— Неужели ты еще колеблешься: исполнять ли свой прямой долг? Если бы у тебя было сердце, Леонсио, ты видел бы в Изауре сестру, ведь тебе хорошо известно, что твоя мать обожала и боготворила ее как собственную дочь и завещала после ее смерти дать ей свободу и, кроме того, хотела дать ей приличное состояние, чтобы обеспечить будущее. Тебе прекрасно известно, что твой отец твердо обещал отцу Изауры освободить ее за десять тысяч рейсов. Если помнишь, Мигел уже приходил, чтобы вручить тебе эту фантастическую сумму. И, зная все это, ты отделываешься пустыми отговорками! Нет, это уж слишком! Не вижу причин откладывать исполнение обещания твоих родителей, так как твой сыновий долг обязывает тебя их уже давно выполнить.

— Но к чему такая поспешность, скажи мне, Малвина? — ответил Леонсио чрезвычайно мягко и спокойно.— Какая нам сейчас выгода от свободы Изауры? Разве ей плохо здесь? Разве ее не продолжают считать скорее членом семьи, чем рабыней? Ты хочешь, чтобы мы выпустили ее в этот коварный мир? Таким образом мы уж точно не выполним волю моей матери, которая очень волновалась за судьбу Изауры. Нет, Мал-

вина, мы пока что не можем вручать судьбу Изауры слепому случаю. Сначала нужно обеспечить ей приличное положение, достойное ее красоты и образования, найти ей хорошего мужа, а это так сразу не получится.

— Какое жалкое оправдание, мой друг! Пока Изаура не нуждается в муже для защиты, ведь у нее есть отец, благородный человек, только что доказавший, что он преданно любит свою дочь. Вручим ее сеньору Мигелу, и у нее будет надежный защитник и добрый пастырь.

— Бедный сеньор Мигел! — возразил Леонсио, презрительно усмехнувшись.— Не сомневаюсь в искренности его намерений, но где он возьмет средства, чтобы сделать Изауру счастливой, особенно сейчас, когда он наверняка заложил все свое имущество до последней рубашки, чтобы оплатить свободу дочери. Весьма вероятно, что это даже чья-то милостыня, мне так кажется.

В ответ Малвина только грустно покачала головой и тяжело вздохнула. Ей очень хотелось верить в искренность своего мужа, поэтому притворилась успокоенной и удалилась, не обнаруживая своей досады. Впрочем, она не могла больше терпеть это столь унизительное для нее положение, отягощенное мучительной неизвестностью. На следующий день она была еще более настойчива. В ответ же услышала те же отговорки и доводы. Леонсио показывал всем своим видом, что занимается этим делом с презрительным безразличием человека, окончательно утвердившегося в решении исполнить задуманное. На этот раз Малвина не смогла сдержаться и порвала с мужем. Леонсио, будучи последовательным, расчетливо парировал женскую ярость циничными и насмешливыми колкостями, что привело Малвину в крайнее возбуждение и вызвало у нее гнев и досаду.

На другой день Малвина без объяснений торопливо покинула дом Леонсио и вместе со своим братом уехала в Рио-де-Жанейро. Она поклялась в порыве возмущения, что ноги ее больше не будет в доме, где ее так оскорбили и унизили. Она поклялась навсегда вычеркнуть из своей памяти вероломного и распутного супруга. Будучи в состоянии крайнего раздражения, она не могла предвидеть, хватит ли ей сил, чтобы осуществить эти далеко идущие планы, внушенные слепой ревностью и справедливым возмущением. Она не знала, что в таких нежных и добрых душах, как ее, ненависть исчезает быстрее, чем любовь, а любовь Малвины к Леонсио сохранилась, несмотря на его вероломство. Любовь гораздо сильнее, чем обида, какой бы справедливой она не была.

В свою очередь Леонсио, осуществив свой план противопоставления бурным порывам супруги самого холодного и бесстыдного равнодушия, прислонившись к косяку двери и небрежно покуривая сигару, безразлично, словно был здесь посторонним человеком, наблюдал за стремительными сборами своей жены.

Заметим, что в этом видимом равнодушии Леонсио не было ничего неестественного и неискреннего, он действительно не чувствовал никаких угрызений совести по поводу внезапного отъезда жены, наоборот, его радовало это своенравное, с его точки зрения, решение Малвины, полностью развязывавшее ему руки для осуществления отвратительных замыслов насчет несчастной Изауры. Своим показным равнодушием он сумел скрыть радость и удовлетворение, переполнявшие его сердце. Лишний раз он убедился в полезности избранного им и постоянно применяемого на практике, хоть и в менее серьезных обстоятельствах, правила: против женского гнева и капризов нет более могущественного оружия,

чем хладнокровие и безразличие. Малвина не могла предположить, что душа ее мужа ликовала и пела, окунувшись в бездну вероломства.

Что же происходило в эти долгие дни траура, всеобщей подавленности и мучительного беспокойства с нашей несчастной Изаурой?

Узнав, что в письме сообщалось о смерти командора, Изаура простилась со своими радостными надеждами, которые поселил в ее сердце Мигел несколькими минутами ранее. Похолодевшая от ужаса, она поняла, что безжалостная судьба отдавала ее, беззащитную жертву, в руки непреклонного и распутного преследователя. Помня о горькой судьбе своей матери, потрясенная случившимся, она не видела иного выхода из сложившегося положения, кроме как смириться и готовиться к самой чудовищной участи. Глубокое уныние и смертельный ужас овладели ее рассудком. Несчастная, бледная, с изменившимся лицом, она как одержимая то бродила по полям, то блуждала в густых зарослях сада, то пряталась в самых укромных уголках дома, проводя долгие часы в молчании и страхе, как беззащитный заяц, который видит парящего в небе хищника с окровавленным клювом. Кто поможет ей? Кто защитит ее от тирании распутного и отвратительного господина? Только два человека могли испытывать к ней сострадание: это ее отец и Малвина. Ее отец, скромный и бедный управляющий, которому не позволялось появляться на фазенде Леонсио, и поэтому он встречался с ней изредка и только украдкой, едва ли сможет помочь ей. А Малвина, всегда такая добрая и ласковая с ней, увы, даже Малвина после отвратительной сцены в гостиной хотя и говорила Изауре слова, полные сострадания, однако стала смотреть на нее отчужденно и недоверчиво. Ревность пробуждает злонамеренность и неприязнь даже в самых чистых и доброжелательных душах. С течением времени госпожа становилась все менее приветливой и мягкой по отношению к рабыне, с которой раньше была и дружна, и ласкова, как с родной сестрой или близкой подругой.

Добрая и доверчивая Малвина никогда бы не усомнилась в невинности Изауры, если бы не Роза, хитрая соперница и коварная интриганка. После недавних событий, жертвой которых стала Изаура, Малвина приблизила к себе Розу. Молодая госпожа порой изливала в присутствии злобной мулатки свою исстрадавшуюся душу, обиды, порожденные ревностью, переполнявшей ее сердце.

— Госпожа слишком доверяется этой притворщице,— говорила ей на это лукавая рабыня.— Будьте уверены, что эти ухаживания начались не вчера. Я уже давно замечала, как эта обманщица, изображающая перед хозяйкой простушку, кокетничает с хозяином. Она сама виновата в том, что он потерял голову.

Эти и подобные обвинения, вовремя сказанные Розой госпоже, затуманили разум и ввели в заблуждение такую простодушную и неопытную женщину, как Малвина. Усилия завистливой мулатки принесли желаемые ею результаты.

Подавленная этой новой бедой, Изаура предприняла робкие попытки приблизиться к своей госпоже, чтобы узнать, почему она лишила ее своего расположения и доверия, и доказать свою невиновность. Но несчастная была встречена так холодно и высокомерно, что отступила в испуге и еще глубже погрузилась в бездну своей тоски и уныния.

Однако пока Малвина еще жила в доме, она невольно оставалась надежным покровителем, защищавшим Изауру от наглых приставаний и грубых домогательств Леонсио. Как бы мало он ни уважал Малвину, но она была препятствием для осуществления его мерзких планов, по крайней мере, насильственным путем. Изаура отдавала себе в этом от-

чет, и трудно представить себе, в какое состояние ужаса и отчаяния погрузилась бедная девушка при виде отъезжающей госпожи, оставляющей ее целиком и полностью на произвол судьбы, вручая без защиты похоти и прихотям того, кто был одновременно ее господином, обожателем и палачом.

Действительно, едва лишь Леонсио увидел, что экипаж Малвины скрылся за холмами, не в состоянии более сдерживать свое сатанинское ликование и не теряя времени он обошел весь дом в поисках Изауры. Наконец, он обнаружил ее лежащей на полу в самом дальнем углу, почти бездыханную, заливающуюся слезами, с вырывавшимися из груди судорожными рыданиями.

Избавим читателя от пересказа произошедшей там постыдной сцены. Скажем лишь, что Леонсио быстро исчерпал все имевшиеся у него в арсенале достойные приемы, убеждая девушку, что не только ее долгом, но и в ее же интересах было бы уступить его желаниям. Он делал ей самые соблазнительные предложения, давал самые торжественные обещания, дошел до мольбы, униженно ползал у ног рабыни, из уст которой слышал в ответ лишь горькие слова и справедливые упреки. Наконец, видя тщетность всех своих усилий, он отступил, исполненный ярости, изрыгая брань и страшные угрозы.

Приступив к осуществлению этих угроз, в тот же день он приказал отправить ее работать в прядильню, где мы и оставили ее в предыдущей главе. Он заверил девушку, что если она не уступит желаниям своего господина, то путь ее лежит на плантацию, с плантации — в тюрьму, из тюрьмы — к позорному столбу, а оттуда, наверняка, в могилу.

Глава 9

Сердце Леонсио пылало безумной и всепоглощающей страстью. Он не в силах был смириться с отказом и отложить удовлетворение своих похотливых притязаний. Бродя по дому, он будто бы отдавал распоряжения по хозяйству, которое отныне целиком поступило в его распоряжение, на самом же деле он подстерегал каждое движение Изауры, стремясь застать ее одну, чтобы вновь с еще большей настойчивостью добиваться осуществления своих низменных желаний. Из окна он увидел, как рабыни-пряхи пересекали двор, торопясь на ужин, и отметил, что Изауры среди них нет.

— Отлично! Все идет превосходно,— удовлетворенно прошептал Леонсио. Именно в эту минуту ему в голову пришла счастливая мысль приказать управляющему отправить всех рабов на кофейную плантацию. Таким образом он оставался с Изаурой почти наедине в просторных пустынных помещениях фазенды.

На первый взгляд кажется, зачем нужно было прибегать к подобного рода ухищрениям, чтобы остаться наедине с Изаурой, если она была рабыней. Ему стоило лишь приказать, и ее привели бы к нему добровольно или силой. Конечно, он мог бы так поступить, но власть красоты, даже принадлежащей рабыне, в сочетании с благородством души и превосходством ума внушают почтительность даже более развращенным и испорченным людям. А поэтому, несмотря на весь свой цинизм и упрямство,

Леонсио не мог в глубине души не испытывать определенное уважение к добродетелям этой необыкновенной девушки, не мог не обращаться с ней с большей деликатностью, чем со всеми другими рабами.

— Изаура,— сказал Леонсио, продолжая диалог, прерванный нами в самом начале,— знай, что твоя судьба отныне находится полностью в моих руках.

— Как всегда, сеньор,— покорно ответила Изаура.

—Сейчас более, чем когда-либо. Мой отец скончался, и тебе известно, что я его единственный наследник. Малвина по причине, о которой ты, конечно, догадываешься, покинула меня, она уехала к своему отцу. Таким образом, сегодня только я распоряжаюсь в этом доме. И только я хозяин твоей судьбы, Изаура. Ты, конечно, понимаешь, что только от твоего согласия зависит твое будущее.

— От моего согласия? Нет, сеньор, моя жизнь зависит только от воли моего господина.

— И я желаю,— ответил Леонсио самым нежным голосом,— всей душой сделать тебя самой счастливой на свете. Но как я могу сделать это, если ты упорно отказываешь мне в радости, которую только ты способна подарить мне?

— Я, сеньор? Ради всего святого, предоставьте жалкую рабыню ее судьбе, вспомните о сеньоре Малвине, она так красива, добра, а главное — любит вас. Мой господин, заклинаю вас ее именем, не останавливайте свой выбор на бедной пленнице, во всем готовой вам повиноваться, кроме того, о чем идет сейчас речь...

— Послушай, Изаура. Ты еще слишком молода и не в состоянии по-настоящему оценивать события. Когда-нибудь, но, боюсь, что слишком поздно, ты пожалеешь о том, что отвергла мою любовь.

— Никогда! — воскликнула Изаура.— Я бы совершила низкое предательство по отношению к моей госпоже, если бы согласилась внимать ласковым словам моего господина.

— Наивная щепетильность... Послушай, Изаура. Моя мать, оценив твою красоту и живость ума, а может, потому, что у нее не было дочерей, постаралась дать тебе образование как своей родной дочери. Она очень любила тебя и если не освободила, то только из страха потерять. Она хотела навсегда удержать тебя при себе. Ею руководила любовь. Как же я могу отпустить тебя, я, любящий тебя иной любовью, гораздо более пылкой и восторженной, любовью, не знающей границ, любовью, которая грозит мне сумасшествием или самоубийством, если... Но что я говорю! Мой отец.., господи, прости его, погнавшись за выгодой продать тебя за горсть золота, безумец, готов был совершить святотатство! Святотатство!.. Я бы счел оскорблением для себя, если бы кто-нибудь осмелился предложить мне деньги за твою свободу. Ты свободна уже хотя бы потому, что господь не мог создать столь совершенное существо, определив ему в удел рабство. Ты свободна, потому что такова была воля моей матери, и так хочу я. Но, Изаура, любовь моя к тебе безгранична, я не могу, не в состоянии просто расстаться с тобой! Я умер бы от огорчения, если бы мне пришлось отдать бесценное сокровище, которое небо предназначило мне, о котором я мечтаю днем и ночью.

— Простите, сеньор, но я вас отказываюсь понимать. Вы говорите, что я свободна и не позволяете мне ни идти, куда я хочу, ни распоряжаться моим сердцем.

— Изаура, если ты захочешь, то будешь не только свободна, ты будешь госпожой, повелительницей в этом доме. Любые твои приказания, самые незначительные капризы будут тотчас же исполняться, а я как

нежный и преданный любовник окружу тебя заботой, лаской, роскошью, всем, что только может пожелать очаровательная возлюбленная! Малвина покинула меня. Тем лучше! Зачем она мне, зачем мне ее любовь, если у меня есть ты? Пусть расторгнется брак, заключенный по расчету! Пусть она навсегда забудет меня, а я обрету безграничное счастье в объятьях моей Изауры, и никогда не вспомню о прошедшем.

— Ваши слова наводят на меня ужас. Неужели вы способны забыть и пренебречь любящей и ласковой, наделенной очарованием и добродетелями женщиной, такой, как сеньора Малвина? Мой господин, простите меня за откровенность, оставить такую красивую, верную и добродетельную женщину из-за любви к бедной рабыне было бы с вашей стороны легкомысленно и опрометчиво.

Услышав эту отповедь из уст юной невольницы, Леонсио почувствовал, что его мужская гордость задета.

— Замолчи, наглая рабыня! — вскричал он с негодованием.— Неблагодарная, мало того, что ты пренебрегаешь мною и постоянно сопротивляешься! Теперь я вынужден выслушивать твои проповеди! Понимаешь ли ты, с кем говоришь?

— Простите, сеньор,— воскликнула Изаура, сожалея о вырвавшихся у нее словах.

— И все же, если ты будешь посговорчивее со мной... Но нет, это уж слишком — унижаться перед рабыней. Зачем мне просить то, что принадлежит мне по праву? Помни, неблагодарная и строптивая рабыня, что ты принадлежишь мне душой и телом, только мне и никому другому. Ты — моя собственность. Ваза, которую я держу в руках. Хочу — пользуюсь, хочу — разобью.

— Вы можете разбить ее, сеньор, я это знаю, но сжальтесь, не употребляйте ее в постыдных целях. У рабыни тоже есть сердце и даже сеньору не дано повелевать им...

— Сердце!.. Кто тут говорит о сердце? Разве ты можешь располагать им?

— Нет, конечно, мой господин. Но сердце свободно, им никто не властен распорядиться. Даже хозяин.

— У тебя рабская натура. И сердце твое подчинится, если же не уступишь мне, то у меня есть права и сила... Но к чему? Чтобы обладать тобой, нет нужды прибегать к крайним мерам... Порывы твоего сердца так же низки, как твое происхождение. Чтобы доставить тебе удовольствие, я сделаю тебя женой самого ничтожного, самого омерзительного из моих негров.

— Ах, сеньор! Я хорошо знаю, на что вы способны. Вот так когда-то ваш отец свел в могилу мою бедную мать. Я предвижу, что повторю ее судьбу. Но знайте, что я найду в себе силы, и мне хватит решимости навсегда освободиться от вас и от всего земного.

— О-о! — воскликнул Леонсио с сатанинской усмешкой.— Подумать только, ты достигла такой высокой степени экзальтации под влиянием романов! И это рабыня! Однако любопытно. Вот каков результат полученного тобой образования! Ну, что же, ведь ты рабыня, играющая на рояле и читающая книги. Хорошо, что ты меня предупредила, я сумею остудить твое разгоряченное воображение. Строптивая и безумная рабыня, у тебя не будет ни рук, ни ног, чтобы исполнить свои угрозы. Эй, Андрэ,— крикнул он и пронзительно свистнул в наконечник своего хлыста.

— Сеньор! — издали отозвался лакей и мгновение спустя появился перед Леонсио.

— Андрэ,— сухо и коротко распорядился господин,— немедленно принеси сюда ножные колодки и кандалы с замком.

— Святая дева! — прошептал про себя испуганный раб.— Для кого бы это?.. Ах, бедная Изаура!

— О, господин мой, сжальтесь! — воскликнула Изаура, падая на колени у ног Леонсио и в отчаянии воздевая руки к небу.— Ради вашего отца, недавно умершего, ради вашей матери, так любившей вас, не мучайте свою несчастную рабыню. Оставьте мне самую грязную и тяжелую работу, я всему подчинюсь безропотно. Но то, что вы требуете от меня, я не могу исполнить, я не должна этого делать даже под страхом смерти!

— Мне не хотелось бы так обходиться с тобой, но ты вынуждаешь меня. Ты же понимаешь, что не в моих интересах терять такую рабыню, как ты. Может быть когда-нибудь ты будешь мне благодарна за то, что я помешал твоему безрассудному решению.

— Но это неизбежно! — крикнула Изаура хриплым и дрожащим от отчаяния голосом, проворно поднимаясь с полу.— Пусть я не убью себя собственными руками, но все равно умру от руки палача.

В это время вернулся Андрэ, неся колодки и кандалы. Он положил их на скамейку и немедленно удалился.

При виде этих варварских и унизительных орудий пыток, глаза Изауры помутились, ее сердце похолодело от ужаса, ноги подкосились, она упала на колени и, склонившись к табурету, на котором сидела во время работы, зарыдала.

— Пусть душа моей старой госпожи,— воскликнула она голосом, срывающимся от отчаяния,— защитит меня от насилия! Там, на небесах, вы властны защитить меня так же, как вы делали это здесь, на земле.

— Изаура,— сурово сказал Леонсио, указывая на орудия пыток.— Вот что ожидает тебя, если ты не простишься со своим безрассудным упрямством. Мне больше нечего сказать тебе. Пока что я оставляю тебя, чтобы ты подумала об этом до вечера. Тебе придется выбирать между моей любовью и ненавистью. Как тебе известно, я способен на то и на другое. Прощай!

Услышав, что ее господин ушел, Изаура подняла лицо, залитое слезами, воздела руки к небу, подчиняясь душевному порыву, и сквозь рыдания обратилась к царице небесной с молитвой, идущей из глубины ее истерзанной души:

— Непорочная Пречистая Дева, Пресвятая Богородица! Ты знаешь, как я невинна, знаешь, что я не заслуживаю такого обращения. Спаси меня и помилуй! Никто в целом мире не может мне помочь. Спаси меня от этого кровожадного палача, грозящего не только моей жизни, но и моему целомудрию. Смягчи его душу, наполни его сердце добротой и милосердием, чтобы он сжалился над своей несчастной пленницей! Жалкая рабыня, я молю тебя со слезами на глазах и болью в сердце! Ради твоих пресвятых мучений, ради кровоточащих ран твоего божественного сына защити меня, сжалься надо мной...

Изаура была прекрасна даже в горе: безмолвно застывшая, с мольбой во взоре, в томительной тревоге. И сейчас она была еще прекраснее, чем в минуты безмятежного спокойствия и радости. Если бы Леонсио увидел ее в этот миг, может быть это зрелище смягчило бы его жестокое сердце. Глаза девушки блестели от слез, потоками струившихся по бледным щекам, с печально приоткрытым ртом и дрожащими губами, шептавшими сквозь рыдания молитву, с беспорядочно рассыпавшимися по пле-

чам пышными локонами черных волос, с трепетно вздымающейся грудью она являла собой совершенную модель для вдохновенного художника, пожелавшего бы создать Скорбящую Богоматерь, к которой в эту минуту Изаура обращала свою страстную мольбу. Непорочные ангелы, казалось, окружавшие ее в эти минуты, овевая золотыми и карминовыми крыльями, несомненно отнесли ее пылкую, исполненную страданиями молитву к подножию трона Утешительницы скорбящих.

Погруженная в свое горе, Изаура не заметила, как в помещение бесшумно, настороженно оглядываясь, проскользнул ее отец и направился к ней.

— К счастью, она еще здесь,— шептал Мигел.— А палач уже побывал тут! Ах, бедная Изаура!.. Что с тобой будет?..

— Отец, вы пришли! — воскликнула несчастная, увидев Мигела.— Посмотрите, до чего довели вашу дочь!

— Что с тобой, девочка? Какое несчастье обрушилось на твои хрупкие плечи?

— Разве вы не видите, отец?.. Вот что уготовано мне,— ответила она, указывая на колодки и кандалы, лежавшие на лавке.

— Боже мой, какое чудовище! Я был готов ко всему, но это...

— Вот какую свободу собирается дать он той, которую его мать воспитывала и лелеяла. Унижения и насилия в неволе, непрерывные муки души и тела, вот что выпало на долю вашей несчастной дочери... Отец мой, я не вынесу таких страданий! У меня был один путь избавления, но и этого я буду лишена, закованная в кандалы, связанная по рукам и ногам! Ох, отец! Мой отец! Это ужасно! Отец мой, где ваш нож,— добавила она хриплым голосом после небольшой паузы, печально взглянув на него,— мне нужен ваш нож.

— Что ты собираешься делать, Изаура? Какие безумные мысли?

— Дайте мне ваш нож, отец. Я прибегну к нему только в самом крайнем случае. Если негодяй появится, чтобы заковать меня в это железо, он умоется моей кровью.

— Нет, дочь моя. Я не допущу этого! Отцовское сердце почувствовало, что здесь происходит, и я решился. Деньги, на которые я не смог купить твою свободу, помогут мне вырвать тебя из когтей этого чудовища. Все уже готово, Изаура. Бежим.

— Да, отец. Бежим. Но как? Куда?

— Подальше отсюда, куда угодно и немедленно, дочь моя, пока никто ничего не подозревает и пока тебя не заковали в кандалы.

— Ах, отец, я очень боюсь. Если нас поймают, что будет со мной?

— Дело рискованное, я не отрицаю. Но мужайся, Изаура, это единственная возможность спасти тебя. Отдадим себя воле провидения. Все рабы на плантациях, управляющий там же. Твой хозяин вместе с Андрэ уехал куда-то. Во всем доме, видимо, никого нет, кроме негритянки на кухне. Воспользуемся случаем, который нам послал всевышний. Я все обдумал. Там, в глубине сада у берега реки привязана лодка. Это главное, что нам нужно. Ты выйдешь первой и пойдешь в сад. Я выйду чуть позже, встретимся на берегу реки. Через час мы будем уже в Кампусе, где сядем на корабль, капитан которого мой друг. Утром корабль отплывает на Север. На рассвете мы будем далеко от твоего преследователя. Идем, Изаура, может, нам улыбнется удача, и ты встретишь в этом мире порядочного человека, который позаботится о тебе лучше меня.

— Идем, отец. Чего мне бояться? Могу ли я быть несчастнее, чем сейчас?..

Прячась в тень забора, ограждавшего двор, Изаура прошла к воротам сада и исчезла за ними. Некоторое время спустя Мигел обошел фазенду снаружи, прошел в сад, где и встретился с ней на берегу реки.

Мигел греб без устали. Лодка быстро скользила вдоль обрывистого берега, и поместье вскоре скрылось из виду.

Глава 10

Прошло более двух месяцев после бегства Изауры с фазенды. Какие только чрезвычайные меры не использовал Леонсио, чтобы вернуть рабыню, так ловко ускользнувшую от него: разбрасывал золото, приводил в движение полицию и свору частных сыщиков. Но перенесемся, читатель, в северные провинции, где, может быть, раньше, чем он, встретимся с нашей беглянкой.

Мы в Ресифе. Ночь в прекрасной южноамериканской Венеции, увенчанной диадемой горящих огней, кажется восстающей из океана, волны которого ласкают ее нежными объятиями и страстными поцелуями. Это праздничная ночь: на одной из центральных улиц выделяется ярко освещенное здание, куда съезжаются кавалеры и дамы из самых знатных и богатых семей города. В этом роскошном здании обычно собирается местное избранное общество на блестящие, пользующиеся неизменным успехом балы. Иногда там появляются богатые элегантные студенты из старой Олинды, чтобы побродить в роскошном собрании среди шелков и ароматов танцевальной залы под нежными и кокетливыми взглядами очаровательных и неглупых девушек, чтобы забыть хоть на несколько часов жесткие скамьи Академии и ворчливых дряхлых правоведов.

Вообразим, что мы тоже служители этого храма Терпсихоры, войдем туда и оглядимся, что же там происходит любопытного, В первой же зале мы встречаем группу элегантных юношей, ведущих весьма оживленный разговор. Прислушаемся.

— Еще одна звезда появилась на небосводе Ресифе,— говорил Алваро,— она придаст особый блеск нашим балам. Кажется, три месяца назад она приехала в наш город. Я знаком с ней немногим более месяца. Но поверьте мне, доктор Жералдо, что это самое благородное и прелестное создание, какое я когда-либо знал. Это не женщина, это фея, ангел, богиня!..

— Черт возьми! — воскликнул доктор Жералдо.— Фея! Ангел! Богиня!.. Однако это три разных существа. В конце концов ты поймешь, что это просто настоящая женщина. Но скажи мне, мой дорогой Алваро, этот ангел, фея, богиня, женщина, как угодно, сказала тебе откуда она прибыла, из какой она семьи, есть ли у нее состояние и так далее...

— Мне все равно. Я могу тебе ответить так: она — посланница небес, она из сонма ангелов, а ее богатство превосходит все состояния мира вместе взятые — это чистая, благородная, нежная и трепетная душа. Я скажу тебе все, что знаю о ней: она приехала из Рио-Гранде-ду-Сул с отцом, ее единственным родственником, они стеснены в средствах, но зато она прекрасна как богиня и зовут ее Элвира.

— Элвира! — заметил другой кавалер,— действительно красивое имя!.. Но ты знаешь, Алваро, где живет твоя фея?

— Я не делаю из этого тайны. Она живет с отцом в маленьком домике в предместье Санто Антонио, очень скромно, избегая знакомств и очень редко появляясь на людях. В этом домике, спрятавшемся в зарослях кокосовых пальм, она живет подобно фиалке среди травы или как таинственная фея в волшебном гроте.

— Чудно! — удивился доктор,— но как тебе удалось обнаружить эту очаровательную нимфу и проникнуть в ее таинственный грот?

— Я расскажу вам об этом в двух словах. Однажды, проезжая там верхом, я увидел ее, сидящую на скамье в небольшом садике. Меня сразу поразила ее совершенная красота. Заметив, что я смотрю на нее с чрезмерным любопытством, она, как мотылек, порхнула в цветущий кустарник и исчезла. Я твердо решил увидеть ее еще раз и поговорить с ней во что бы то ни стало. Однако как я ни расспрашивал соседей, не нашел никого, кто знал бы ее и мог бы меня представить. Наконец, я выяснил, кто владелец дома и отправился к нему. Но и у него я не получил интересовавших меня сведений. Он ничем не смог мне помочь. Его постоялец аккуратно вносил плату за жилье — вот и все, что он мне сказал. Однако, я продолжал каждый вечер прогуливаться возле их сада, чтобы хоть мельком увидеть и восхититься ею. Когда я замечал ее в саду, она, как и в первый раз, непременно пряталась от моих взглядов. Впрочем, однажды мне повезло: она уронила платок, проходя из сада в дом. Калитка была открыта, и я рискнул проникнуть в сад. Я поднял платок и подал его владелице, когда она уже стояла на пороге дома. Она поблагодарила меня такой чарующей улыбкой, что я готов был преклонить колени у ее ног, но она не пригласила меня войти и ничего не сказала мне.

— Этот платок, Алваро,— прервал его какой-то кавалер,— она наверняка специально уронила, чтобы ты мог приблизиться и заговорить с ней. Это обычное кокетство.

— Не думаю. Ей не знакомо кокетство, она слишком искренна и чиста. Я с трудом заставил себя покинуть это место, оно притягивало меня, как магнит, и мне почудилось, что я почувствовал волнения чистой любви.

Алваро прервал свой рассказ, погрузившись в приятные воспоминания.

— Признаться, Алваро,— заметил другой кавалер,— твой роман заинтересовал нас. Продолжай, мне не терпится узнать развязку...

— Развязку?.. Ее еще нет, и я не знаю, какой она может быть. Итак, я испробовал все возможные уловки, пытаясь проникнуть в святилище этой богини, но пока остался ни с чем. Однако мне посчастливилось. Случай помог мне гораздо больше, чем все мои старания и выдумки. Совершая как-то вечером прогулку в экипаже по берегу Беберибе, в предместье Санто Антонио, что стало для меня привычкой, я заметил в лодке под парусом мужчину и женщину.

Мгновение спустя лодка села на мель. Я оставил свой экипаж, взял на пляже шлюпку и отправился на помощь путешественникам, тщетно пытавшимся столкнуть суденышко. Вы не представляете себе моего счастливого изумления, когда неожиданно для себя я узнал сидевших в лодке: это были моя таинственная незнакомка и ее отец...

— Я так и думал,— сказал доктор.— Однако случай весьма драматичный. История вашей любви к этой таинственной фее похожа на романтическую поэму.

— И, тем не менее, это правда. Они промокли и устали, и я сейчас же пригласил их в свой экипаж. После застенчивых отговорок они со-

гласились, и мы отправились к ним домой. Об остальном я умолчу. Хотя и с некоторым запозданием, но всевышний допустил меня в этот таинственный грот.

— И я вижу,— заметил доктор,— ты любишь эту женщину?

— Люблю ли я! Я обожаю ее все больше и больше, но, главное, у меня есть основания полагать, что я ей, быть может, тоже не безразличен.

— Дай бог, чтобы тебя обольстила не какая-нибудь коварная цирцея из борделя или одна из тех авантюристок, каких на свете множество, которые, прознав, что ты богат, плетут сети для твоих денег. Эта отстраненность от общества, таинственность, которой они так старательно окружают себя, не очень-то хорошо их характеризуют.

— Кто знает, может, это преступники, пытающиеся укрыться от полиции? — заметил один кавалер.

— А может фальшивомонетчики,— добавил другой.

— Не думаю,— продолжал доктор.— Всякий раз, когда я вижу красивую женщину, путешествующую в чужих краях в сопровождении мужчины, слышу, что он выдает себя за ее отца или брата. Отец твоей феи, Алваро, если он и вправду отец, возможно, какой-нибудь цыган или мошенник, наживающийся на красоте своей дочери.

— Святой боже!.. Помилуйте,— воскликнул Алваро.— Если бы я мог предположить, что ангельское создание заслужит такое жестокое осуждение или будет так безжалостно оскорблено, я лучше бы онемел, чем стал бы говорить о ней. Поверьте, друзья мои, вы не правы по отношению к этой бедной девушке. Мне показалось, что она принцесса, попавшая в немилость. Нет, я уверен, что это упавший с небес ангел. Вы скоро сами увидите ее, и мы с ней будем отомщены, потому что я уверен, все вы в один голос провозгласите ее богиней. Но самое страшное, что я в каждом из вас уже вижу соперника.

— Что касается меня,— сказал один из кавалеров,— можешь быть спокоен, таинственные девушки не в моем вкусе.

— А я, будучи всего лишь простым смертным, очень боюсь фей,— добавил другой.

— Но как же,— спросил доктор Жеральдо,— она решилась оставить свое уединенное таинственное убежище и придти на этот шумный многолюдный бал?

— Я с величайшим трудом уговорил ее, друг мой! — ответил Алваро.— Она долго не соглашалась. Уже давно я пытаюсь всячески убедить ее, что молодая и красивая дама, такая, как она, скрывая в уединении свое очарование, совершает преступление, противное воле создателя, сотворившего красоту для того, чтобы ею любовались, восторгались, восхищались. Я противник тех ревнивых и желчных любовников, которые стремятся скрыть своих возлюбленных от посторонних глаз. Уговоры, просьбы, мольбы — все было напрасно. Отец и дочь наотрез отказывались показываться на публике, приводя тысячу разных доводов. Наконец, я прибег к хитрости, доверительно сказав, что их затворнический образ жизни и упрямое нежелание войти в общество, где их не знают, уже вызвали пересуды и подозрения, что даже полиция начинает интересоваться ими. Ложь, по-моему, безобидная.

— Тем более,— перебил его доктор,— что не очень далека от истины.

— Я убедил их,— продолжал Алваро,— что хоть нет оснований для таких подозрений, но лучше заранее отвести их от себя, поэтому им необходимо хоть иногда бывать в обществе. И я добился желаемого результата.

— Тем хуже для них,— возразил доктор.— Это очень плохой признак, и он утверждает меня в моих подозрениях относительно этих людей. Если бы они были невиновны, им было бы безразлично отношение публики и полиции, они продолжали бы жить, как жили.

— Твои подозрения беспочвенны, доктор. У них скромный достаток, и поэтому они избегают общество, которое, действительно, требует жертв от людей, не имеющих состояния... Они... Но вот они, входят... Смотрите, доверьтесь собственным глазам.

В эту минуту в залу вошла молодая прекрасная дама под руку с мужчиной зрелого возраста и почтенного вида.

— Добрый вечер, сеньор Анселмо! Добрый вечер, дона Элвира! Я счастлив, что вы здесь,— произнес Алваро, обращаясь к вновь прибывшим, покидая своих друзей и торопясь приветливо встретить гостей. Он предложил одну руку Элвире, другую сеньору Анселмо и повел их во внутренние залы, где уже собралось многочисленное и блестящее общество. Три собеседника Алваро, как и многие другие, находившиеся там, разом повернулись, чтобы увидеть Элвиру, чье появление вызвало восторженный шепот даже среди тех, кто не был предупрежден.

— Действительно!.. Ослепительная красота!

— Королевская осанка!

— Андалузские глаза!

— Какие роскошные волосы!

— А шея! Какая шея! Не заметил?

— И с какой элегантной простотой она одета,— так перешептывались меж собой три кавалера, взволнованные этим божественным видением.

— А ты обратил внимание на обольстительную родинку у нее на правой щеке?.. Алваро прав, его фея затмит всех здешних красавиц. Кроме того, у нее есть преимущество — она незнакомка, обаяние тайны, окружающее ее. Я буду нетерпеливо ждать, когда же нас представят ей. Хочу налюбоваться ею вдоволь.

Они продолжали разговаривать в том же духе. Но вот через несколько минут Алваро вновь оказался среди них, исполняя принятую им роль церемониймейстера при новой жемчужине города.

— Друзья мои,— торжественно произнес он,— приглашаю вас в гостиную. Я хочу представить вас доне Элвире, чтобы раз и навсегда развеять несправедливые и оскорбительные предположения, высказанные вами об этом прекрасном и чистом существе, вы убедитесь, что это самое прекрасное и чистое создание, живущее на земле. Я уверен, что ее появление уже повергло вас в изумление и восторг.

Кавалеры направились к дверям и исчезли в людском водовороте внутренних залов. Впрочем, на их месте тотчас же появилась стайка красивых, изящно одетых девушек, которые, сверкая шелками и каменьями, как райские птицы с радужным оперением, прогуливались, непринужденно болтая между собой. Они тоже обсуждали дону Элвиру, но оценки были совершенно противоположными и совершенно не походили на те, которые мы слышали от молодых людей. Нам будет небезынтересно послушать их хоть несколько минут.

— Вы не знаете, дона Аделаида, кто эта девушка, которая вошла в залу под руку с сеньором Алваро?

— Нет, дона Лаура. Я впервые ее вижу, кажется, она не из наших краев.

— Конечно. У нее такой испуганный вид! Она похожа на провинциалку, которая никогда не посещала балов. Вы согласны, дона Розалина?

— Безусловно! А вы обратили внимание на ее туалет? Бог мой! Какая нищета! У моей служанки и то побольше вкуса. Вот дона Эмилия, может, она знает, кто это.

— Я? Ну что вы! Я впервые вижу ее, но сеньор Алваро рассказывал мне о ней, о ее неземной красоте. По-моему, ничего особенного. Красива, но не настолько, чтобы изумлять всех.

— Этот сеньор Алваро все же редкий чудак, его привлекает новое. Где он только выкопал эту жемчужину, которая так обворожила его?

— Перелетная птичка с южных морей, подруга, и, судя по внешности, совсем недурна.

— Если бы не эта черная крапинка на щеке, она была бы лучше.

— Наоборот, дона Лаура, эта родинка как раз придает ей особое очарование...

— Ах, извини, подруга. Я забыла, что у тебя такая же на щеке. Но тебе она очень к лицу и украшает. У нее же родинка слишком большая, она скорее похожа не на мушку, а на жука, опустившегося на щеку.

— Сказать по правде, я не обратила внимания. Идем, идем в зал. Надо посмотреть на нее вблизи, спокойно рассмотреть ее, чтобы судить о ее достоинствах.

Утолив свое сердце злыми речами, они отправились в залу, соединив руки и напоминая как бы длинную гирлянду пестрых цветов, которая извивалась, теряясь в залах.

Глава 11

Алваро был одним из тех немногочисленных людей, на которых природа и судьба, как бы опережая друг друга, излили свою благосклонность. Единственный отпрыск знатной и богатой семьи в возрасте двадцати пяти лет он остался сиротой и владельцем состояния, составляющего два миллиона рейсов.

Он был среднего роста, худощав, хорошо сложен и привлекателен скорее благородством и доброжелательностью лица, чем физическим совершенством, которым он тоже обладал в достаточной мере. Хоть он и не имел исключительно глубокого ума, но умел трезво оценить ситуацию и постичь самые сложные материи. Закончив подготовительный курс и будучи серьезным мыслящим человеком, он понимал, что если один случай сделал его богатым наследником, то другой мог лишить его всего, поэтому он пожелал получить какую-нибудь профессию, а именно: изучить право. В начале обучения, коснувшись высоких материй философии права, он получал некоторое удовольствие от академических знаний, но когда ему пришлось погрузиться в запутанный лабиринт сухой и утомительной казуистики практического права, его живой аналитический ум отступил с отвращением, ему не хватило духу идти дальше по избранному пути. Энергичный юноша, полный высоких и благородных замыслов получал больше удовольствия от исследования высоких политических и социальных материй, от создания блестящих утопий, чем от изучения и толкования законов и сводов правил, которые в большинстве своем, по его мнению, основывались на абсурдных ошибках и нелепых предубеждениях человечества.

Он ненавидел все социальные различия и привилегии. Надо сказать, что он был либералом, республиканцем и почти социалистом.

Имея такие убеждения, Алваро, конечно же, был сторонником отмены рабства и был им не только на словах. Немалую часть родительского наследства составляли рабы, и он сразу же освободил их всех. Кроме того, имея филантропическую наклонность и зная, сколь опасен резкий переход от состояния полного подчинения к абсолютной свободе, Алваро организовал для освобожденных им рабов нечто вроде колонии в одном из своих поместий, управление которой доверил честному и усердному человеку. Таким образом, и негры, и общество, и сам Алваро получили большую выгоду. Земля была предоставлена им для работы на условиях аренды, и они, подчиняясь определенному порядку, не только избежали бедности, преступности и развращенности, но получили надежные средства к существованию и даже могли откладывать некоторые сбережения, а также возместить Алваро убытки, связанные с их освобождением. Независимый и эксцентричный как богатый английский лорд он исповедовал в своей жизни строгие принципы. Обладая одновременно живым воображением и впечатлительным сердцем, Алваро очень любил удовольствия, роскошь, наслаждения. Его любовь к женщинам отличалась тонкой деликатностью и идеалистической чистотой, доступной только возвышенным натурам и добрым сердцам. Заметим, что Алваро до сих пор не встретил девушку, которая стала бы для него воплощенным идеалом, созданным его поэтическим воображением в смутных мечтах. Имея такие исключительные и блестящие данные, Алваро, конечно, являлся предметом всеобщего интереса со стороны прекрасной половины высшего света, а может и тайной страсти, заставлявшей трепетать сердца не одной знатной и прекрасной девственницы. Впрочем, одинаково вежливый и любезный со всеми, он ни на одной из них не остановил своего выбора.

Трудно себе вообразить разочарование, изумление и растерянность, охватившие прекрасных дам Ресифе, когда они увидели, с каким интересом и какой заботливостью отнесся Алваро к безвестной и бедной девушке, с какой учтивостью он обращался к ней и какие восторженные похвалы, не скрывая, расточал ей. Юнона и Паллада были менее раздосадованы, когда прекрасный Парис присудил Венере приз красоты. Уже до этого вечера в определенных дамских кругах Алваро высказывался об Элвире в весьма восторженных выражениях и с весьма пылким красноречием, что повергло в изумление и встревожило дам. Девушки горели желанием увидеть этот эталон красоты и уже заранее приготовили для незнакомки и ее рыцаря тысячи язвительных замечаний, едких насмешек и злобных шуток. Однако когда они воочию увидели ее, то несмотря на пренебрежительные улыбки, блуждавшие у них на устах, девушки почувствовали себя уязвленными в самое сердце красотой незнакомки. Прошу прощения у красавиц за мою прямолинейность и откровенность, но за очень редким исключением тщеславие — неизменная спутница красоты, а там, где есть тщеславие, рано или поздно рождается зависть, неизменно следующая за ним в большем или меньшем отдалении. Очарование незнакомки было бесспорно, ее скромность и робость не портили своеобразную, наивную и естественную элегантность, простое и даже бедное платье, потерявшееся в окружении пышных роскошных нарядов, великолепно сидело, изящно подчеркивая ее природную стать. Исключительное впечатление, произведенное Элвирой при первом появлении в обществе, и усердие, с которым Алваро старался подчеркнуть соблазнительную привлекательность Элвиры, словно для того, чтобы затмить других красавиц в гостиной, были уже достаточным поводом

для того, чтобы вызвать их неприязнь и задеть самолюбие. Оба они стали в этот вечер мишенью для тысячи злых замечаний, насмешливых улыбок и презрительных взглядов.

Алваро даже не замечал едва скрываемой враждебности, с которой он и его протеже — мы можем так назвать ее — были встречены этим собранием. Робкая и скромная Элвира, нигде не встречавшая искренности и сердечности, и здесь почувствовала себя неуютно в этой атмосфере притворной любезности и показной обходительности, где в каждом взгляде таилась пренебрежительная насмешка, в каждой улыбке — издевка.

Мы уже знаем, кто такой Алваро, познакомимся же с его другом — доктором Жералдо.

Это был мужчина тридцати лет, бакалавр права, адвокат, мнение которого высоко ценили коллеги в суде в Ресифе. Из всех своих знакомых только к нему Алваро испытывал искреннюю привязанность и только с ним поддерживал тесные отношения. Ясный ум, твердый и благородный характер, честные жизненные принципы привлекали в нем Алваро. Наделенный практическим и цепким умом, каковым должен обладать настоящий юрист, скрупулезно соблюдающий законы, хорошо изучивший все предрассудки и капризы общества, Жералдо был полной противоположностью эксцентричному и увлекающемуся реформистскими идеями другу, но эта несхожесть совсем не нарушала и не охлаждала взаимного уважения и привязанности молодых людей, скорее наоборот, питала и укрепляла их дружбу, исключая однообразие, которое устанавливается в отношениях людей, всегда и во всем согласных и похожих. Видя, в конце концов, что друг думает то же, что и ты, что желания одного созвучны желаниям другого и нет предмета для обсуждения, такие друзья испытывают тошноту от безоговорочного согласия во всем и часто бывают вынуждены замкнуться в молчании и уснуть друг против друга. Невозмутимая, удобная и вялая дружба! Кроме того, противоречивость склонностей и мнений друзей всегда очень полезны, так как развивают и закаляют личность. Так, позитивизм и практический ум доктора Жералдо часто вносили поправки в утопии и восторженные планы Алваро. Бывало и наоборот.

Из уст самого Алваро мы уже узнали, какая невероятная случайность позволила ему познакомиться с доной Элвирой, и как ему удалось привести ее на бал, где мы все находимся.

— Отец,— говорила юная девушка пожилому мужчине, на руку которого она опиралась, возвращаясь в первую залу, где мы и продолжим свои наблюдения.— Отец, побудем немного в этой комнате, пока здесь никого нет. Ах, боже мой! — продолжала она озабоченно после того, как они уселись рядом,— зачем я, бедная рабыня, пришла сюда, на бал знатных и богатых господ! Эта роскошь, эти огни, эти почести, окружающие нас,— от всего этого я испытываю смущение, голова просто идет кругом. Я преступница, потому что позволяю вовлечь себя в столь блестящее общество. Отец, это предательство, я знаю, я чувствую угрызения совести... Но если бы эти благородные сеньоры догадались, что рядом с ними развлекается и танцует жалкая рабыня, бежавшая от своих господ! Рабыня! — воскликнула она, поднимаясь,— рабыня! Мне представляется, что все читают это роковое слово, запечатленное на моем челе... Уйдем отсюда, отец. Это общество насмехается надо мной, я задыхаюсь в этом дворце... бежим!

Воскликнув так, девушка, бледная и задыхающаяся, испуганно озиралась и дрожала всем телом, отталкивая руку отца, и не переставала повторять в отчаянии и нетерпении:

— Скорее, отец мой. Бежим отсюда.

— Не волнуйся, дочка, успокойся,— отвечал ей мужчина, пытаясь остановить ее.— Здесь никто не догадывается, кто ты. Как могут они предположить, что ты рабыня, если ни одна из этих красивых и благородных сеньор не может ни красотой, ни изяществом, ни воспитанием поспорить с тобой?

— Тем хуже, отец. Я привлекаю всеобщее внимание и эти любопытные взгляды, направленные на меня изо всех углов, заставляют меня вздрагивать каждую минуту. Уж лучше бы земля раздвинулась у меня под ногами, и я бы скрылась от всех в ее недра.

— Оставь эти мысли, твой страх и сомнения беспочвенны, они могут погубить нас. Веди себя непринужденно, не скрывай своего очарования и умения танцевать, петь, вести беседы, пусть тебя видят веселой и спокойной, тогда никто не подумает, что ты рабыня, нет, они примут тебя за принцессу. Наберись мужества, дочь моя, по крайней мере здесь. В первый и последний раз мы подвергаем себя этому испытанию. Мы больше не можем оставаться в этом городе, где к нам начали относиться с подозрением.

— Правда, отец!.. Какая судьба! — ответила девушка, грустно склонив голову.— Мы обречены всегда странствовать по свету как изгои общества, скрываясь и ежесекундно вздрагивая. Видно, небо отметило нас своим проклятьем... Ах! Наш отъезд причинит боль моему сердцу!.. Не знаю, что меня привязывает к этим местам... однако мне придется сказать им прощай навеки. Этому краю, где так недолго я наслаждалась радостью и покоем. Ах! Боже мой!.. Кто знает, не лучше ли мне было умереть в рабстве!

В это время в залу торопливо вошел Алваро. Казалось, что он кого-то ищет.

— Куда же они делись? — прошептал он,— может, им стало скучно и они ушли?.. Ах, нет! К счастью, вот они! — радостно воскликнул молодой человек, увидев отца и дочь, беседу которых мы только что слышали.— Дона Элвира, вы так скромны. Зачем вы скрываетесь здесь, вы должны блистать в зале, где все с нетерпением ждут вас. Такое поведение скорее подходит робкой увядающей фиалке, а не великолепной розе, которая должна красоваться при ярком свете дня.

— Простите меня,— прошептала Изаура,— бедная девушка, такая как я, воспитанная в деревенской глуши и не привыкшая к великолепным собраниям, чувствует себя смущенно в роскошной толпе...

— О, нет! Вы привыкнете, я надеюсь. Огни, блеск, музыка, ароматы духов создают атмосферу, в которой должна сверкать ваша красота, созданная богом, чтобы радовать и восхищать людей. Я искал вас по просьбе нескольких кавалеров, которые уже стали вашими поклонниками. Чтобы сменить однообразие вальсов и кадрилей здешние дамы имеют обыкновение очаровывать наш слух музицированием. Кое-кто, кому я уже сказал, простите меня за бестактность — наперсницу восторга, что вы обладательница нежного и сильного голоса, изъявляют желание послушать вас.

— Я, сеньор Алваро!.. Я не могу петь в таком блестящем собрании! Пожалуйста, избавьте меня от нового испытания. Прошу вас, в ваших собственных интересах. Я плохо пою, очень стеснительна и уверена, что подведу вас. Давайте избежим этого.

— Я не могу принять ваши доводы, потому что уже слышал, как вы поете, и поверьте мне, дона Элвира, если бы я не знал, что вы поете восхитительно, я бы не посмел подвергнуть вас такому испытанию. Вы

обладаете певческим даром, и это не должно вас смущать. Я еще раз настойчиво прошу вас спеть именно ту благозвучную песню рабыни, за исполнением которой я однажды вас застал. Уверяю, слушатели будут потрясены.

— Почему не другую? Эта будит во мне слишком грустные воспоминания...

— Может быть именно поэтому она так трогательно звучит в ваших устах.

— Ах, горькая участь моя! — вздохнула про себя дона Элвира,— те, кто меня сильно любят, становятся, не ведая того, моими палачами.

Во что бы то ни стало Элвира хотела уклониться от нового испытания. Петь при таких обстоятельствах было для нее самым мучительным, что можно было придумать. Но она не могла больше противиться уговорам и, вспомнив рассудительный совет своего отца, не стала больше заставлять себя упрашивать. Она оперлась на руку, предложенную ей Алваро, прошла к пианино и села к инструменту с изяществом и элегантностью исполнительницы, умеющей с ним обращаться.

Толпа любопытствующих и трепещущих в самом томительном ожидании теснилась вокруг пианино. Кавалерам не терпелось узнать, так ли хорош ее голос, как прекрасна ее внешность, была ли эта фея еще и сиреной. Девушки надеялись, что сейчас будут иметь удовольствие созерцать провал этого удивительного создания и уже готовились сравнить ее с павлином из басни, жалующимся Юноне, что, создав его самым красивым из пернатых, она забыла подарить ему певческий дар, наделив его резким и визгливым голосом.

Атмосфера была напряженной и торжественной. Девушка оказалась в трудном положении примадонны, о вокальных данных которой заранее раструбила пресса, и вот теперь она дает первый концерт перед требовательной и просвещенной публикой. В зале стояла глубокая тишина, словно все разом затаили дыхание, и, казалось, было слышно биение сердец, томимых ожиданием. Несмотря на то что Алваро уже слышал превосходный голос Элвиры и ее вдохновенное пение, он был обеспокоен ее настроением. Элвире было безразлично, как ее примут, хорошо или плохо, она бы очень хотела оказаться на месте самой безобразной, самой нескладной и самой глупой девушки на этом балу, лишь бы о ней забыли и оставили в покое. Можно было подумать, что ее внезапно охватило какое-то ужасное роковое предчувствие. Но Элвира успела полюбить Алваро, благодарная ему за чуткость, с которой он, полный заботы и энтузиазма, старался представить ее как самую красивую и талантливую в этом блестящем обществе. Чтобы доставить ему удовольствие и не разочаровать его, она хотела спеть как можно лучше. Она больше желала триумфа Алваро, чем своего собственного.

Девушка села за пианино, и как только ее ласковые и гибкие пальцы опустились на клавиши и стали нежно перебирать клавиатуру, как бы пробуя инструмент, она преобразилась, открыв слушателям еще одно свое дарование. Лицо ее, обычно скромное и простодушное, озарилось внутренним светом, стан, восхитительно стройный, высокомерно и величественно выгнулся, восторженные глаза горели лучистым сиянием; грудь, до этого безмятежная, как воды озера в тихую лунную ночь, волновалась, словно бушующий океан; ее шея, белоснежная и гибкая, вытянулась, как у лебедя, готовящегося спеть свою неземную песнь. Божественное вдохновение, коснувшееся нежного чела, превратило ее в жрицу Прекрасного, в посланницу Небесной гармонии. В душевных волнениях и тревогах она сумела почерпнуть мужество и вдохновение, чтобы пре-

одолеть робость и страх, которые сковывали ее душу. Губы ее увлажнились от слез, и голос вырвался из ее груди с такой необычной и захватывающей силой, такого чистого и нежного тембра, исполненный такой возвышенной меланхолии, что не одна слеза скатилась по щекам завсегдатаев этого храма изысканных удовольствий и легкомысленных наслаждений.

Элвира имела головокружительный успех! Как только отзвучали последние аккорды, зал взорвался громом аплодисментов. Казалось, что от грома рукоплесканий и восторженных возгласов обрушится здание.

— Фея Алваро еще и сирена,— говорил доктор Жералдо одному из кавалеров, в компании которого мы его уже видели.— В ней все прекрасно... Какой чистый и нежный тембр голоса! Я решил, что вознесся на небеса и слушаю ангельские хоры.

— Настоящая артистка... В театре она затмила бы Малибран и завоевала бы мировую славу. Алваро прав, такое создание не может быть обычной женщиной, а тем более авантюристкой...

Оркестр, заигравший кадриль, заглушил их последние слова и не позволил нам дослушать их разговор.

— Дона Элвира,— сказал Алваро, направляясь к своей протеже, уже сидевшей рядом с отцом.— Вы помните, что оказали мне честь, подарив мне эту кадриль.

Элвира заставила себя улыбнуться и побороть ужасную слабость, вновь охватившую ее после того, как она кончила петь.

Она приняла руку Алваро, и они заняли свое место в ряду танцующих.

Глава 12

Читатели уже наверняка догадались, что прекрасная Элвира — это рабыня Изаура, а сеньор Анселмо — ее отец. Мы уже знаем, что Изаура не только была умна от природы, но и получила прекрасное по тем временам образование, поэтому у нее такие изысканные манеры, изящная, выразительная и гибкая речь, а также масса других достоинств, позволивших этой рабыне появиться и даже блистать в просвещенном и аристократическом обществе.

Та безысходность, в которую попала его дочь, вдохновило Мигела на крайнее средство — поспешное бегство, сопровождавшееся множеством случайностей и опасностей. Он с ужасом вспоминал о трагической судьбе матери Изауры, ставшей жертвой таких же обстоятельств. Мигел хорошо знал, что Леонсио такой же бессердечный, как и его отец, и даже еще более испорченный и распутный, способен на любые крайности и злодеяния. Потеряв надежду выкупить дочку за деньги, собранные им, он решил воспользоваться этой суммой для того, чтобы любым путем вырвать бедную жертву из рук злодея. Мигел отдавал себе отчет в том, что выкрасть рабыню из дома хозяев и покровительствовать ее бегству было не только преступлением в глазах общества, но еще и недостойным поступком. Но эта рабыня была его родной дочерью, невинной жемчужиной, которая неминуемо была бы осквернена или раздавлена рукой

хозяина-палача. Все эти обстоятельства служили оправданием его в собственных глазах.

Несчастный отец неоднократно сообщал властям о происходившем, умоляя использовать закон в защиту его дочери, чтобы она не стала жертвой насилия и жестокости со стороны ее распутного и грубого господина. Но все, к кому он обращался, отвечали ему единодушно: «Оставьте это. Не теряйте времени зря. Властям нет никакого дела до того, что происходит в домах состоятельных людей. Не связывайтесь с ним, будьте счастливы, если вам придется только оплатить судебные издержки, а то могут состряпать какое-нибудь обвинение против вас самих, и вы попадете в тюрьму. Где вы видели, чтобы у бедного нашлась управа на богатого, слабый выстоял перед сильным?»

Мигел тайно поддерживал связь с некоторыми старыми рабами на фазенде Леонсио, которые с тоской вспоминали о тех временах, когда он был там управляющим. Они сохранили к нему уважение и привязанность, от них-то он и получал точные сведения о том, что происходило в поместье. Узнав о жестоких преследованиях, которым стала подвергаться его дочь после смерти командора, он, не раздумывая ни минуты, предпринял все возможное, чтобы выкрасть дочь и укрыть ее от домогательств жестокого господина. На следующее утро после похищения он отплыл вместе с Изаурой в северные провинции на торговом корабле, капитаном которого был португалец, его старинный верный друг. Достигнув широты Пернамбуко, капитан должен был идти под парусами к берегам Африки, поэтому он оставил их в Ресифе, пообещав вернуться через три-четыре месяца, чтобы доставить их, куда они пожелают. Исполняя с юных лет работу садовника и управляющего, Мигел имел весьма ограниченный кругозор и немногочисленный круг знакомств, не было, к сожалению, у него никакого опыта в подобных делах, и он очень плохо знал жизнь. Следовательно, он не имел представления о всех последствиях и сложности положения, в которое он поставил себя и свою дочь. За долгие годы, что он управлял поместьем командора и другими, побеги рабов случались крайне редко и были непродолжительными: длились несколько дней, так как беглые не уходили дальше соседнего поместья. Неудивительно потому, что он не имел почти никакого представления о всех правах, которыми располагает господин на раба и о бесконечных средствах и возможностях, к которым могут прибегнуть для их поимки в случае бегства. Итак, он решил, что сможет жить со своей дочерью в Пернамбуко в полной безопасности по крайней мере три-четыре месяца, по возможности удалившись от общества и пытаясь скрыть свою жизнь в полной изоляции от людей.

Изаура хоть и была умна и образованна, но, находясь вдали от того, кто постоянно вселял в нее ужас и отвращение, чувствовала себя спокойно и до некоторой степени раскованно по отношению к опасности, которой она неизбежно подвергалась. Но это относительное спокойствие продолжалось лишь до того дня, когда она впервые увидела Алваро. Она полюбила его той восторженной любовью возвышенной души, которая любит один раз в жизни. Эта любовь, что очевидно, сделала ее и без того ненадежное и жалкое существование томительным и тревожным.

В лице, манерах, голосе и всем облике Алваро виделось нечто благородное, любезное и очень привлекательное, что покоряло все сердца. Как бы посчастливилось той единственной, которая сумела бы заслужить его любовь! Изаура не могла устоять перед столь незаурядным юношей и полюбила его со всей безоглядностью и слепотой, присущей

цельной натуре, хотя и понимала, что эта любовь — всего лишь новый источник слез и мучений для ее сердца.

Она понимала, какая пропасть лежит между ней и Алваро, и что нет надежды у ее гибельной страсти, которую придется запрятать далеко, в самые потайные уголки ее сердца, где, как страшная болезнь, она будет пожирать свое обиталище.

В свою горькую чашу судьбы, уже почти переполненную слезами, она добавила волей случая и это жестокое страдание, которое будет жечь ей душу и отравлять существование вечно.

Обманывать общество, скрывать свое настоящее происхождение было тяжело для нее. Бесхитростная и щепетильная она стыдилась, себя самой за то, что вызывала у немногих людей, с которыми общалась, уважение и почтение, на которое не имела права рассчитывать. Но искренне полагая, что подобное притворство не принесет обществу большого вреда, она примирилась со своей судьбой. Однако должна ли она и могла ли, сохраняя секретность, вводить в заблуждение своего возлюбленного? Оставляя его в неведении относительно своего происхождения, должна ли она своим молчанием позволять расти глубокой и сильной страсти, которой воспылал к ней юноша? Не будет ли это низким, недостойным обманом, подлым предательством по отношению к нему? Не будет ли он вправе, узнав истину, бросить ей в лицо горькие упреки, презирать ее, пренебречь ею, наконец, обойтись с ней, как с подлой и низкой рабыней. Эти вопросы постоянно мучили беглянку.

— Ах, это было бы для меня ужаснее, чем тысяча смертей! — восклицала она в томительном волнении от мыслей, мучивших ее сердце.

— Нет, я не вправе обманывать его. Это недостойно... Я откроюсь ему. Это мой долг, и я его выполню. Он узнает, что не может, не должен любить меня. Во всяком случае, он не будет презирать меня... Рабыня, поступающая честно и благородно, по крайней мере, заслуживает уважения. Нет, я не могу обманывать его, я должна рассказать ему все.

Таким было решение, которое внушали ей ее врожденное благородство и рассудок, голос которого не умолкал ни днем, ни ночью. Но когда наступала минута исполнить это намерение, силы покидали ее, и Изаура откладывала осуществление своего благого порыва.

Она совершенно не находила в себе мужества, чтобы разрушить своими собственными руками те сладкие грезы, которые так ласково успокаивали ее и иногда позволяли ей ненадолго забыть свое жалкое положение и думать только о том, что она любит и любима.

— Пусть принадлежит еще один день,— размышляла она про себя,— этому несказанному, призрачному счастью. Я приговорена, но судьба выводит меня из подземелья на сцену, чтобы я исполнила роль счастливой и могущественной принцессы. Когда представление закончится, я снова буду заточена в моей темнице, чтобы никогда уже не покинуть ее. Продлим эти прекрасные мгновения. Разве это преступление — подарить хоть в мечтах минуты счастья несчастной преступнице? Эта хрупкая золотая нить, связывающая меня с небом, может внезапно порваться, и я вернусь к своим страданиям.

В этой нерешительности, в этой внутренней борьбе, в которой голос страсти заглушал доводы рассудка, прошло несколько дней, пока Алваро настоятельно уговаривал их принять приглашение на бал. Тогда Изаура поняла, что было бы вероломством, беспримерной низостью держать и дальше своего возлюбленного в неведении относительно ее происхожде-

ния. Для нее стало очевидным, что больше нет возможности продлевать без позора для обоих столь лицемерное молчание.

Нельзя было более злоупотреблять неведением благородного и великодушного юноши! Беглой рабыне появиться на балу и выставляться напоказ под руку с ним перед самым блистательным и изысканным обществом одного из крупных городов означало отплатить самой черной неблагодарностью и самым позорным вероломством за оказанные им деликатные и любезные услуги. Изаура терзала себя этими мыслями. Действительно, Мигел был напуган доводами, высказанными Алваро, был вынужден принять его любезное приглашение; но Изаура хранила глубокое молчание, которое оба восприняли как знак согласия.

Они ошибались. Изаура, замкнувшись в молчании, всего лишь делала последние усилия, чтобы стряхнуть груз притворства, тяготивший ее сознание, чтобы решительно сорвать вуаль, скрывавшую от глаз возлюбленного ее подлинное положение. Впрочем, как она ни старалась собрать всю свою решимость и энергию, в последнюю минуту мужество покинуло ее и слова замерли на ее приоткрытых устах. Уже поднялась она, чтобы упасть к ногам Алваро, но, как бы натолкнувшись на обращенный к ней нежный и ласковый взгляд юноши, замерла как очарованная, признание не осмелилось сорваться с ее онемевших губ и отхлынуло к сердцу, ноги отказывались повиноваться ей, словно приросли к полу. Изаура напоминала обреченного, которого роковые обстоятельства толкают на самоубийство, но который, приблизившись к краю пропасти, куда он собирался броситься, отшатнулся, охваченный ужасом.

— Какое же я слабое и трусливое создание! — думала она, совершенно упав духом.— Какое несчастье! Мне не хватает сил исполнить свой долг! Ничего, выход всегда есть. Пусть он услышит от моего отца то, что я не решаюсь сказать ему сама.

Эта мысль мелькнула в ее сознании, и она ухватилась за нее как за спасательный круг, поспешив подчиниться ей прежде, чем сомнения вновь нахлынут на нее.

— Отец,— сказала она решительно, едва лишь Алваро скрылся за калиткой маленького садика,— знайте, что я не пойду на этот бал. Я не хочу и ни в коем случае не должна там появляться.

— Не пойдешь?! — воскликнул потрясенный Мигел.— А почему ты не сказала об этом раньше, когда сеньор Алваро еще был здесь? Сейчас, когда мы уже дали согласие...

— Все всегда можно исправить отец,— прервала его дочь с лихорадочным оживлением.— В этом случае все очень просто. Отец, идите скорей в дом этого молодого человека и скажите ему то, что я не решилась сказать. Объявите ему, кто я, и тогда все будет кончено.

Произнося эти слова, Изаура была бледна, говорила невнятно, ее бескровные губы дрожали. Слова, произносимые неестественным, пронзительным голосом, казалось, с трудом вырывались из ее сердца. То был результат предпринятого ею последнего усилия для осуществления столь значительного решения. Отец подавленно и испуганно смотрел на нее.

— Что ты говоришь, дочка! — воскликнул он.— Ты так бледна и взволнованна! Мне кажется, у тебя жар... Ты больна?

— Нет, я здорова, отец. Не беспокойся обо мне. Нужно, чтобы вы обязательно разыскали этого молодого человека и рассказали ему все...

— Но это — никогда!!.. Ты с ума сошла, дочка. Неужели ты хочешь, чтобы я помог своими руками заточить тебя в тюрьму, отправить в кандалах в Кампус, вернуть твоему господину? Неужели ты думаешь, что я допущу, чтобы ты погибала в мучениях в когтях этого чудовища! Ах,

Изаура, ради всего святого, не говори мне больше об этом. Пока кровь течет в моих жилах, пока бьется это отцовское сердце, я буду пытаться спасти тебя.

— Спасти меня, совершив подлость, отец! — решительно возразила девушка.— Как я могу, не став низкой и вероломной обманщицей, появиться, представленная им как свободная сеньора, на балу? Когда этот сеньор и столько других достойных людей узнают, кто стоял рядом с ними, что вместе с ними танцевала жалкая беглая рабыня...

— Замолчи, девочка! — прервал отец, взволнованный возбуждением дочери.— Не говори так... так громко... успокойся. Они никогда ничего не узнают. Очень скоро мы оставим этот город, возможно, завтра, если нам посчастливится. Уплывем на любом пароходе, и как можно дальше, например, в Соединенные Штаты. Там, мне кажется, мы будем недосягаемы для злого преследования. Я — своим трудом, ты — своим образованием, можем заработать не только скромное пропитание, но и безбедное житье в любой части света.

— Ах! Отец! Это решение уехать далеко, без надежды вернуться сюда когда-нибудь, гнетет мое сердце.

— Что поделаешь, дочка! Сейчас, даже если нам придется идти на край света, нам необходимо бежать от преследования этого чудовища.

— Но молодой человек, который проявил к нам такой интерес, сеньор Алваро, такой благородный и великодушный, узнав о моем происхождении и об ужасных обстоятельствах, заставляющих нас бежать и скрываться по свету, может, он захочет оказать нам помощь и защитить от преследователя...

— Кто может поручиться за него?.. Скорее всего он будет презирать тебя, как только узнает, что ты всего лишь беглая рабыня, а, может быть, досадуя, что мы его провели, он станет первым, кто выдаст тебя полиции. В опасности, которой мы подвергаемся, нам совершенно необходимо таиться от него и ото всех. Если мы откроемся кому-либо, то мы погибли. Мужайся. Мы идем на бал, дочка, это необходимо, но это последняя жертва, которую мы должны смиренно принести ради нашей безопасности. Скоро мы будем далеко. Если они однажды и узнают, кто ты, какая нам разница? Они нас больше никогда не увидят и скоро забудут. Ты слишком щепетильна. Если они не узнают, кто ты, то ты не унизишь это общество. Этим ты никому не причинишь зла, это мера защиты, которая извинительна в нашем положении.

— Отец, кажется, вы правы. Но не знаю, почему этот шаг вызывает такое отвращение у меня.

— К сожалению, это неизбежно, дочка, если ты не хочешь несчастья и смерти нам обоим. Если мы не пойдем на этот бал, а вскоре исчезнем, что вероятнее всего, подозрения, которые мы уже вызвали своим образом жизни, заставят полицию идти по нашему следу. Она будет всюду нас преследовать. Действительно, это — жертва, но гораздо более приятная, чем преследования полиции, тюрьма, пытки и смерть. Чего еще тебе можно ожидать в доме твоего господина?

Изаура не отвечала, ее разум был поглощен противоречивыми и горькими размышлениями.

Слова отца повергли ее в глубокое уныние. Оглушенная столькими ударами судьбы, душа ее тонула в море сомнений и растерянности, как хрупкое суденышко среди бурного океана, которым разбушевавшаяся стихия играет, как щепкой.

Щепетильность и деликатность ее натуры, честность и искренность сердца, которое не могло жить по законам лжи, и какое-то смутное

предчувствие, ее тяготившее, склоняли Изауру к решению не ходить на этот бал. Временами, казалось, она окончательно укреплялась в этом, и, уже верная своему намерению, она говорила себе: «Нет, я не пойду!»

С другой стороны, доводы ее отца, казавшиеся такими убедительными, и неукротимое желание еще раз увидеть Алваро, несколько часов наслаждаться его обществом снова погружали ее в пучину сомнений. Мысль о том, что вскоре, может быть на следующий день, ей придется покинуть этот город и разлучиться с Алваро без малейшей надежды когда-либо вновь увидеть его, не имея возможности попрощаться с ним, без того, чтобы он мог узнать, кто она, куда уезжает, ранила ее сердце. Уехать, не имея возможности сжать в объятиях в час расставания любимого, а потом проливать слезы в самой жестокой тоске, тайком уехать, чтобы вести жизнь вечного бродяги, без малейшей надежды на утешение, подвергаться постоянным опасностям, чтобы, возможно, в конце концов закончить ее в муках самого бесчеловечного рабства, ах! — это ужасно! и все-таки это был единственный путь, открывшийся взору Изауры. Но нет, ее ждала еще целая ночь веселья и счастья, великолепная ночь, полная восторгов и поклонения. Вдыхать тот же воздух, пьянея от его голоса, упиваться его дыханием, запечатлевать в душе его страстные взгляды, чувствовать нежное пожатие любимой руки, считать удары своего сердца, сильнее бьющегося рядом с ним. Ах! Такая ночь стоила вечности, пусть потом будут печали, опасности, рабство и смерть!

Будучи искренней и скромной девушкой, Изаура, тем не менее, знала себе цену. Видя себя предметом любви такого молодого человека, как Алваро, обладавшего чистой душой и наделенного такими благородными и блестящими качествами, она возвысилась в собственных глазах.

Со свойственной ей природной проницательностью она очень быстро поняла, что привязанность, испытываемая к ней юношей, была не простой и поверхностной данью ее очаровательной внешности и талантам, ни, тем более, преходящим капризом молодости, но настоящей всепоглощающей, сильной и глубокой страстью. Это вызывало в ней подлинную гордость и временами заставляло забыть, что она жалкая рабыня.

— Я уверена, что достойна любви Алваро, иначе он не полюбил бы меня. А если я достойна его любви, почему я не могу появиться в этом блестящем обществе? Разве испорченность людей способна уничтожить то светлое и прекрасное, что есть в творении создателя? — так размышляла Изаура и, возбужденная этими мыслями и соблазнительной перспективой получить несколько часов неземной радости рядом с возлюбленным, восклицала в душе: «Я должна пойти, должна пойти на бал!»

Пока Изаура, в молчании закрыв лицо руками, размышляла о своих опасениях, пытаясь утвердиться в каком-то решении, ее отец, не менее обеспокоенный и встревоженный, рассеянно ходил между клумбами цветника, в мучительном беспокойстве ожидая окончательного решения дочери.

— Я пойду, отец, пойду на этот бал,— сказала она, наконец, поднимаясь,— но я буду готовиться к нему, как жертва, которую поведут на заклание под звуки гимнов, украшенную цветами. Меня не оставляет роковое предчувствие, оно гнетет меня...

— Какое предчувствие, Изаура?

— Не знаю, отец, какого-то несчастья.

— Так вот, что касается меня, Изаура, мое сердце говорит мне, что пойти на этот бал для нас спасение.

Глава 13

Пусть наш читатель не думает, что бал, на котором мы присутствовали, закончился. То отступление, которое мы сделали в предыдущей главе, необходимо было для того, чтобы поведать читателю о тех обстоятельствах, которые вынудили нашу героиню, рабыню, присутствовать в избранном аристократическом обществе. Сердечная слабость, нетвердость характера — что бы там ни было, но поступок ее хотя и был извинительным, но далеко не разумным.

Бал продолжался, но уже не такой оживленный и праздничный, как сначала. Бурные аплодисменты и всеобщее восхищение кавалеров, обращенное к Изауре, вызвали зависть среди самых красивых и привлекательных дам собрания. Раздосадованные на своих любимых кавалеров за восторги, расточаемые ими Изауре, и почести, которые они откровенно оказывали той, что подразумевалась королевой бала, дамы не желали танцевать, и вместо веселого смеха и остроумной беседы по углам среди разобщенных группок только и слышались, что таинственно нашептываемые излияния и шушуканья, прерываемые вымученными саркастическими усмешками.

Среди девушек на балу нарастал недовольный ропот. Он как неясный шум наполнял залу, как бы предшествуя грядущей буре. Поговаривали, что уже тогда некоторые догадывались о происхождении этой женщины, затмившей их всех очарованием и незаурядным талантом. Многие из них даже удалились, в частности те, которые лелеяли тайную надежду или считали, что имеют какие-то права на сердце Алваро. Потрясенные бесспорным успехом Изауры, не имея больше сил продолжать сражение, они предпочли тихонько скрыть свои досаду и стыд от столь жестокого и очевидного поражения, спрятаться в таинственной глубине домашних альковов.

Однако мы не можем утверждать, что среди стольких благородных дам, отличавшихся очарованием души и красотой тела, не было многих, которые со всем бескорыстием и без малейшей тени зависти не восхищались бы искренне красотой Изауры и от всего сердца и с удовольствием не аплодировали бы ее успеху. Они-то и сумели несколько оживить вечер, который без них совсем омрачился бы. Ни для кого не секрет то, что по крайней мере половина прекрасного пола вне зависимости от своего происхождения становится объектом насмешек, вызванных завистью, ревностью и мелочным соперничеством.

Оставим Изауру, танцующую с Алваро кадриль. Пока они танцуют, выйдем в небольшую залу, где стоят столы и буфеты, уставленные крюшонницами, бутылками пива и шампанского. В это помещение можно было попасть из танцевальной залы через большую распахнутую дверь. Там расположились шестеро молодых людей, в основном студенты, стремящиеся прослыть повесами, наделенными чертами эксцентричными, подражатели Байрона, уже испытывавшие скуку от общества, удовольствий и женщин, имеющие обыкновение говорить, что не променяли бы сигару или бокал шампанского на самую ласковую улыбку самой прекрасной девственницы, те разуверившиеся, что не перестают заявлять в стихах и прозе, что их сердце иссушил ветер скептицизма или съело пламя страсти, или оно заледенело, всем пресытившись. Это были мизантропы, полные сплина, что всегда присутствуют на всех балах и всякого рода собраниях, демонстрируя свое пренебрежение к удовольствиям общества и равнодушие к жизненным радостям.

Среди них находится один, на котором нам следует задержать свое внимание, так как ему предстоит сыграть немаловажную роль в дальнейшем развитии этой истории. В нем нет ничего байроновского, он не похож на страдающего сплином, наоборот, он весь дышит самой пошлой и гнусной обыденностью. Он делает вид, что на добрый десяток лет старше своих собеседников. У него большая голова, скуластое лицо с грубыми чертами и чрезмерно большой шишковатый лоб, что, по мнению Лафатера *, является признаком неповоротливого и ограниченного ума, слегка тронутого тупостью. Вся его топорная и почти гротескная физиономия выдает гнусные инстинкты, законченный эгоизм и низость нравов. Кроме того, ему явно присущи стяжательство и грязная алчность, сквозящие во всех его словах, во всех поступках и особенно в глубине его маленьких быстрых глаз, постоянно отражающих его подлость. Он был студентом, хотя по неряшливости платья, в котором не было и намека на элегантность, скорее более походил на уличного торговца. Учится он уже пятнадцать лет на свой собственный счет, живя доходами с трактира, совладельцем которого он является. Имя его Мартиньо.

— Сеньоры,— сказал один из юношей,— сыграем партию в ландскнэ **, пока эти бездельники разминают ноги и бьют поклоны.

— Давайте! — воскликнул другой, садясь за игорный стол и беря колоду.— Поскольку лучшего занятия у нас нет, возьмемся за карты. Кроме того, карты — это жизнь. При виде дамы из колоды мое сердце иногда испытывает более сильное волнение, чем испытывало сердце Ромео при виде Джульетты... Альфонсо, Алберто, Мартиньо,— прошу вас. Сыграем в ландскнэ, только две или три партии...

— С удовольствием принял бы участие,— ответил Мартиньо,— если бы не был уже занят другой игрой, выигрыш в которой с минуты на минуту обещает мне без малейшего риска не менее пяти тысяч рейсов наличными.

— О какой игре ты говоришь?.. Ты просто бредишь... Оставь свои глупости и садись играть в ландскнэ.

— Занявшись такой надежной игрой, как моя, довериться случайностям ландскнэ, который уже поглотил немалую часть моих денег? Я не так глуп.

— Черт возьми, Мартиньо!.. Может, объяснишь? Что это у тебя за игра?

— Ну-ка, догадайтесь... Не можете? Это великолепная биска ***. Если догадаетесь, обещаю вам роскошный ужин в лучшей гостинице нашего города. Конечно, если мне повезет.

— Избавь нас от твоего ужина, жалкий пожиратель подгорелой трески. К тому же никого не интересуют твои глупые выдумки, роящиеся в твоей такой же глупой голове. Нам нужны твои деньги здесь, на зеленом сукне.

— Ладно, оставьте меня в покое,— сказал Мартиньо, внимательно вглядываясь в танцевальную залу.— Я обдумываю свой следующий ход... Предположим, что это шахматы, и я сделаю шах и мат королеве... Сказано — сделано, и пять тысяч мои...

— Нет сомнений, он свихнулся... Иди сюда, Мартиньо, расскажи о своей игре, или убирайся вместе со своими сумасшедшими идеями, но не испытывай наше терпение.

---

* Лафатер (Иоганн Каспар) (1741—1801) — швейцарский писатель, пытался установить связь между духовным обликом человека и строением и очертаниями его черепа и лица (прим. пер.)

** Ландскнэ — род карточной игры, похожей на «тридцать одно» (прим. пер.)

*** Биска — род карточной игры (прим. пер.)

— Сумасшедшие — это вы. Моя игра такая... Но сколько вы мне заплатите за то, что я расскажу о ней? Прикиньте. Это очень любопытно.

— Хочешь разжечь наше любопытство, чтобы получить несколько монет, так ведь?.. Так вот, на сей раз заверяю, что от меня ты ничего не получишь. Иди к черту вместе с твоей игрой и оставь нас в покое. За карты, друзья, и забудем Мартиньо с его глупостями...

— Ты хочешь сказать, что это мошенничество...

— Ах, глупцы! — воскликнул Мартиньо,— у вас еще молоко на губах не обсохло. Идите сюда, идите и смотрите, это не глупость и не мошенничество. Я решил раскрыть вам свою игру, потому что хочу знать, совпадает ли ваше мнение с моим. Вот моя игра,— заявил он, показывая бумагу, извлеченную им из кармана.— Это всего лишь объявление о побеге раба.

— Ха! Ха! Ха! Вот это да!

— Что за чушь? Ты действительно сумасшедший, Мартиньо.

— Причем здесь объявление о беглом рабе?..

— Разве ты стал судебным исполнителем или лесным капитаном?

Такие замечания вызвало у юношей признание Мартиньо. Слушатели громко расхохотались, как бы желая заглушить оркестр.

— Не понимаю, почему вы так удивляетесь,— холодно заметил Мартиньо.— Ведь вы еще не видели этого большого, отдельно набранного объявления, пришедшего из Рио-де-Жанейро и распространенного по городу «Коммерческой газетой».

— Разве мы полицейские или судебные исполнители, чтобы копаться в подобных объявлениях?

— Но, посмотрите, какое оно любопытное, да и вознаграждение не позволяет им пренебрегать.

— Бедный Мартиньо, как глубоко сидит в тебе жадность к золоту, которая вынуждает тебя разыскивать беглых рабов на балу! Разве здесь ты сможешь встретить беглецов?

— Ну! Кто знает? У меня есть основания полагать, что я встречу ее именно здесь, за что и получу мои пять тысчонок, которые, между нами говоря, будут мне сейчас весьма кстати, поскольку магазин моего компаньона последнее время приносит очень малые доходы.

Мартиньо назвал «магазином» маленький трактир, совладельцем которого он был. Произнося эти слова, он встал в дверях, ведущих в залу, и оттуда долго смотрел то на танцующих, то в объявление, которое он держал в руках, как бы изучая и сопоставляя приметы.

— Какого дьявола ты торчишь там, Мартиньо? — воскликнул один из молодых людей, позабыв об игре, заинтересованный ужимками Мартиньо, гримасничавшего, как клоун.

— Он сумасшедший, у меня нет ни малейшего сомнения,— заметил другой.— Искать беглого раба в танцевальной зале! Только этого еще не хватало! Если бы он разыскивал какую-нибудь принцессу, то, наверняка, направился бы в киломбо *.

— Может, он смотрит на какого-нибудь лакея или служанку?

— Как мне кажется, ни один лакей и ни одна служанка там не появлялись, а он не сводит глаз с танцующих.

— Оставь его. Кроме того, что он жалкий коммерсант, он, к тому же, всегда был первостатейным негодяем.

---

* Киломбо — поселение беглых негров — рабов (прим. пер.)

— Это она! — сказал Мартиньо, отходя от двери и поворачиваясь к своим приятелям.— Это она. Я в этом совершенно не сомневаюсь. Это наверняка она!

— Кто она, Мартиньо?

— Ну кто же это может быть?

— Беглая рабыня?!

— Да, беглая рабыня, сеньоры! И она танцует там.

— Ха! Ха! Ха! Какая глупая шутка, Мартиньо! И долго еще ты собираешься нас дурачить? Развязка должна быть интересной. Это великолепно! Весьма занятная игра! Если бы на каждом балу случалось такое, я не пропустил бы ни одного.— Так говорили юноши, с громким хохотом отворачиваясь от Мартиньо.

— Вы смеетесь? Смотрите же, фарс превратится в трагедию!

— Великолепно! Замечательно! Продолжай, Мартиньо!

— Не верите?.. Так слушайте. А потом скажете, как вам понравится этот фарс.

Сказав так, Мартиньо сел на стул и, развернув объявление, приготовился его читать. Остальные с любопытством окружили его.

— Слушайте внимательно, сеньоры,— продолжал Мартиньо.— Пять тысяч! Вот броский заголовок, красноречивые цифры которого напечатаны на титульном листе этого бессмертного творения, стоящего больше, чем «Илиада» Камоенса...

— Или Гомера, не так ли, Мартиньо? Оставь свои идиотские предисловия и читай объявление.

— Сейчас я удовлетворю ваше любопытство,— сказал Мартиньо и продолжил чтение: «Из поместья сеньора Леонсио Гомеш да Фонеска, муниципальный округ Кампус, провинция Рио-де-Жанейро, бежала рабыня по имени Изаура со следующими приметами: цвет кожи светлый, лицо нежное, как у любой белой женщины, глаза черные и большие, волосы того же цвета, длинные, слегка вьющиеся, рот маленький, розовый, красиво очерченный, зубы белоснежные и ровные, нос прямой, талия тонкая, фигура стройная, рост средний. На левой щеке маленькая черная родинка, над правой грудью след ожога, очень похожий на крыло бабочки. Одевается со вкусом и элегантно, хорошо поет и виртуозно играет на пианино, так как она получила прекрасное образование. Обладает хорошей фигурой, где угодно может сойти за свободную сеньору из хорошего общества. Бежала в сопровождении португальца по имени Мигел, выдающего себя за ее отца. Естественно, они изменили имена. Тот, кто их задержит и доставит вышеуказанному сеньору помимо компенсации всех расходов получит вознаграждение пять тысяч рейсов».

— Не может быть, Мартиньо?! — воскликнул один из слушателей.— То, что я только что слышал, напечатано в этом листе? Ты нарисовал портрет Венеры и говоришь, что это беглая рабыня!..

— Если все еще не желаете верить, читайте сами. Здесь все написано...

— В самом деле! — добавил другой.— Конечно, надо искать такую рабыню, ведь она стоит того сама по себе, а не ради пяти тысяч рейсов. Если я встречу ее, то никогда не верну хозяину.

— Меня уже не удивляет, что Мартиньо ищет ее здесь, столь совершенное создание можно встретить только в королевском дворце.

— Или в волшебном замке. По приметам и родинке догадываюсь, что это может быть только новое божество, которое явилось сегодня.

— Так или иначе, но ты попал в яблочко,— оборвал его Мартиньо и, подозвав к двери, продолжал.— Теперь идите сюда и обратите вни-

мание на эту красавицу, танцующую с Алваро. Бедняга Алваро, он счастлив! Если бы он знал, с кем танцует, он бы разом изменился в лице. Посмотрите хорошенько, господа, разве приметы не совпадают?

— Совпадают! — быстро ответил один из юношей.— Это невероятно! Я вижу родинку на левой щеке, которая придает ей неизъяснимую прелесть. Если у нее есть то крыло бабочки над правой грудью, то сомнений быть не может. Боже! Возможно ли, чтобы такая красивая девушка была рабыней?

— И осмелилась появиться на этом балу? — добавил другой.— Я все еще не могу в это поверить.

— Ну, что касается меня,— сказал Мартиньо,— то я думаю, что здесь дело верное, и я уже слышу звон золота в моем кошельке. Заветные пять тысяч рейсов... до скорой встречи, мои дорогие сеньоры.

Говоря так, он осторожно сложил объявление, сунул его в карман и, потирая руки с удовлетворением, взял шляпу и удалился.

— Исключительный подлец,— сказал один из присутствующих,— до чего же он жаден до золота, этот Мартиньо! Думаю, что он способен на все, и даже может сделать так, чтобы эту красивую девушку арестовали прямо здесь, на балу.

— За пять тысяч он готов на любую подлость. Это ничтожество позорит наше общество. Мы должны все вместе постараться изгнать его из Академии. Я сам бы дал пять тысяч, чтобы быть рабом такой необыкновенной красавицы.

— Это поразительно! Кто бы мог подумать, что за такой ангельской внешностью скрывается беглая рабыня!

— А кто сказал, что в теле рабыни не может скрываться ангельская душа?..

Глава 14

Окончилась кадриль. Алваро, весьма довольный собой, провел свою очаровательную спутницу через залу, сопровождаемый взглядами, горящими завистью и восхищением. Пользуясь удобным случаем, он предложил ей выпить какой-нибудь прохладительный напиток, для чего увел ее в уединенную, почти пустынную комнату. До этого момента он еще не объяснялся в любви Элвире, хотя эта любовь, разгоравшаяся все сильней, постоянно светилась в его глазах, проявлялась в словах, во всех его движениях и поступках. Алваро считал, что уже хорошо знает эту девушку и, изучая ее в течение двух месяцев, открывал в ней все новые и новые достоинства и совершенства. Он был твердо убежден, что из всех известных ему до тех пор красавиц Элвира была самой достойной его любви и уже никоим образом не сомневался в чистоте ее души и искренней привязанности. Поэтому он полагал, что без какого бы то ни было риска для своего будущего может отдать свое сердце во власть этой страсти, с которой был уже не в силах совладать. Что касается того, откуда родом Элвира, то это его нисколько не заботило и он ни разу не попытался разузнать что-нибудь. Классовые предубеждения были чужды его принципам и филантропическим чувствам, ему было безразлично, была ли она принцессой, гонимой судьбой, или

родилась в бедной рыбачьей хижине. Он знал ее, знал, что она была одним из самых совершенных и восхитительных созданий, какое только можно было встретить на земле, и этого ему было вполне достаточно.

Нам уже известно, что Алваро придерживался в своих взглядах непреклонности квакера. Он не смог бы злоупотреблять любовью к нему со стороны Элвиры, чтобы отдаться во власть нечистым желаниям.

Так вот, в тот вечер влюбленный юноша, более чем когда-либо покоренный и ослепленный исключительными прелестями и привлекательностью Элвиры, блиставшей в аристократическом обществе, не смог и не захотел более откладывать серьезного объяснения, светившегося в его глазах, едва не слетавшего с его губ. И, оказавшись наедине с Элвирой, он сказал взволнованно и почтительно:

— Дона Элвира, если у себя дома вы ангел, то в танцевальной зале вы богиня. Мое сердце уже давно принадлежит вам, и я понял, что с сегодняшнего дня моя судьба в ваших руках. Неприступная или благосклонная, вы всегда будете моей путеводной звездой на жизненном пути. Надеюсь, вы уже достаточно хорошо знаете меня, чтобы поверить в искренность моих слов. Я богат, занимаю почетное и прочное положение в обществе, но никогда не смогу быть счастлив, если вы не согласитесь разделить со мной блага, подаренные мне судьбой.

Эти слова Алваро, такие нежные, проникнутые самым искренним и глубоким чувством при других обстоятельствах пали бы целительным бальзамом на сердечные раны Изауры, омыв их невыразимым счастьем. Но сейчас они звучали для нее как насмешка судьбы — небесным гимном, ворвавшимся в грохот ада. С одной стороны, она видела ангела, с ласковой улыбкой держащего ее за руку и указывающего ей эдем наслаждения, куда он пытался увлечь ее, в то время как с другой стороны — омерзительную фигуру демона, приковывающего к ее ногам массивную цепь, всей тяжестью своей которая увлекает ее на голгофу вечных страданий.

Дело в том, что бедная Изаура, преследуемая постоянными страхами и подозрениями, заметила во время кадрили подлого Мартиньо, когда тот, прислонившись к косяку двери малой гостиной, с бумагой в руке, казалось, изучал ее с самым пристальным вниманием. Картина эта поразила ее измученное сердце, и она больше не сомневалась, что раскрыта и окончательно погибла. Внезапное головокружение затуманило взор девушки, казалось, пол уходит у нее из-под ног, и она скатывается в разверзшуюся бездонную пропасть. Чтобы не упасть в обморок, она крепко ухватилась обеими руками за руку Алваро и прижалась к его груди.

— Что с вами? — спросил он, испугавшись.— Вам дурно?

— Нет, нет,— ответила Изаура слабым голосом, делая усилия, чтобы придти в себя.— Внезапная боль... что-то кольнуло в сердце... Но уже проходит... Я не привыкла к такой духоте, мне стало не по себе в круговороте танца.

— Но вы быстро привыкнете,— ответил Алваро, одной рукой сжимая ее ладонь, а другой обвив ее стан.— Вы родились, чтобы блистать... Если хотите уйти...

— Нет, сеньор. Останемся. Финал уже близок...

Ее уклончивый ответ успокоил Алваро, а быстрые движения немедленно последовавшей мазурки скрыли крайнюю бледность и глубокое потрясение Элвиры. Несчастная уже не танцевала, а машинально двигалась по зале, ее мысли витали далеко, она не видела вокруг себя ничего, кроме отвратительного лица Мартиньо, застывшего угрожающим предостережением в дверях малой гостиной, куда она время от времени

устремляла отчаянный взор. Вся кровь прилила ей к сердцу, трепетавшему как у голубки, чувствующей на своей груди безжалостные когти ястреба.

Погрузившись в это состояние страха и смятения, Изаура не нашла, что ответить на столь искреннее и страстное признание юноши. Несколько мгновений она хранила молчание, что Алваро истолковал как волнение неопытной души.

— Вы не хотите отвечать? — нежно продолжал он.— Но хоть одно слово. Только одно слово...

— Ах, сеньор,— прошептала она, вздыхая.— Что я могу ответить на сладостные слова, произнесенные вами? Они волнуют меня, но...

Элвира внезапно замолчала. Неожиданная дрожь, охватившая ее, передалась Алваро. Это заставило его посмотреть на девушку с испугом и тревогой.

— Это он! — этот возглас сорвался с ее губ как глухой и сдавленный стон. Она увидела Мартиньо, входящего в зал и смертельный озноб охватил все тело несчастной.

— Простите меня, сеньор,— прошептала девушка,— сегодня я не в состоянии слушать ваши нежные слова. Я плохо себя чувствую, мне необходимо уйти. Если вы будете так добры, то проводите меня к отцу...

— Конечно, дона Элвира!.. Как вы бледны! Что с вами? Хотите, я провожу вас домой?.. Хотите, позову доктора?.. Здесь есть врачи.

— Спасибо, сеньор Алваро, не беспокойтесь. Это мимолетное недомогание, скорее всего усталость. Мне будет лучше вернуться домой.

— Так вы хотите уйти, не сказав мне ни единого слова утешения, не обнадежив...

— Может быть, утешения, но надежды — нет...

— Почему нет?

— У меня самой ее нет.

— Значит вы не любите меня...

— Очень люблю.

— Тогда вы будете моей!

— Это невозможно...

— Невозможно!.. Какие могут существовать препятствия?

— Не могу сказать вам. Это мой крест.

В самом увлекательном месте это любовное объяснение было прервано внезапным появлением Мартиньо, приветствовавшего их глубоким поклоном. Возмущенный Алваро нахмурил брови и был готов прогнать назойливого студента, как отгоняют собаку. Элвира замерла, будто окаменела от ужаса.

— Сеньор Алваро,— почтительно обратился к нему Мартиньо,— с вашего позволения мне надо сказать несколько слов этой сеньоре, которая опирается на вашу руку.

— Этой сеньоре! — воскликнул удивленный кавалер.— Какое у вас может быть дело к этой сеньоре?

— Очень важное. И ей это должно быть известно лучше, чем нам с вами.

Алваро, зная, сколь гнусен и презираем был Мартиньо, и решив, что речь шла об уловке некоего завистливого и трусливого соперника, воспользовавшегося этим ничтожеством, чтобы оскорбить или высмеять его, почувствовал приступ ярости, но на мгновение сдержался.

— У вас какие-то дела с этим человеком? — спросил он у Элвиры.

— У меня? Никаких, конечно. Я даже не знаю, кто это,— прошептала бледная и дрожащая девушка.

— Но, бог мой, дона Элвира, почему вы так дрожите? Как вы бледны! Кто этот негодяй, заставляющий вас так страдать? О, ради бога, дона Элвира, не пугайтесь! Я здесь, рядом с вами, и пусть остережется тот, кто осмелится оскорбить нас!

— Никто не собирается оскорблять вас, сеньор Алваро,— возразил Мартиньо.— Но дело серьезнее, чем вы можете предположить.

— Сеньор Мартиньо, оставьте, наконец, ваш таинственный тон, и скажите сейчас же, что вам угодно от этой сеньоры.

— Я могу сказать, но было бы лучше, если бы вы, сеньор, ничего не знали.

— О! У вас тайны! В таком случае заявляю вам, что ни на секунду не покину эту сеньору и если вы не желаете сказать, зачем пришли, можете убираться.

— Ну уж со мной это не пройдет, я не собираюсь терять ни времени, ни труда, ни причитающихся мне пяти тысяч,— последние слова он злобно произнес сквозь зубы.

— Сеньор Мартиньо,— вскричал Алваро, теряя терпение.— Если не желаете сказать, зачем пришли, избавьте меня от вашего присутствия.

— О, сеньор! — возразил, не смущаясь, Мартиньо.— Раз уж вы меня вынуждаете, мне нетрудно исполнить вашу просьбу. С большим сожалением я сообщаю вам, что эта сеньора, которая опирается на вашу руку — беглая рабыня.

Алваро, прекрасно зная низость и бесстыдство Мартиньо, в первое мгновение остолбенел, услышав этот внезапный подлый донос. Он не мог поверить в это, и, поразмыслив немного, утвердился в том, что все это бесстыдный фарс, затеянный каким-нибудь недостойным соперником, чтобы разозлить или оскорбить его. Сам Мартиньо, не брезговавший ничем, часто охотно служил орудием мести и сведения счетов, по договоренности или за деньги оказывая такого рода услуги с неизменным усердием. Алваро хорошо знал это и потому почувствовал лишь отвращение и возмутился таким недостойным поступком.

— Сеньор Мартиньо,— сурово сказал он,— если кто-то заплатил вам за то, чтобы насмехаться надо мной и этой сеньорой, то вы получите вдвое больше, лишь бы оставили нас в покое.

На широком и бесстыдном лице Мартиньо не вздрогнул ни один мускул, и единственное, что он ответил с нескрываемой наглостью:

— Я повторяю, и весьма громко, чтобы все меня слышали: эта сеньора, находящаяся здесь,— беглая рабыня, и я уполномочен задержать и вернуть ее хозяину.

Тем временем Изаура, завидев отца, искавшего ее повсюду, оставила руку Алваро, подбежала к Мигелу и упала в его объятия, пряча лицо на его груди и всхлипывая слабым голосом:

— Какое бесчестье, отец! Я это предчувствовала...

— Этот человек, если не наглец, то сошел с ума или пьян,— крикнул Алваро, бледный от ярости.— Во всяком случае он должен быть изгнан как негодяй из этого общества.

Некоторые друзья Алваро, схватив Мартиньо, уже были готовы выставить его за дверь как пьяного или помешанного.

— Полегче, друзья мои, полегче! — развязно сказал тот, не теряя самообладания.— Не осуждайте меня, не выслушав до конца. Прежде прочтите это объявление. Я сам могу прочитать его вам и если то, что я говорю — ложь, я разрешаю вам плюнуть мне в лицо и выбросить меня из окна.

Между тем эта ссора начинала привлекать всеобщее внимание и многочисленные гости, движимые любопытством, уже собирались вокруг спорящих. Роковая фраза: «Эта сеньора — рабыня!» — громко произнесенная Мартиньо и передававшаяся из уст в уста, от одного к другому с невероятной быстротой уже ходила по всем залам и отдаленным уголкам обширного здания. Слух распространился повсюду. Дамы и кавалеры — все, кто там находился, включая музыкантов, привратников и лакеев, толкаясь, устремились в гостиную, где происходили описываемые нами события. Зала была буквально набита людьми, которые изо всех сил напрягали слух и, вытягивая шеи, старались увидеть и услышать происходящее.

Посреди этой молчаливой, недоумевающей, ошеломленной, жаждущей сенсации толпы спокойный Мартиньо достал из кармана уже известное нам объявление, развернул его и громким резким голосом прочитал от начала до конца.

— Очевидно,— продолжал он, закончив чтение,— что приметы неоспоримо сходятся и только слепой не узнает в этой сеньоре беглую рабыню. Но, чтобы развеять возможные сомнения, остается только проверить, есть ли у нее след ожога над правой грудью. А в этом легко убедиться уже сейчас с разрешения сеньоры.

Сказав это, Мартиньо развязной походной направился к Изауре.

— Стой, мерзкий шпион! — в бешенстве вскричал Алваро и, схватив Мартиньо за руку, отшвырнул его от Изауры так, что тот упал бы на пол, если бы не натолкнулся на людей, тесно сгрудившихся вокруг них.— Стой. Без вольностей! Кто бы она ни была, но я не допущу, чтобы твои грязные руки коснулись ее.

Подавленная ужасом и стыдом, подняв, наконец, лицо, которое она спрятала на груди отца, Изаура повернулась к присутствующим и, сложив клятвенно перед собой руки, отчаянно воскликнула дрожащим голосом:

— Нет нужды прикасаться ко мне. Сеньоры, простите! Я совершила низость, недостойный, позорный поступок! Но бог свидетель, меня толкнуло на это жестокое стечение обстоятельств. Сеньоры, то, что говорит этот человек — правда. Я... рабыня!..

Лицо пленницы покрылось смертельной бледностью, голова бессильно упала на грудь, как срезанная лилия, гордое тело рухнуло, как мраморная статуя, сорванная ураганом с пьедестала, и она упала бы на пол, если бы Алваро и Мигел заботливо не подхватили ее.

Рабыня! Это слово, вырвавшееся из груди Изауры, как последний вздох, теперь передавалось из уст в уста ошеломленной толпой и долго разносилось эхом по просторным залам и гостиным словно зловещий вой полуночных порывов ветра в чаще мрачного бора.

Этот необычный инцидент произвел на балу эффект разорвавшейся посреди бивуака бочки пороха. В первые мгновения — страх, оцепенение и нечто вроде гнетущего кошмара, затем — возбуждение, переполох, движение и жалобные стоны.

Алваро и Мигел проводили обессилевшую Изауру в дамский будуар и там с помощью некоторых сострадательных дам оказали ей соответствующую случаю помощь. Они не отходили от нее, пока девушка не пришла в себя окончательно. Обеспокоенный и обескураженный Мартиньо шел за ними по пятам и подсматривал с возможно близкого расстояния, больше всего опасаясь, как бы добыча не ушла от него.

Удивлению и волнению, поднявшихся в зале, не было границ. Публика находилась под впечатлением этого неожиданного разоблачения. Какое

возмущение появилось на лицах многих красавиц, принадлежавших к знатным и богатым семьям, когда они узнали, что превзошедшая их всех в красоте, изяществе, талантах и остроумии девушка была всего лишь бедной рабыней! Я не в состоянии рассказать, пусть читатели сами вообразят. Однако к жестокому разочарованию многих из них, главным образом тех, кто чувствовал себя обиженными учтивостью и почестями, чистосердечно оказанными некоторыми кавалерами милой незнакомке, примешивалось некоторое затаенное удовлетворение. Они были унижены, но одновременно и отомщены. Те же, кто лелеял надежду или претендовал на любовь Алваро — а было их немало — ликовали, узнав о случившемся, так как благородный юноша невольно стал мишенью для тысяч безжалостных насмешек и острот.

— Как вы находите этого раба рабыни? — говорили они.— Какое выражение лица было у бедняги!

— Обыкновенное. Он, наверняка, выкупит ее и женится. Этот сумасброд способен на любые безумства.

— А что плохого? У него будет одновременно жена, хорошая кухарка и проворная служанка!

Слабое утешение! Клеймо неволи не могло заслонить, скорее наоборот, подчеркивало печать превосходства, запечатленную на прекрасном челе Изауры несмываемыми знаками божественного провидения.

Впечатления кавалеров были совершенно иными. Немногие, очень немногие перестали проявлять живой интерес и сострадание к несчастной и прекрасной рабыне. О случившемся говорили и обсуждали его во всех залах. Кое-кто, несмотря на очевидность примет и признание Изауры, еще сомневался в очевидности.

— Нет, эта женщина не может быть рабыней,— говорили они,— здесь какая-то тайна. Когда-нибудь она раскроется.

— Какая тайна? Случай вполне возможный, да ведь она и сама призналась. Но кто этот грубый и бездушный плантатор, который держит в неволе такое прекрасное создание?

— Наверное, какой-нибудь болван, тупой и скаредный злодей.

— Скорее всего какой-нибудь султанишка с хорошим вкусом, желающий сохранить ее в своем гареме.

— Как угодно, но необходимо заставить это животное освободить ее. Не может находиться в хижине женщина, достойная восседать на троне!

— Только бесчестный Мартиньо, с его сатанинской алчностью мог заподозрить рабыню в этом ангеле! Какое бесстыдство! Я бы его задушил, попадись он мне здесь сейчас!

А тем временем Мартиньо, который заранее запасся ордером на задержание рабыни и пришел в сопровождении судебного исполнителя, категорически требовал выдачи Изауры. Однако Алваро, употребив свое влияние и авторитет, решительно воспротивился этому и, взяв в свидетели присутствующих, объявил себя поручителем рабыни, обязавшись передать ее владельцу или тому, кто востребует ее по его указанию. Напрасно Мартиньо пытался настаивать, свидетели этой сцены, осмеивавшие и поносившие его, вынудили наглеца замолчать и отказаться от этого намерения.

— Проклятье! Хочет меня обокрасть! — воскликнул Мартиньо как одержимый.— Мои пять тысяч рейсов! Ах! Мои пять тысяч! Пропали! Пропали!

Причитая так, он нашел лестницу и, прыгая через ступеньки, рыча от ярости, стремглав выскочил на улицу.

Глава 15

После событий на балу, о которых мы рассказывали, прошло около месяца. Изаура и Мигел благодаря покровительству Алваро продолжали жить в том же маленьком домике в предместье Санто Антонио. Не имея больше возможности даже мечтать о побеге и свободе, они остались в Ресифе по совету своего покровителя, в ожидании результатов его усилий, предпринимаемых в их интересах, и находясь при этом в самой томительной тревоге, как Дамокл с подвешенным над его головой на тонкой нитке острым мечом.

Алваро ежедневно бывал в доме беглецов и проводил долгие часы в разговорах о возможности добиться свободы для своей протеже, пытаясь ободрить их надеждой на счастливый исход его усилий.

Чтобы лучше понять то, что произошло со времени рокового бала, послушаем беседу Алваро и Жералдо, происходившую в доме Изауры.

Жералдо на следующее утро после бала был вынужден оставить Ресифе и уехать в отдаленный поселок, куда его пригласили вести важное дело. Вернувшись в столицу штата через месяц, он прежде всего отправился к Алваро, побуждаемый не только дружбой, но и желанием узнать завершение необычного события на балу. Не застав дома своего друга два или три раза, он предположил, что вероятнее всего сможет увидеть его в доме Изауры, если она еще находится в Ресифе и живет в том же домике. Он не ошибся.

Услышав голос своего друга, спрашивающего о нем у калитки сада, Алваро тотчас же вышел ему навстречу, прежде заверив хозяев, что этот человек не представляет для них никакой опасности, так как является его близким другом и с разрешения хозяев впустил его.

Жералдо приняли в маленькой комнате в передней части дома. Эта комната, хоть и не слишком просторная и очень просто обставленная, была весьма уютна, светла и полна аромата цветов. Вьющиеся растения, как живые занавеси, затеняли окна комнаты, и поэтому она была скорее похожа на беседку, чем на комнату. Солнечный свет проникал туда через распахнутую дверь, ведущую на веранду с видом на море. С веранды можно было пройти меж кокосовых пальм, даривших тень и прохладу жильцам дома. Далее ваш взгляд скользил по поверхности океана и терялся на горизонте, где океан сливался с ясным сияющим небом.

Поздоровавшись с гостем и обменявшись с ним несколькими учтивыми словами, Мигел и Изаура, догадываясь, что молодые люди желали бы остаться наедине, тактично удалились во внутренние комнаты дома.

— Действительно, Алваро,— сказал, улыбаясь, доктор,— это прелестное жилище, и я не удивлен, что тебе нравится проводить здесь большую часть твоего времени. Он даже похож на таинственный грот феи. Жаль, что проклятый колдун внезапно развеял очарование твоей феи, превратив ее в простую рабыню.

— Ах, не шутите так, мой дорогой доктор. Эта отвратительная сцена потрясла меня. Однако, признаюсь откровенно, ни на секунду не изменила природу моих чувств к этой женщине.

— Что ты говоришь?.. Твоя эксцентричность уже достигла такой степени?

— Что же поделаешь? Таким я родился. В первые мгновения стыд и даже бешенство ослепляли меня. Я почти что с удовольствием наблюдал ее неподдельный испуг. Какое грустное и оскорбительное разочарование! В одно мгновение я увидел, как рушится и превращается в груду камней роскошный замок, с такой любовью возведенный моим вообра-

жением!.. Рабыня, столько времени державшая меня в заблуждении и, в конце концов, выставившая меня перед обществом в унизительной роли шута! Представь себе, какой конфуз и смущение я испытал перед этими знатными дамами, рядом с которыми я поставил рабыню в собрании самого блестящего и избранного общества!

— И, кроме того,— добавил Жералдо,— рабыню, затмившую их всех своей редкой красотой и удивительными талантами. Даже специально ты не смог бы приготовить им более жестокое унижение. Это преступление, которое тебе никогда не простят, разве что узнав, что ты тоже заблуждался.

— Так вот, Жералдо, я, не знавший тогда от смущения и неловкости где спрятаться, сегодня смеюсь и радуюсь тому, что так случилось. Кажется, что это происшествие предначертал всевышний, чтобы таким неординарным образом показать ничтожность всех этих сословных предрассудков, чтобы смирить гордость и самодовольство великих, вознести и защитить униженных от рождения, доказав, что рабыня может быть лучше герцогини. Недолго продлилось то первое мое неприятное впечатление. Очень скоро во мне победили сострадание и интерес к злоключениям такой незаурядной девушки, а скорее всего любовь, которую не смог погасить в моем сердце даже такой громкий скандал, заставили меня позабыть все, и я решил открыто и любой ценой защитить прекрасную пленницу. Как только мне удалось привести Изауру в чувство, убедившись, что она вне опасности, я помчался домой к начальнику полиции и изложил ему события. Благодаря нашим дружеским отношениям, я получил разрешение на то, чтобы Изаура и ее отец, а кстати, знай, что он настоящий ее отец, могли бы свободно вернуться домой, в то время как я официально становился поручителем бедной девушки. Так и произошло, вопреки яростному реву Мартиньо, не желавшего отпускать добычу. Однако на следующий день тот же начальник полиции, взвесив серьезность и значительность этого дела, пожелал видеть ее для допроса и установления личности. Я, конечно, вызвался проводить ее. О, если бы ты видел ее в тот момент!.. Сохраняя все свое достоинство, едва сдерживая слезы, вызванные ее ужасным положением, она была все-таки мужественна. В ней не было ничего, что напоминало бы ее рабское происхождение, ее манеры подчеркивали чистоту и благородство души. Это был ангел скорби, изгнанный с небес и представший перед земным судом. Я все еще сомневался в жестокой действительности. Начальник полиции, движимый восхищением перед такой милой и благородной особой, был очень любезен и допрашивал ее спокойно и вежливо. Охваченная смущением и стыдом, она созналась во всем с наивностью непорочной души. Бежала она с отцом, спасаясь от домогательств распутного, похотливого и жестокого сеньора, который насилием и мучениями хотел заставить ее удовлетворить его низкие желания. Но Изаура, которую исключительная природа, дополненная самым утонченным и совершенным образованием, с детства наделила целомудрием и героической стойкостью, отвергла домогательства и угрозы своего распутного господина. Наконец, под страхом обещанного им самого унизительного и грубого обращения, не замедлившего бы стать реальностью, она приняла крайнее и единственное остававшееся ей решение — бежать.

— Сказать по правде, Алваро, причина побега самая достойная и делает ей честь, но... к сожалению, в сущности она остается беглой рабыней.

— И именно поэтому она вызывает интерес и сострадание. Изаура рассказала мне всю свою жизнь и, как мне кажется, может доказать

свое право на свободу. Ее бывшая хозяйка, мать нынешнего господина, вырастившая и давшая ей великолепное образование, говорила при свидетелях, что в случае своей смерти завещает девушке свободу. Внезапная смерть сеньоры, не успевшей оставить завещания, причина того, что Изаура еще находится в когтях своего распутного и недостойного господина.

— И что же ты собираешься делать?

— Собираюсь добиваться свободы для Изауры и назначения опекуна для защиты ее прав.

— И где ты собираешься получить доказательства или документы, подтверждающие твою правоту?

— Не знаю, Жералдо. Я хотел бы посоветоваться с тобой, именно поэтому я с нетерпением ждал твоего возвращения. Помоги мне в этом правом деле своими юридическими познаниями. Я уже воспользовался первым и самым очевидным для меня способом, и сразу же, на следующий день после бала написал владельцу Изауры в самых умеренных и убедительных выражениях, какие только нашел, предлагая ему назначить цену за ее свободу. Но дело только осложнилось: похотливый и ревнивый раджа пришел в бешенство и прислал мне в ответ вызывающее письмо, которое я только что получил. В этом письме он называет меня соблазнителем и укрывателем чужих рабынь и торжественно обещает прибегнуть к закону, чтобы вернуть невольницу в свой дом.

— Весьма глуп и невежлив этот султанишка,— сказал Жералдо, бегло прочитав показанное ему другом письмо,— хотя, если не обращать внимания на его наглый тон, к сожалению, он прав...

— За этот тон он должен дать мне полное и исчерпывающее удовлетворение, на чем я настаиваю.

— Несмотря на его наглость, мы вынуждены признать, что он обладает неоспоримым правом требовать назад и арестовать свою рабыню, где бы она ни находилась, если ты не можешь представить никаких законных аргументов в защиту твоей протеже.

— Это позорное и жестокое право, мой дорогой Жералдо. Насмешка называть правом варварский свод законов, против которых во весь голос протестуют цивилизация, мораль и религия. Терпеть общество, где разнузданный и тираничный господин, одержимый постыдными желаниями, имеет право мучить хрупкое и невинное создание только потому, что ей выпало несчастье родиться рабыней, это верх злодейства и гнусности.

— Не совсем так, мой дорогой Алваро. Эти злоупотребления и подлости должны пресекаться, но как может правосудие или государственная власть проникать в пределы семейного очага и вмешиваться в частную жизнь гражданина? Каких только отвратительных и порочных тайн, порождаемых рабством, ни существует на этих плантациях и в поместьях. Я уже не говорю о правосудии, даже соседи не могут подозревать о всех мерзостях... Пока будет существовать рабовладение, будут и такие примеры. Несовершенное законодательство порождает бесконечное количество злоупотреблений, которые можно уничтожить только вырвав зло с корнем.

— К несчастью, это так. Если общество не может защитить эти жертвы от произвола палачей, то, поверь мне, в мире еще есть благородные души, берущие на себя обязанность защитить или отомстить за обиженных. Что касается меня, Жералдо, то я торжественно обещаю, пока в моей груди бьется сердце, я буду всеми силами бороться за свободу Изауры и надеюсь, что бог будет на моей стороне в этом справедливом и святом деле.

— Насколько я понимаю, Алваро, ты поступаешь так не только из соображений филантропии, но главное, по-моему, ты очень любишь эту рабыню...

— Ты прав, Жералдо, я очень люблю ее и буду любить вечно. И я не делаю из этого тайны. Разве странно или постыдно любить рабыню? Патриарх Авраам любил свою рабыню Агарь и ради нее оставил Сару, свою жену. Униженное положение не может лишить Изауру светлого и сияющего ореола, в котором я видел и вижу ее по сей день. Красота и невинность — это звезды, сияющие еще ярче во мраке несчастья.

— Твоя философия прекрасна и достойна твоего благородного сердца, но ничего не поделаешь, судьбы вершат гражданские законы, хотя эти условия, созданные людьми, несовершенны, несправедливы и часто жестоки. Ангел страдает и стонет под игом рабства, а демон устремляется к вершинам счастья и власти.

— Да, это так,— размышлял Алваро в унынии.— Неужели в этих бесчеловечных законах нельзя найти никакого уязвимого места, позволяющего вырвать у палача его невинную жертву?

— Никакого, Алваро, до тех пор, пока не получишь какое-нибудь доказательство в пользу твоей подопечной. Закон видит в рабе только собственность и фактически отказывает ему в человеческой природе. Господин имеет полное право собственности на раба и может лишиться его, только отпустив на свободу или отчуждая его иным образом, или если свобода доказана в процессе судебного разбирательства, но не по причине имевшей место жестокости или чего-то подобного со стороны владельца.

— Эти ваши законы — жалкий и глупый бред. Чтобы расставить сети честности, покровительствовать обману, воспользовавшись незнанием, ограбить бедного, благоприятствовать ростовщичеству и алчности богачей, ваши законы насыщены подобного рода средствами и уловками. Но когда речь идет о гуманной цели, о том, чтобы защитить беспомощное создание от произвола, от несправедливого преследования, тогда они либо немы, либо слепы. Клянусь, я использую все доступные мне средства, чтобы освободить несчастную от оскорбительного ига. На это вдохновляет меня не только порыв великодушия, но и моя чистая и горячая любовь. Я не стыжусь признаться в этом.

Друг Алваро пришел в ужас от столь откровенного и с таким воодушевлением и восторгом произнесенного признания, показавшегося ему жалким безумством.

— Никогда не думал,— серьезно возразил он,— что эта эксцентричная и злополучная любовь достигнет такой степени восторженности. Нет ничего более достойного и естественного в том, что ты, движимый человечностью, стараешься защитить беспомощную рабыню. Остальное же, по-моему, ни что иное, как плод восторженного и романтического воображения. Разве достойно твоего положения в обществе так любить рабыню?

— Рабыня! — воскликнул Алваро, все больше возбуждаясь,— это всего лишь пустое слово, ничего не означающее по сути своей для меня. Чистота ангела, красота феи — вот реальность! Может ли человек или целое общество противостоять воле создателя и обращать в недостойную рабыню ангела, спустившегося с неба?..

— Как бы красиво ты не говорил, но ангел упал с неба в болото рабства, и никто не может очистить грязи, запятнавшей его крылья. Такова жизнь, Алваро, жизнь в обществе послушна тираническим правилам, которым мы вынуждены подчиняться под угрозой трагического по-

ворота событий, способных уничтожить нас. Кто не соблюдает условности или социальных предрассудков, тот рискует впасть в немилость и быть смешным.

— Рабство как таковое уже возмутительно, это отвратительная язва на лице нации, терпящей и охраняющей ее. В свою очередь, я не вижу никаких причин, чтобы до такой степени уважать абсурдные предрассудки, позорящие нас в глазах всего цивилизованного мира. Пусть я буду в числе первых, подавая этот благородный пример, но у меня, конечно, будут последователи. Пусть это будет, по крайней мере, энергичный и честный протест против варварского, постыдного законодательства.

— Ты богат, Алваро, а богатство даст тебе определенную свободу для удовлетворения твоих филантропических замыслов и капризов твоего романтического воображения. Но как бы велико ни было твое состояние, оно не может исправить предрассудков света и не заставит уважать или хотя бы принять в высшее общество рабыню, с которой, судя по всему, ты собираешься связать свою судьбу.

— Какое мне дело до высшего света, если к нам будут благосклонны здравомыслящие люди с добрыми сердцами? Но главное, ты ошибаешься самым роковым образом, мой Жералдо. Мир всегда угодничает перед богатством, ведь так было всегда и везде. Золото обладает таким качеством, которое без труда затмевает и делает абсолютно невидимыми любые родимые пятна. Я уверен, что уважение и почтение в обществе будут тогда, когда у меня будет туго набитый деньгами кошелек.

— Но, Алваро, ты забываешь об одной очень важной вещи: а если тебе не удастся добиться свободы для твоей протеже?

При этом вопросе Алваро побледнел и, подавленный такой жестокой, но, к сожалению, возможной перспективой, не ответив ни слова, с тоской устремил свой взор к горизонту. В это время его форейтор, ожидавший с коляской у калитки сада, пришел доложить, что какие-то люди спрашивают господина, желая говорить с ним или с хозяином дома.

— Меня? — сквозь зубы процедил Алваро,— разве я у себя дома? Но, раз они спрашивают и хозяина... впусти их.

— Алваро,— сказал Жералдо, выглядывая в окно,— если я не ошибаюсь, это из полиции. Мне кажется, я вижу среди них судебного исполнителя. Нам предстоит еще одна сцена, такая же, как на балу.

— Этого нельзя допустить! По какому праву смеют они беспокоить меня в этом доме, доверенном мне самой полицией!

— Не уповай на это. Фемида — очень непостоянное и весьма изобретательное божество. Сегодня оно рушит то, что сотворило вчера...

Глава 16

После неудавшейся попытки арестовать Изауру на балу, Мартиньо написал ее хозяину подробное письмо, в котором сообщал, что ему удалось обнаружить разыскиваемую сеньором рабыню.

Он обстоятельно описал проведенное им расследование до того самого момента, когда обнаружил ее на публичном балу. Мартиньо превозносил свои сыскные способности и проницательность, утверждая, что

если бы не он, никто не смог бы разглядеть рабыню в такой красивой и одаренной девушке. Искажая факты, он описал Леонсио в двусмысленных выражениях, что Мигел обосновался с Изаурой в Ресифе, чтобы спекулировать красотой дочери. Она же, расставляя сети праздным и богатым мальчишкам, в конце концов сумела поймать в них весьма упитанного и теперь поспешно ощипываемого цыпленка. Это был пернамбуканец по имени Алваро, дважды миллионер и очень глупый человек, воспылавший к девице сумасшедшей страстью, одураченный и замороченный ею настолько, что собирается обручиться с ней. Его глупость не имела предела, и он ее привел на бал, где ему, Мартиньо, и улыбнулась удача обнаружить беглянку. Он задержал бы ее и уже отправил бы хозяину, если бы не встретил в лице этого сеньора препятствия, защитившего Изауру несмотря на раскрывшуюся тайну этой богини. Используя значительные связи и влияние, которыми он располагал в силу своего положения в обществе, он сумел воспрепятствовать ее задержанию, и, став поручителем рабыни, сохранил ее в своей власти вопреки всякому разуму и справедливости, объявив, что вручит ее только самому владельцу. Он полагает, что Алваро попытается освободить девушку, чтобы жениться или сделать ее любовницей, и считает своим долгом довести все это до сведения хозяина рабыни.

Таково краткое содержание письма Мартиньо, которое отправилось в Рио-де-Жанейро на пароходе вместе с письмом Алваро, в котором тот предлагал выкупить Изауру. Леонсио, обрадованный открытием, но переполненный ревностью и беспокойством из-за сведений, полученных от Мартиньо, поторопился ответить им обоим. И тот же пароход, который привез вызывающий и оскорбительный ответ, предназначавшийся Алваро, доставил письмо, предназначенное Мартиньо и уполномочивавшее того задержать рабыню, где бы она ни находилась. А для большей надежности Леонсио переслал ему специальную доверенность на это и, кроме того, несколько рекомендательных писем от важных лиц начальнику полиции, с тем, чтобы тот помог Мартиньо в этом деле.

Мартиньо немедленно отправился в полицию и, представив начальнику все эти бумаги, потребовал, чтобы тот распорядился выдать ему рабыню. При виде документов, которыми был снабжен Мартиньо, начальник понял, что не сможет противостоять его притязаниям и отдал письменный приказ о выдаче вышеуказанной рабыни, послав с ним судебного исполнителя и двух полицейских для исполнения этого приказа.

Таким образом, Мартиньо появился перед домом Изауры вооруженный всеми документами, надлежащим образом уполномоченный полицией и в сопровождении конвоя, чтобы вырвать у Алваро желанную добычу.

— Снова этот негодяй здесь! — прошептал Алваро сквозь зубы при виде входящего Мартиньо. Это был стон бессильной ярости, вырвавшийся из глубины души охваченного скорбным предчувствием юноши.

— Что вам угодно в этом доме? — высокомерно спросил Алваро.

— Сеньор, хорошо зная меня,— ответил Мартиньо,— не может сомневаться о целях моего визита.

— Не имею ни малейшего представления, меня скорее удивляет этот полицейский эскорт, с которым вы сюда явились.

— Ваше удивление пройдет, когда вы узнаете, что я пришел получить беглую рабыню по имени Изаура, которая уже давно была мною разоблачена на балу, на котором присутствовали и вы, сеньор. Я должен был отправить ее владельцу в Рио-де-Жанейро, но вы воспрепятствовали этому без какой бы ни было заслуживающей внимания причины и удерживаете ее по сей день в своей власти вопреки закону.

— Помолчите, сеньор Мартиньо! Мне кажется вы не имеете права по своему усмотрению распоряжаться судьбами людей. Вам хорошо известно, что я поверенное лицо этой рабыни, и она находится под моим покровительством в рамках закона и с согласия властей.

— Вашим полномочиям пришел конец, если только можно назвать законным ваше самоуправство. К тому же вы, сеньор, не представили никаких доказательств в защиту этой беглой рабыни. И, кроме того,— продолжал Мартиньо, показывая бумагу,— вот окончательный приказ начальника полиции выдать упомянутую рабыню. Этому нельзя препятствовать, не нарушив закона.

— Как я вижу, сеньор Мартиньо,— сказал Алваро, быстро просматривая бумагу, врученную ему Мартиньо,— вы еще не отказались от своего недостойного замысла, став за мизерную сумму послушным орудием палача несчастной женщины. Подумайте, и вы поймете, что эти низкие действия могут лишь вызвать всеобщее отвращение к вам.

Ощущая поддержку полиции, Мартиньо посчитал возможным казаться суровым и надменным, поэтому он ответил с невозмутимым хладнокровием:

— Сеньор Алваро, я пришел в этот дом только для того, чтобы именем закона потребовать выдачи беглой рабыни, укрывающейся здесь, а не затем, чтобы выслушивать обвинения, которые вы не имеете права выдвигать против меня. Потрудитесь исполнить то, что предписывает вам закон и диктует здравый смысл, если не хотите, чтобы я воспользовался моим правом...

— Каким правом?

— Обыскать этот дом и забрать рабыню силой.

— Пошел вон, жалкий шпион,— с негодованием воскликнул Алваро, не в силах больше сдерживать свой гнев.— Прочь с моих глаз, если не хочешь дорого заплатить за свою наглость!

— Сеньор Алваро!.. Подумайте, что вы делаете!

Доктор Жералдо, понимавший всю опрометчивость поведения своего друга, до этого момента из осторожности сохранявший молчание, увидев, что гнев и безрассудство Алваро переходят всякие границы, посчитал своим полным долгом вмешаться. Приблизившись к нему, он взял его за руку и тихо сказал:

— Что ты делаешь, Алваро? Разве ты не понимаешь, что излишней горячностью ты можешь скомпрометировать себя и лишь осложнить положение Изауры? Осторожнее, друг мой.

— Но... что мне делать? Скажи.

— Выдать ее.

— Никогда! — с отчаянием воскликнул Алваро.

Несколько мгновений все хранили молчание. Казалось, Алваро размышлял.

— Я вспомнил еще об одном средстве,— шепнул он Жералдо.— Попробую его.

И, не дождавшись ответа, подошел к Мартиньо.

— Я убежден, сеньор Мартиньо,— тихо сказал ему Алваро, отводя его в сторону,— что вознаграждение в пять тысяч рейсов является основным мотивом, заставляющим вас действовать таким образом против несчастной, ничем вас не обидевшей женщины. Я понимаю, что вы не можете пренебрегать такой скромной суммой. Но если пожелаете полностью отказаться от этого предприятия, оставив в покое эту рабыню, я дам вам вдвое больше.

— Вдвое!.. Десять тысяч рейсов! — воскликнул потрясенный Мартиньо.
— Именно. Десять тысяч рейсов и уже сегодня.
— Но, сеньор Алваро, я уже дал слово хозяину рабыни и предпринял некоторые шаги с целью, чтобы...
— Не имеет значения! Скажите, что она снова убежала или найдите себе какое-нибудь оправдание...
— Как, когда общеизвестно, что она находится во власти вашей милости?..
— Ну... как хотите, сеньор Мартиньо. Чтобы такой энергичный и смышленный человек, как вы, спасовал бы перед такими незначительными мелочами!
— Решено,— сказал Мартиньо, подумав минуту.— Раз уж ваша милость так интересуется рабыней, не хочу больше огорчать вас этим делом, которое, сказать вам по правде, внушает мне отвращение. Принимаю предложение.
— Спасибо. Вы окажете мне большую услугу.
— Но как я должен поступить, чтобы выпутаться из этого?..
— Подумайте. У вас богатое воображение, и оно должно подсказать вам, каким образом легче выйти сухим из воды.
Мартиньо задумчиво стоял несколько мгновений, грызя ногти и внимательно изучая пол. Наконец, подняв голову и поднеся ко лбу указательный палец, он воскликнул:
— Нашел! Сказать, что рабыня снова исчезла — это неубедительно, к тому же может скомпрометировать вас, сеньор, так как вы поручитель. Скажу, что внимательнее изучив это дело, я пришел к выводу, что девушка, находящаяся под вашим покровительством, не та рабыня, о которой говорится в объявлении.
— Неплохо придумано... Но случай получил такую огласку!
— Неважно! Вы припоминаете примету в виде ожога над правой грудью, что упоминалась в объявлении? Я скажу, что эта весьма характерная примета не обнаружена, вот и все. Еще я добавлю, что девушка, находящаяся под вашей опекой, при дневном свете выглядит совершенно иначе, чем ночью, и не похожа на красавицу, описанную в объявлении, и что вместо двадцати лет ей все тридцать с лишним, почти сорок, и что вся эта молодость и красота достигнуты посредством румян. А при мерцающем свете люстр и канделябров легко обмануться...
— Вы весьма изобретательны,— заметил Алваро, улыбаясь,— но те, кто ее видел, конечно, не поверят вам. Впрочем, остается еще один момент, сеньор Мартиньо,— признание, сделанное ею публично. Из этого будет трудно выпутаться.
— Что же трудного! Сошлемся на то, что она подвержена приступам истерики.
— Браво, сеньор Мартиньо, я полностью доверяю вашей сообразительности и предприимчивости. А дальше?
— А дальше я сообщу все это начальнику полиции, заявив ему, что не имею больше никакого отношения к этому делу, и передам полномочия какому-нибудь следователю или лесному капитану, который пожелает заняться этим расследованием. Одновременно напишу владельцу рабыни, сообщив ему о моей ошибке, в результате чего он будет, наверняка, искать ее в других штатах. Как вы находите мой план?
— Великолепно. Так не будем терять ни секунды, сеньор Мартиньо.
— Я ухожу, и не более чем через два часа вернусь сюда, чтобы доложить вам о результатах моих действий.

— Нет, я не могу здесь долго задерживаться. Жду вас у себя дома, где я и вручу вам обещанную сумму.

— Можете идти,— сказал Мартиньо судебному исполнителю и полицейским, стоявшим у калитки сада.— Нет больше необходимости в вашем присутствии! Нет сомнения,— продолжал он про себя,— ставки удваиваются, как в ландскнэ. Эта рабыня — золотая жила и, как мне кажется, еще не иссякшая,— и он удалился, удовлетворенно потирая руки.

— Ну, что же ты ему предложил, дорогой Алваро? — спросил Жералдо, едва Мартиньо вышел из комнаты.

— Деньги,— ответил Алваро,— и мое предложение превзошло все ожидания.

Алваро вкратце рассказал своему другу о сделке, заключенной с Мартиньо.

— Какой презренный и страшный человек этот Мартиньо! — воскликнул Жералдо.— Можно ли ему доверять? И ты думаешь, Алваро, что, поступив таким образом, ты добился успеха?

— Не многого, однако кое-чего я все же смог добиться. По крайней мере, мне удалось на некоторое время отсрочить удар и, как говорится, дорогой Жералдо, пока плеть взлетает — спина отдыхает. Надеюсь, что Леонсио, убежденный в том, что его рабыни нет в Ресифе, будет искать ее по всей стране, а она тем временем поживет здесь, под моим покровительством, защищенная от преследователей и дурного обхождения жестокого хозяина. А у меня будет время найти средства и собрать доказательства и документы для обоснования ее права на свободу. Пока что мне этого достаточно, что же касается остального, раз уж ты считаешь мое дело совершенно безнадежным, божественное провидение научит меня, как поступить.

— Как ты ошибаешься, мой бедный Алваро! Думаешь, что, устранив Мартиньо, ты хоть на время избавил ее от преследований владельца? Меня поражает твоя недальновидность! В доносчиках, падких на легкую добычу, которые за пять тысяч рейсов — а для этих негодяев это баснословная сумма — пустятся на розыски беглой рабыни, поверь, недостатка не будет. Особенно сейчас, когда Мартиньо поднял переполох, и это дело получило широкую огласку. Вместо одного появится сто Мартиньо, преследующих прекрасную беглянку, каждый из них, не задумываясь, последует его примеру.

— А меня поражает твоя мнительность, Жералдо! Ты всегда видишь все в мрачных красках. Вполне возможно, что ложь, изобретенная Мартиньо, возымеет свое действие, и никто больше не вздумает заподозрить в Изауре ту беглую рабыню. А если мой план удастся, мне будет безразлично, сколько ищеек пустятся за ней по свету. В любом случае я получаю отсрочку, что мне сейчас очень выгодно.

— Ну, хорошо, Алваро, действуй, раз уж так случилось. Но, по-моему, подобное поведение недостойно тебя. Этим поступком ты оправдываешь те оскорбительные эпитеты, которыми наградил тебя Леонсио в письме. Ведь ты в самом деле начинаешь исполнять роль соблазнителя и укрывателя чужих рабынь.

— Прости меня, дорогой Жералдо. Я не могу согласиться с тобой. Это необычный случай, ведь мы с Изаурой оказались в совершенно исключительных обстоятельствах. Я не соблазняю и не скрываю чужую рабыню, я защищаю ангела и спасаю невинную жертву от преследований палача. Мотивы, что движут мной, и качества человека, ради которого

я это делаю, облагораживают мой поступок и оправдывают меня перед моей совестью.

— Ну ладно, Алваро. Делай, что хочешь. Не знаю, как тебя отговорить от поступков, которые считаю не только неосторожными, но, сказать тебе откровенно, смешными и недостойными тебя.

Жералдо был недоволен поведением своего друга, слепая и неуправляемая страсть которого выставляла его на посмешище обществу. Поэтому Жералдо не только не помог ему своими советами и не порекомендовал, как добиться свободы Изауры, но и настойчиво и последовательно пытался отговорить от такого рискованного предприятия, представляя дело еще более трудным, чем оно было в действительности. Если бы это было в его власти, он сию же минуту вернул бы Изауру ее господину, лишь бы избавить Алваро от ужасного искушения, толкавшего юношу на путь самого нелепого безрассудства.

Глава 17

Оставшись один, Алваро погрузился в глубокое раздумье. Он сел за стол и опустил голову на руки.

Между тем Изаура, поняв по воцарившейся в гостиной тишине, что там нет никого постороннего, тихо вошла в комнату.

— Сеньор Алваро,— сказала она, медленно и робко приблизившись к нему,— извините за беспокойство, я, наверное, помешала вам... Кажется, вы хотели побыть в одиночестве.

— Нет, моя Изаура, ты не можешь помешать мне, наоборот, я всегда рад тебя видеть.

— Но, я вижу, вы так грустны! Кажется, здесь были какие-то посетители, мы слышали их возбужденные голоса. Эти люди чем-то огорчили вас?

— Ничего особенного, Изаура. Это знакомые доктора Жералдо, они приходили за ним.

— Тогда почему вы так удручены и подавлены?

— Я не удручен и не подавлен. Я обдумывал, как вырвать тебя из цепей рабства, мой ангел, и возвысить до положения, для которого небо создало тебя.

— Ах, сеньор, не печальтесь так из-за несчастной рабыни, она не заслуживает вашего участия. Бесполезно бороться с преследующим меня неумолимым роком.

— Не говори так, Изаура. Неужели ты не веришь в мою любовь?

— Я недостойна даже слышать из ваших уст это сладкое слово. Подарите вашу любовь другой женщине, более достойной, и забудьте бедную невольницу, которая недостойна вашего сочувствия, потому что скрыла от вас свое происхождение и причинила вам столько обременительных хлопот...

— Прошу тебя, Изаура... Не вспоминай больше никогда тот постыдный скандал. Только я виноват в случившемся, вынудив тебя пойти на этот бал. Теперь я понимаю, что у тебя было более чем достаточно причин не открываться мне. Забудь об этом, прошу тебя, ради нашей любви, Изаура.

— Не могу забыть. Видения того вечера — укор моей совести. Горе — плохой советчик, оно приводит в замешательство и омрачает разум. Я вас любила, люблю и буду любить вечно. Простите мне это признание. Это, конечно, дерзко звучит в устах рабыни.

— Говори, Изаура, говори всегда, что любишь меня. Если бы я мог всегда слышать от тебя эти слова.

— Теперь можно сказать, что это была грустная любовь, любовь рабыни, любовь без будущего и надежд. Но я испытала счастье быть любимой сеньором, и это возвысило меня в собственных глазах. Ваша любовь облагораживала мое существование и заставляла меня забыть мое униженное положение. Я боялась, что, открыв вам правду, лишусь навсегда вашей благосклонности, такой отрадной для моей души. Простите, мой господин, простите несчастную рабыню, имевшую безумную смелость полюбить вас.

— Изаура, оставь свои сомнения, не надо так унижаться. Эти речи не для твоих уст. Ты любишь меня, и я люблю тебя, потому что нахожу тебя достойной моей любви, чего же еще ты хочешь? Ведь я полюбил тебя, не ведая о тайне твоего рождения. Я полюбил тебя, покоренный твоим природным очарованием, когда же я узнал, какой тяжелый груз несчастий и страданий ты безропотно несешь в сердце, я почувствовал, что боготворю тебя, преклоняюсь перед величием твоей души.

— Вы любите меня, и эта мысль еще больше меня мучит! Зачем вам эта любовь, если мне не выпало счастья быть вашей рабыней, и я неизбежно должна умереть в руках моего палача...

— Никогда, Изаура! — воскликнул Алваро, приходя в необычайное возбуждение.— Мое счастье, спокойствие, жизнь, я всем пожертвую, чтобы освободить тебя из лап этого гнусного тирана. Если земное правосудие не поможет мне в этом благородном и великодушном предприятии, моими руками свершится небесный суд!

— О! Сеньор Алваро! Не жертвуйте собой ради бедной рабыни, недостойной ваших забот. Предоставьте меня моей жестокой судьбе. Я уже счастлива тем, что заслужила любовь такого благородного и любезного кавалера, как вы. Это воспоминание всегда будет поддерживать меня и вечно будет мне утешением в моих несчастьях. Но я не могу допустить, чтобы вы так унижали свое имя и пятнали репутацию, открыто демонстрируя свою пылкую любовь к рабыне.

— Сжалься, Изаура, не мучь меня больше, произнося это проклятое слово. Зачем оно не сходит с твоих уст! Рабыня, ты!.. Нет, ты не рабыня, никогда ей не была и никогда не будешь. Разве может тирания одного человека или целого общества сделать рабским существом и обречь на угнетение ту, что бог сотворил ангелом, достойным всеобщего уважения и поклонения? Нет, Изаура, я сумею возвести тебя на достойное, небом предназначенное тебе место. В этом я надеюсь на защиту справедливого господа нашего, так как хлопочу об одном из его ангелов.

Даже после бала, где он узнал, что Изаура всего лишь рабыня, Алваро не перестал обращаться с ней с уважением, почтением и деликатностью, как с девственницей, занимающей самое высокое положение в аристократическом обществе. Он был человеком чести, главными для которого были благородство души и утонченность чувств. Целомудрие, невинность, талант, добродетели и несчастья всегда были для него святыми и достойными уважения, при этом ему было безразлично, о ком шла речь — о принцессе или о рабыне.

Его любовь была так же целомудренна и чиста, как и ее предмет, и у него даже не мелькнуло мысли воспользоваться тяжелым и униженным положением своей возлюбленной, чтобы осквернить ее непорочную чистоту. Никогда более смелый жест или менее целомудренное слово Алваро не вызвали румянец смущения на лице пленницы, и его губы даже слегка не коснулись в поцелуе девственных и целомудренных ланит. Лишь совсем недавно он позволил себе говорить ей «ты», но только в том случае, когда они оставались наедине.

Но сейчас, произнеся последние слова, охваченный самым нежным и пылким волнением, Алваро обвил рукой стан Изауры и ласково прижал ее к сердцу.

Оба они были зачарованы сладостью этого первого любовного объятия, когда услышали шум остановившегося у садовой калитки экипажа. Тут же раздавшийся громкий возглас: «Эй, есть тут кто-нибудь?» — заставил их вздрогнуть.

Тотчас же в комнату вошел форейтор Алваро и сообщил, что его спрашивают приезжие.

— Боже мой! Что бы это могло значить? Неужели опять проклятые ищейки? — подумал Алваро и, обращаясь к Изауре, сказал:

— Тебе лучше удалиться, друг мой. Неизвестно, кто это, не нужно, чтобы тебя лишний раз видели.

— Ах, я только и гожусь на то, чтобы причинять беспокойство,— с горечью сказала Изаура, удаляясь.

Минуту спустя в комнату уверенно вошел элегантный и красивый молодой человек, одетый со всей изысканностью, обнаруживающей богатые и аристократические замашки. Но, несмотря на красоту, в лице его, как у Люцифера, было нечто зловещее и жестокое, а мрачный взгляд не обещал ничего хорошего.

— Уж этот наверняка не сыщик,— подумал Алваро и, указывая пришедшему на стул, сказал.— Не угодно ли присесть? И будьте любезны, скажите, что вам угодно от вашего покорного слуги.

— Простите,— ответил ему кавалер, внимательно осматривая комнату,— я желал бы говорить не с вами, сеньор, а с проживающим здесь мужчиной или с его дочерью.

Алваро вздрогнул. Было очевидно, что этот молодой человек, хоть и совершенно не походил на сыщика, разыскивал Изауру. Все же, желая убедиться, справедлива ли его догадка, прежде чем позвать хозяев дома, он решил выведать намерения посетителя.

— И все же,— ответил Алваро,— поскольку я уполномочен хозяевами дома заниматься всеми их делами, вы, сеньор, можете обратиться ко мне и сообщить, что вам от них угодно.

— Пожалуйста, сеньор. Я готов, поскольку не делаю никакой тайны из моих намерений. Я приехал арестовать рабыню по имени Изаура, будучи уверен, что она скрывается здесь.

— В этом случае вам надлежит договориться со мной, так как я поручитель этой рабыни.

— А-а! Значит это вы и есть — сеньор Алваро!

— К вашим услугам.

— Хорошо. Очень рад встретить вас здесь. Так знайте, я Леонсио Гомеш да Фансека, законный владелец этой рабыни.

— Леонсио! Хозяин Изауры! — Казалось, вся тяжесть этого страшного и зловещего сообщения разом обрушилась на Алваро. Онемев от изумления, он несколько мгновений смотрел на этого мрачного муж-

чину, вставшего у него перед глазами неумолимым и грозным призраком князя тьмы, готовясь вцепиться в жертву, чтобы увлечь ее в ад. Холодный пот выступил у него на лбу, и жгучая тоска пронзила сердце.

— Это он!.. Этот палач! Ах, бедная Изаура! — скорбным эхом отозвалось в его охваченной леденящим отчаянием душе.

Глава 18

Внезапное появление Леонсио в Ресифе и даже в доме, где скрывались беглецы, удивило, наверняка, нашего читателя не меньше, чем Алваро.

Следовательно, чтобы вы не подумали, что случилось какое-то невероятное чудо, необходимо объяснить, как это произошло.

Даже написав и отправив почтой два известных вам письма — одно адресованное Алваро, другое — Мартиньо, Леонсио не успокоился. В его сердце поселилась отчаянная ревность. Известие о том, что Изаура находится во власти красивого и богатого юноши, безумно любящего ее, было для него невыносимой мукой, своего рода огнем, постепенно снедавшим его душу и заставлявшим его метаться в отчаянии и тоске, все более разжигая в нем яростную страсть, которой он пылал к своей рабыне. Он гостил в столице, когда получил известие об Изауре, и немедленно отправился в Ресифе, чтобы быть в центре событий и предпринять срочные и энергичные меры для ее возвращения. Написав и отправив письма накануне отплытия утреннего парохода, остаток дня он провел в задумчивости. Мучительное беспокойство, охватившее его, и нетерпение не могли позволить ему дождаться ответа на письма. В ту пору едва была открыта навигация вдоль берегов Бразилии, а пароходы ходили гораздо медленнее и реже, чем сегодня. Кроме того, он вспомнил народную мудрость: на бога надейся, а сам не плошай. Он не мог положиться на усердие и добрую волю незнакомых ему людей, которые, пожалуй, не сумеют успешно бороться с влиянием Алваро, представленного ему в доносе Мартиньо важной персоной в обществе. Ревность и месть не любят доверять чужому глазу и предпочитают действовать собственноручно.

— Мне надо самому поехать,— подумал Леонсио и, приняв это решение, отправился к министру юстиции, который был ему приятелем. Он попросил у него рекомендательное письмо, что означало приказ начальнику полиции Пернамбуко оказывать подателю его энергичное воздействие в поиске и задержании беглой рабыни. Кроме того, Леонсио заранее запасся исполнительным листом и ордером на арест Мигела, против которого возбудил уголовное дело, объявив его похитителем и укрывателем своей рабыни. Злодей предусмотрел все, чтобы осуществить свою месть.

На следующий день Леонсио отправился на север на том же пароходе, который вез его письма. Однако они попали к адресатам несколькими часами раньше, чем их автор ступил на землю Ресифе.

Как только Леонсио сошел на берег, он отправился к начальнику полиции и, вручив письмо министра, сообщил ему о своих требованиях.

— Должен уведомить вас, сеньор Леонсио,— ответил ему начальник,— что немногим более двух часов назад отсюда вышел человек, уполномо-

ченный вашей милостью задержать эту рабыню. Но он только что вернулся и заявил, что ошибся, и признал, что лицо, подозреваемое им, не только не является, но и не может быть рабыней, бежавшей с вашей фазенды.

— Некий Мартиньо, так ведь, сеньор доктор?

— Именно так.

— Удивительно!.. И что вы думаете, сеньор доктор?

— Трудно в это поверить! Здесь у дверей еще находится судебный исполнитель и полицейские, сопровождавшие его.

— Значит, я зря потерял время и напрасно проделал этот длинный путь? О, нет, нет. Это не может быть. Поверьте мне, сеньор доктор, здесь не все чисто... Говорят, что этот сеньор Алваро очень богат... А этот Мартиньо — негодяй, способный за деньги на любую низость.

— Все может быть, но вам, сеньор, как лицу заинтересованному, я советую проверить это лично.

— Именно так я и намерен поступить. Я сам пойду туда, чтобы своими глазами убедиться, и сделаю это немедленно, если возможно.

— Когда угодно. Здесь находятся судебный исполнитель и полицейские, только что вернувшиеся оттуда, и никто лучше них не поможет вам, сеньор, арестовать ее, если вы признаете, что там скрывается ваша беглая рабыня.

— Мне только необходимо, чтобы вы, сеньор, наложили свою резолюцию на этом исполнительном листе,— сказал Леонсио, вынимая исполнительный лист на Мигела.— Следует наказать мошенника, осмелившегося сбить с пути истинного и похитить у меня рабыню.

Начальник, не раздумывая, удовлетворил просьбу Леонсио, который, не мешкая, в сопровождении небольшого конвоя, поместившегося в его экипаже, отправился в дом Изауры, где мы оставили его наедине с Алваро.

Положение Алваро было не только драматичным, оно было просто отчаянным. Его соперник стоял перед ним, будучи вооружен правом унизить, раздавить его и, кроме того, разбить его сердце, отняв у него обожаемую возлюбленную. Его любимая девушка будет отдана на поругание разнузданным страстям распутного господина, если только не принесена в жертву его ярости. У него не было иного выхода, кроме как покориться судьбе и, сложив руки, оставаться безмолвным свидетелем того, как беззащитное ангельское создание, единственная среди стольких красавиц, заставившая его сердце биться в волнении самым страстным и чистым чувством, будет закована в железо и исполосована бичом палача.

Роковое стечение обстоятельств, свидетелями которых мы оказались, было обусловлено абсурдным и бесчеловечным сводом законов.

Развратный, разнузданный палач предстает гордым и надменным властелином, пользующимся поддержкой закона, власти, права и силы, вонзающим свои когти в добычу — объект его алчности или ненависти; он беспрепятственно может обладать или уничтожить ее, тогда как человек с благородным сердцем и великодушными побуждениями растоптан, парализован и не может протянуть руку помощи невинной и благородной жертве, которую желал бы защитить. Таким образом, в результате противоестественного заблуждения закон вооружает порок и препятствует добродетели.

Итак, Алваро стоял перед Леонсио, как осужденный перед палачом. Жестокость судьбы со всей силой сдавила его, не позволяя даже шелохнуться.

Леонсио, захлебываясь от ярости и ревности и пользуясь выгодами своего положения, решил отомстить сопернику не с благородством дворянина, а с присущей ему подлостью:

— Мне известно, что вы, сеньор,— сказал Леонсио в продолжение диалога, прерванного нами в предыдущей главе,— уже давно удерживаете эту рабыню в своей власти, нарушая законы, вводя власти в заблуждение ложными свидетельствами, которые вы сами не в состоянии доказать. Однако я сам приехал с тем, чтобы отстоять свои права и расстроить ваши низкие планы.

— Вы неправы, сеньор. Я защищал и открыто защищаю рабыню от насилия хозяина-палача, вот и все.

— Вот как! Ну, теперь я буду знать, что всякий может похитить раба под предлогом его защиты. Кто может законно следить за обращением с рабами? Оказывается, кто угодно, только не хозяин!

— Ваша милость изволит насмехаться, я же заявляю вам, что не имею намерений ни насмехаться, ни выслушивать ваших насмешек. Признаюсь вам, что очень хотел бы освободить эту рабыню, потому что желаю собственного счастья и готов сделать для этого все возможное и даже невозможное. Я уже предлагал вам деньги и снова предлагаю их. Я заплачу сколько угодно... Дам вам целое состояние за эту рабыню. Назовите сумму.

— Эта рабыня бесценна. Даже за все золото мира я не буду продавать ее.

— Но это варварский каприз, безнравственная жестокость...

— Пусть каприз, если вам так угодно, разве я не вправе иметь капризы, не посягая при этом на чужое имущество? Разве не каприз с вашей стороны заполучить ее? Но ваш каприз посягает на мои права, а этого я не могу допустить.

— Но мой каприз благороден и милосерден, а ваш — тирания, если не сказать низость. Вы, уважаемый сеньор, омрачаете ее жизнь несмываемым позором, удерживая ее в рабстве, оскорбляете неуважением память вашей матушки, которая с такой нежностью вырастила и прекрасно воспитала эту рабыню, сделав ее достойной свободы. Более того, она намеревалась подарить ей свободу, но не для того, чтобы ублажать капризы вашей милости. И конечно там, на небесах, она проклинает вас, и вся Вселенная присоединяется к ее проклятию, обличая того, кто держит в самой постыдной неволе творение, полное добродетели, талантов и красоты.

— Довольно, сеньор! Теперь я буду знать, что рабыня имеет право быть свободной уже потому, что красива и талантлива. Так знайте и вы, велеречивый сеньор, что если моя матушка вырастила эту девчонку не для того, чтобы удовлетворять мои капризы, то тем более не для того, чтобы удовлетворять ваши, вас она никогда не знала. Сеньор Алварес, если желаете иметь любовницей какую-нибудь рабыню, поищите себе другую, купите ее, что же касается этой, оставьте всякую надежду.

— Сеньор Леонсио, вы, кажется, забыли, где вы и с кем говорите. Вы думаете, что говорите с управляющим или рабом в своем поместье. Требую, чтобы вы сменили тон!

— Довольно, сеньор. Оставим напрасные споры. Я здесь не для того, чтобы выслушивать ваши проповеди. Единственное, что я хочу, так это вернуть рабыню. И не вынуждайте меня воспользоваться своим правом и забрать ее силой.

Алваро, обезумевший от этих грубых и жестоких оскорблений, потерял всякую осторожность и хладнокровие.

Осознав, что ему остался единственный выход из этого безнадежного положения — убить своего противника либо умереть от его руки, и повинуясь своему гневу и отчаянию, он вскочил со стула, на котором сидел, схватил Леонсио за отвороты сюртука и с силой тряся его закричал, потеряв от бешенства самообладание:

— Палач! Твоя рабыня здесь! Но прежде чем ты сможешь забрать ее, ты мне ответишь за нанесенные мне оскорбления, слышишь?! Или ты думаешь, что и я твой раб?

— Ты с ума сошел, приятель! — воскликнул испуганный Леонсио.— В нашей стране запрещены дуэли!

— Какое мне дело до законов! Для благородного человека честь превыше любых законов, и если ты не трус, думаю...

— На помощь, убивают... крикнул Леонсио, освобождаясь из рук Алваро и устремляясь к двери.

— Мерзавец! — крикнул Алваро, скрестив руки и стиснув зубы от гнева, с презрительной усмешкой на бескровном лице.

В то же мгновение, привлеченные шумом, в комнату вбежали Изаура и Мигел в одну дверь и судебный исполнитель с полицейскими в другую.

Слух Изауры был обострен, из глубины дома она услышала разгоревшуюся ссору и сразу поняла, что происходит.

Она почувствовала, что все погибло, и бросилась, чтобы воспрепятствовать Алваро, готовому совершить из любви к ней преступление.

— Я здесь, сеньор! — с достоинством произнесла она, представ перед своим хозяином.

— Вот они! Это они! — воскликнул Леонсио, указывая полицейским на Изауру и Мигела.— Арестуйте их! Арестуйте их!

— Уйди, Изаура, уйди,— шептал Алваро дрожащим и слабым голосом, бросаясь к пленнице.— Не отчаивайся, я не покину тебя! Уповай на господа и верь в мою любовь.

Часом позже Алваро принимал у себя Мартиньо. Тот явился, довольный собой, полный тщеславия и прыти, чтобы отчитаться в своих делах и горя желанием положить в карман условленную сумму.

— Десять тысяч! — думал он по дороге.— Это целое состояние! Теперь-то я смогу жить на широкую ногу! Прощайте, грязные скамьи Академии! Прощайте, засаленные книги, которые я так долго и безрезультатно листал! Я вас выброшу за окно, вы мне больше не нужны! Мое будущее обеспечено. Скоро я стану капиталистом, банкиром, командором, бароном, тогда все узнают, чего я стою! — И, изобретая ростовщические и биржевые махинации, Мартиньо уже в сотни раз увеличивал в своем воображении эту сумму.

— Мой дорогой сеньор Алваро,— начал он сразу же, не церемонясь,— все устроено согласно вашим желаниям. Вы, сеньор, можете спокойно жить с милой беглянкой. С этого момента никто вас больше не побеспокоит. Ваши действия в этом деле заслуживают всяческих похвал. Они достойны такого честного и великодушного сердца, как ваше. Невозможно вообразить бóльшую несправедливость! Такая изнеженная и одаренная девушка в неволе! Вот письмо, которое я написал этому тупому султанишке. Я придумал для него разные небылицы, которые окончательно собьют его с толку.

Говоря это, Мартиньо развернул письмо и уже начал читать, но Алваро нетерпеливо перебил его.

— Довольно, сеньор Мартиньо,— неприязненно заметил он,— дело сделано, мне больше не нужны ваши услуги.

— Как сделано?!
— Рабыня возвращена ее господину.
— Возвращена? Но это невозможно!
— Однако это суровая правда, если желаете узнать подробности, идите в полицию и наведите там справки.
— А мои десять тысяч?
— Думаю, что мне теперь не за что давать их вам.
Мартиньо издал отчаянный вопль и выбежал из дома Алваро с такой поспешностью, что, казалось, он скатился вниз по ступеням.
Описать жалкое состояние, в котором оказалась эта презренная личность — предприятие, за которое я не берусь. Пусть читатели сами вообразят себе эту тягостную картину.
Голодный пес, обманутый призрачной тенью, выпустил кусок мяса и остался без добычи.

Глава 19

— Посмотри, что ты делаешь, Роза. Ты и вправду легкомысленна и ни к чему не пригодна. Лишнее доказательство того, что ты не рождена для гостиной, твое место на кухне.
— Вы только посмотрите, какая важная персона собирается учить меня порядку! Кто тебя сюда звал, зануда? Твое место не здесь, а на конюшне. Иди, учи там лошадей, Андрэ, и не лезь в дела, которые тебя не касаются.
— Помалкивай, дурочка,— ответил Андрэ, переставляя стулья.— Только и умеешь, что языком молоть. Эти стулья стоят не здесь... Посмотри на эти вазы! А ты еще не протерла зеркала! Вот лентяйка! При Изауре все сияло чистотой. Приятно было зайти в гостиную. А теперь вот что. Ясно, тебе этого не дано.
— Ее ты вспомнил кстати! — откликнулась Роза, чрезвычайно раздосадованная этим разговором.— Если соскучился по Изауре, иди, вытащи ее из подвала, где она теперь живет. Уж там-то нечего украшать цветами.
— Заткнись, Роза. Смотри, ты ведь тоже можешь там оказаться.
— Никогда. Я ведь не убегаю.
— Потому что не с кем. А если бы тебе посчастливилось, ты убежала бы даже с чертом. Бедная Изаура! Такая добрая, такая ласковая девушка, а с ней обращаются как с негритянкой с кухни! Неужели у тебя нет ни капли жалости к ней, Роза?
— Жалко? Это еще почему? Кто ее заставлял убегать?
— Знаешь, Роза, я готов взять на себя половину ее наказания, только бы быть с ней вместе, понятно?
— Ну, это очень просто, Андрэ. Надо только сделать то же, что сделала она. Отправляйся, как она, проветриться в Пернамбуко, и непременно окажешься в компании Изауры.
— Теперь что говорить! Если бы я знал, что меня схватят вместе с ней, я бы убежал. Но, черт возьми, несчастная Изаура теперь оставит нас навсегда. Ее будет очень не хватать в этом доме.
— Как это — оставит?

— Увидишь.

— Ее продали?

— Ну, скажешь — продали!

— Отдали кому-нибудь?

— Нет.

— Получила вольную?

— Какая ты любопытная! Подожди, Роза, немного терпения, и, может быть уже сегодня, ты все узнаешь.

— Ну вот, теперь еще скрытничаешь... Разве то, что ты знаешь, нельзя знать другим?

— Это не тайна, Роза, это мои догадки. Скоро здесь, в доме будут значительные перемены, вот увидишь...

— Ах! Ах! — насмешливо ответила Роза,— они написаны у тебя на лбу.

— Тсс! Тихо, Роза! Сюда идет хозяин.

Конечно, из этого диалога читателю понятно, что мы снова находимся в поместье Леонсио в муниципии Кампус, в той же гостиной, где в начале этой истории застали Изауру, поющую свою любимую песню.

Прошло около двух месяцев со дня отъезда Леонсио в Ресифе за беглой рабыней. Леонсио и Малвина помирились и недавно вернулись из столицы на фазенду. А сейчас рабы, в том числе и Андрэ, моют пол, стирают пыль и расставляют мебель в этой богатой гостиной — бесстрастной хранительнице семейных тайн и очаровательных, постыдных и жестоких сцен. С отъезда Малвины гостиная стояла запертой.

Однако как же сложилась судьба Изауры и Мигела с тех пор, как мы расстались с ними в Пернамбуко? Как Леонсио поступил с ней и что собирается делать дальше? Каким образом он помирился со своей женой?

Об этом мы и поведаем читателю перед тем, как продолжить наш рассказ.

Доставив Изауру в свое поместье, Леонсио держал ее в самом суровом заточении. Это было сделано не только для того, чтобы наказать или жестоко отомстить несчастной пленнице. Он понял, какой сильной и на все способной была любовь молодого пернамбуканца к Изауре, так как слышал последние слова, сказанные им девушке: «Доверься всевышнему и моей любви, я тебя не покину». Это была угроза, а Алваро, будучи богатым и решительным человеком, располагал большими средствами, чтобы привести ее в исполнение как силой, так и другим возможным путем. Поэтому Леонсио не только держал свою рабыню в самом строгом уединении, но и вооружил всех своих рабов, которые с момента его приезда были почти полностью отвлечены от работы на плантациях и караулили пленницу денно и нощно, как солдаты, охраняющие крепость.

Однако безумная любовь никогда не покидала пылкую и жестокую душу молодого плантатора, и Леонсио не терял надежды подавить стойкое сопротивление девушки.

Им владели уже не только любовь или чувственность, но тираническая прихоть, жестокое, сатанинское желание отомстить ей и предпочтенному ею сопернику. Он хотел обладать ею хотя бы день и потом пренебрежительно вручить, оскверненную и опозоренную, своему сопернику, сказав: «Забирай свою возлюбленную. Теперь я готов продать ее даже за самую ничтожную плату».

Итак, он начал все сначала: обольщения и заверения, сопровождаемые угрозами, притеснениями и истязаниями. Леонсио воздерживался только от грубых попыток и прямого насилия не потому, что был для

этого недостаточно жесток, но, зная беспредельную добродетельность Изауры, он понял, что такими средствами смог бы только убить ее, а смерть не удовлетворяла ни чувственность, ни мстительность злодея. Поэтому он задумал новый план не только для того, чтобы растоптать то чувство, которое он называл гордостью рабыни, но и для того, чтобы лишить надежды и посмеяться над великодушными намерениями Алваро, самозабвенно отомстив им обоим.

Кроме всего прочего, Леонсио считал совершенно необходимым для себя помириться с Малвиной не потому, что на это его толкали соображения чести и морали или супружеская привязанность, а только из корыстных побуждений, о которых читателю скоро станет известно. Так вот, с этой целью Леонсио отправился в столицу и встретился с Малвиной.

Обладая от природы дурными качествами, он с ловкостью самого отъявленного мошенника использовал для достижения своей цели ложь и клевету. Появившись перед ней пристыженным и раскаявшимся в своем поступке, он поклялся загладить вину своим поведением, простившись с прошлым навсегда. Он откровенно признался, с ангельским простодушием, что какое-то время действительно был очарован прелестями Изауры, но что это было всего лишь мимолетное увлечение, исчезнувшее теперь бесследно в его душе.

Кроме того, он, прибегнув к клевете, очернил бедную Изауру, Уверяя, что будучи изощренной кокеткой, она использовала самые ловкие и коварные притворства, чтобы соблазнить и влюбить его в себя, намереваясь получить свободу в обмен на свои услуги, он придумал тысячу других небылиц, в результате чего заставил Малвину поверить, что Изаура бежала из дома, соблазненная неким поклонником, который в тайне от них давно волочился за ней, что именно он дал ее отцу средства для выкупа рабыни, но, когда этот план не удался, они договорились и осуществили ее похищение. Когда же беглецы приехали в Ресифе, некий молодой человек, столь же богатый, сколь сумасбродный и глупый, влюбившись, отнял ее у первого любовника. А Изаура, притворившись свободной сеньорой, до такой степени привязала и одурачила его, что бедный юноша готов был жениться на ней. Даже после того, как он узнал, что она невольница, юноша не хотел оставить ее и, устраивая скандалы и изобретая всякие хитрости, был готов на все, чтобы освободить ее. Поэтому Леонсио и ездил в Ресифе, чтобы вырвать рабыню из рук этого молодого человека.

Будучи наивной и доверчивой, обладая нежной душой, готовая простить супруга, Малвина полностью поверила всему, что Леонсио выдумал. А тот не просто хотел загладить свои прошлые грехи, но и стремился подготовить заранее предстоящие действия, которые он уже коварно замышлял.

Оскорбленная супруга, Малвина рассердилась на Изауру, застав когда-то своего мужа признающимся ей в любви. Но затаенная обида Малвины постепенно утихла и рассеялась бы совсем, если бы Леонсио не прибегнул ко лжи, приписав рабыне самое недостойное поведение. С этого момента Малвина испытывала к Изауре не ненависть, а некоторое отчуждение и пренебрежение с долей сострадания, как ко всякой другой дерзкой и непослушной рабыне.

Леонсио этого было вполне достаточно, чтобы сделать свою жену единомышленницей и соучастницей наказания и мести, которые он замышлял против несчастной рабыни. Он прекрасно понимал, что Малвина, с ее мягкой и сострадательной душой, никогда не согласилась бы на

жестокое наказание, уготованное невольнице. Впрочем, то, что он задумал, по видимости не казалось жестоким, хотя было унизительным и мучительным бесчестьем, какое только можно было придумать для женщины, осознающей свою красоту и любящей.

— Как же ты собираешься поступить с Изаурой? — спросила однажды Малвина.

— Дать ей мужа и вольную.

— И ты нашел ей мужа?

— Разве в них может быть недостаток? Чтобы найти его, мне не пришлось выходить из дома.

— Какой-нибудь раб, Леонсио? О-о... не надо.

— А что такого, может, я заодно освобожу и ее мужа. Каждый должен знать свое место в жизни... Я было подумал об Андрэ, который глаз с нее не сводит, но именно поэтому я и не хочу отдавать ее за этого плута. У меня есть для нее кое-кто получше.

— Кто же, Леонсио?

— Кто?.. Белшиор.

— Белшиор! — воскликнула Малвина, громко рассмеявшись.— Ты шутишь, скажи правду, кто?

— Белшиор, сеньора. Я не шучу.

— Ты думаешь, Изаура согласится выйти замуж за этого урода?

— Если не согласится, тем хуже для нее. Я не освобожу ее и ей придется провести остаток своих дней под замком и в железе.

— О! Но это слишком жестоко, Леонсио. К чему давать ей свободу, если ты не позволишь ей выбрать мужа? Освободи ее, Леонсио, и пусть она выходит замуж за кого угодно.

— Она ни за кого не выйдет замуж, а помчится очертя голову в Пернамбуко и там сразу же окажется в руках этого наглого щеголя, смеявшегося надо мной.

— Какая тебе разница, Леонсио? — спросила Малвина с некоторым подозрением.

— То есть как? — ответил Леонсио, немного смущенный вопросом.— Как это, какая разница? Разве у меня нет самолюбия? Если бы ты знала, как этот болван дразнил меня, нанося мне жестокие оскорбления... Как он подстрекал меня бесчисленными колкостями и угрозами, утверждая, что отнимет у меня Изауру. Если бы не ты и не воля моей матушки, я бы никогда не освободил эту рабыню, хоть она мне и совершенно бесполезна. Я даже мог бы обращаться с ней как с принцессой только для того, чтобы сбить спесь и наказать дерзость и заносчивость этого бесстыдного ловеласа.

— Хорошо, Леонсио. Но мне кажется, что Изаура скорее сожжет себя заживо, нежели выйдет замуж за Белшиора.

— Не беспокойся об этом, моя дорогая, придется наставить ее на путь истинный. У меня есть план, при помощи которого я рассчитываю заставить ее весьма охотно выйти за него замуж.

— Если она согласится, у меня не будет причин противиться этому браку.

Леонсио в самом деле ловко осуществлял свой мерзкий план. Доставив Мигела из Ресифе под охраной вместе с Изаурой, по приезде в Кампус он отправил его в тюрьму, добившись компенсации всех расходов и убытков, причиненных ему побегом Изауры, которые он обозначил непомерно большой суммой. Таким образом, бедняга Мигел лишился своих последних средств и, кроме того, остался должен огромную сумму, которую смог бы выплатить лишь работая долгие годы. Так как Ле-

онсио был богат, дружил с министрами и имел большое влияние, ему нетрудно было добиться этих беззаконий со стороны местных властей.

Отчаявшись сломить сопротивление бедной Изауры, Леонсио изменил план мести и лично отправился к Мигелу.

— Сеньор Мигел,— обратился он к нему, изобразив оскорбленного,— я сочувствую вам и вашей дочери, несмотря на беспокойства и убытки, которые вы мне причинили. Я пришел, чтобы предложить вам покончить раз и навсегда с обидами, интригами и раздорами, которые ваша дочь внесла в мой дом и мою жизнь.

— Я готов на любые условия, сеньор Леонсио,— почтительно ответил Мигел,— если только они будут разумны и честны.

— Нет ничего более разумного и справедливого. Я хочу выдать вашу дочь замуж за порядочного человека и подарить ей свободу. Однако для этого нуждаюсь в вашем содействии.

— Так скажите, чем я могу быть вам полезен.

— Я знаю, что Изаура будет испытывать некоторое отвращение к человеку, за которого я собираюсь ее выдать. Это из-за вздорной и нелепой страсти, которую она, кажется, еще питает к тому юнцу из Пернамбуко, который вбил ей в голову разные фантазии и обнадежил ее взбалмошными обещаниями и легкомысленными клятвами.

— Думаю, что она вспоминает этого молодого человека лишь из признательности...

— Какая там признательность! Вы, сударь, думаете, что он до сих пор придает большое значение этой страстишке? Он о ней беспокоится ровно столько, сколько о своих старых туфлях. Это каприз ошеломленного воображения, причуда богатого ветреника. Вот доказательства, почитайте это письмо... Негодяй имеет наглость писать мне, как будто между нами ничего не произошло, словно мой старый приятель, и сообщает мне, что женился! Как вам это нравится? Как будто мне интересно, что он женился! Но это еще не все, пользуясь случаем, он просит меня с исключительным бесстыдством, чтобы я в любое время, когда захочу избавиться от Изауры, обязательно известил его, так как он очень желал бы приобрести ее в качестве служанки для своей супруги. До какой степени может дойти цинизм и бесстыдство!

— Действительно, сеньор! С трудом верится. Это совершенно не похоже на сеньора Алваро.

— Можете убедиться своими собственными глазами. Читайте. Вам знаком этот почерк?

Сказав это, Леонсио подал Мигелу письмо, написанное почерком в совершенстве похожим на почерк Алваро.

— Это его почерк, нет сомнений, сказал Мигел, пораженный прочитанным.— В этом мире случаются низости, недоступные пониманию.

— А также жестокие уроки, которыми не следует пренебрегать, разве не так, сеньор Мигел?.. Ну хорошо, оставьте у себя это письмо, покажите его дочери. Пусть она узнает обо всем, чтобы больше не рассчитывать на этого человека и вычеркнуть из памяти его образ, в котором она ждет своего спасителя. Сделайте также, сударь, все от вас зависящее, чтобы подготовить дочь к замужеству, совершенно очевидно весьма выгодному. А я не только прощу вам все, что вы мне должны, но и возвращу то, что вы мне уже выплатили. Тогда вы сможете начать свое дело здесь, в Кампусе и спокойно прожить остаток дней вместе с дочерью и зятем.

— Но кто этот зять? Вы мне еще не сказали.

— Правда?.. Я запамятовал. Это — Белшиор, мой садовник. Вы его знаете?

— Конечно, знаю! Ох, сеньор! С каким жалким уродом вы хотите обручить мою дочь! Бедная Изаура! Я очень сомневаюсь, что она согласится на это.

— Причем здесь его внешность, если у него добрая душа, он честен и трудолюбив.

— Это правда. Главное, чтобы она согласилась.

— Я уверен, что если вы поговорите с ней и наставите ее, она решится на этот шаг.

— Я сделаю все, что смогу, но у меня нет уверенности.

— Если она не захочет, тем хуже для нее и для вас. Я возьму свои слова обратно, и все останется как есть,— сказал Леонсио категорично.

Мигел не был человеком, готовым принять все свалившиеся несчастья достойно. Он не мог не испытывать смертельного ужаса и уныния при виде отвратительных признаков неволи и вечного заключения дочери, безрадостной нищеты, тяготившей его воображение. Поэтому он не счел слишком дорогой цену, за которую жестокий сеньор, избавляя его от нищеты, дарил его дочери свободу. Итак, Мигел принял предложение Леонсио.

Глава 20

В то время как Роза и Андрэ, весело болтая, стирали пыль с мебели в гостиной, очень грустная и вызывающая сострадание сцена происходила в мрачном помещении рабов, где Изаура находилась в заключении уже два месяца, сидя на каторжной колодке, прикованная цепью за нежную, лилейную ножку.

Мигела ввели туда по приказу Леонсио, чтобы он сообщил дочери о намерениях господина и уговорил ее принять предложенный им союз. Отец и дочь являли собой достойную сожаления картину: бледные, измученные, подавленные несчастьями, запертые в этом мрачном подвале. Встретившись после двух долгих месяцев разлуки еще более угнетенные и жалкие, они упали в объятия друг друга и, не в силах сдерживать рыданий, оплакивали свою горькую долю.

— Да, дочка. Необходимо принести эту жертву. К несчастью, это единственное доступное нам средство. Лишь при этом условии он откроет двери твоей печальной темницы, где ты томишься уже два долгих месяца. Конечно, это неслыханная жертва для твоего сердца, но она несравнима с мучительной неволей, которой хотят тебя убить.

— Да, отец. Палач дает мне выбрать одну из двух пыток, но я еще не знаю, какая из них мучительнее и оскорбительнее. Мне внушили глубокое уважение к самой себе, чувство собственного достоинства и целомудрия. Я рабыня, которая заставляет многих богатых прекрасных девушек терзаться завистью. Я обладаю незаурядной привлекательностью тела и ума, и для чего все это? Господи! Зачем ты создал меня такой? Чтобы из прихоти рабовладельца подарить себя жалкому уроду? Возможно ли более жестокое и оскорбительное издевательство?!

Отчаянный и истерический взрыв смеха сквозь слезы сотрясал тело Изауры и отзывался хохочущим эхом в мрачном помещении, как пронзительный крик ночной птицы в заброшенном склепе.

— Ты преувеличиваешь! Успокой свое истерзанное страданиями воображение. Время вылечит все. Терпение и покорность помогут тебе привыкнуть к новой жизни, несомненно гораздо более сносной, чем этот ад заточения. Судьба сжалится над нами и пошлет если не счастливые, то, по крайней мере, спокойные дни, если ты согласишься.

— Я могу обрести спокойствие только в могиле, отец. Кроме двух предоставленных мне на выбор пыток, я вижу еще один путь, вызывающий у меня утешительные мысли, хотя это крайнее средство, которое господь дает несчастным, оказавшимся в безысходном положении.

— Ты, конечно, говоришь о смирении, дочка?

— Ах, отец! Когда смирение невозможно, остается только смерть...

— Замолчи, дочь! Не богохульствуй, не говори безумных слов. Ты нужна мне живая, я так хочу. Неужели ты покинешь своего отца, оставив на произвол судьбы беспомощного и нищего старика? Что будет со мной в плачевном положении, в котором ты бросаешь меня?..

— Простите меня, мой добрый, мой любящий отец. Только в крайнем случае я прибегну к этому средству. Я знаю, что должна жить для моего отца и хочу этого, но почему я должна выходить замуж за урода?! О! Это выше моих сил! Пусть меня держат в самой жестокой неволе, заставляют работать в поле с мотыгой в руках, босую, одетую в рубище, пусть меня наказывают, обращаются как с самой последней рабыней, но из сострадания пощадите меня, отец, избавьте от этой постыдной жертвы!

— Белшиор не так уродлив, как тебе кажется. Кроме того, со временем ты привыкнешь к нему. Ты давно не видела его, последнее время он изменился к лучшему, он еще достаточно молод. Теперь ты его не узнаешь, у него уже не такая неприятная внешность, его манеры стали менее грубы. Соберись с духом, дочка, когда ты выйдешь из этой страшной темницы, воздух свободы вернет тебе радость и спокойствие, и даже с предназначенным тебе мужем ты сможешь жить счастливо...

— Счастливо! — воскликнула Изаура с горькой усмешкой.— Зачем вы говорите мне о счастье, отец? Если бы мое сердце, по крайней мере, было свободно, как раньше... Если бы я никого не любила! О! Нет нужды, чтобы он любил меня, нет. Для меня было бы неземным счастьем, если бы он пожелал владеть мной даже как рабыней. Этот ангел доброты, напрасно предпринявший свои усилия, великодушно спасая меня из пучины рабства. И я была бы тогда счастливее во сто крат, чем став женой этого жалкого человека, за которого меня хотят выдать. Но горе мне! Могу ли я еще думать о нем? Станет ли он, знатный и богатый сеньор, вспоминать бедную и несчастную рабыню?

— Ах, дочка, не думай больше об этом человеке, выбрось его из головы, откажись от этой сумасшедшей любви, советую тебе и прошу тебя об этом.

— Почему, отец? Как могу я отплатить такой неблагодарностью этому благородному человеку?

— Но ты больше не можешь рассчитывать на него и на его любовь.

— Почему? Разве он забыл меня?

— Твое жалкое положение не позволяет тебе любить столь высокопоставленного сеньора, между вами пропасть. Его любовь к тебе всего лишь мимолетный каприз, прихоть господина. Мне очень тяжело говорить тебе это, Изаура, но это, к сожалению, правда.

— Ах, отец, что ты говоришь? Если бы ты знал, как мне больно

слушать твои слова? Оставь мне, по крайней мере, хоть это утешение в жизни, позволь думать, что он любил меня, что еще любит. Зачем ему обманывать бедную рабыню?

— Я бы очень хотел избавить тебя от этого разочарования, но лучше, если ты будешь знать все. Этот молодой человек... Ах, дочка, укрепи свое сердце и приготовься к жестокому удару.

— Что случилось с этим молодым человеком? — нерешительно и тревожно спросила Изаура.— Говори, отец, он умер?

— Нет, дочка, нет... Он женился.

— Женился! Алваро женился! О! Нет, это невозможно! Кто тебе сказал это, отец?

— Он сам, Изаура. Прочитай это письмо.

Дрожащей, исхудавшей рукой Изаура взяла письмо и пробежала его блуждающим взором. Прочитав письмо, она не проронила ни слова, ни слезинки. Смертельно бледная, с застывшим лицом, приоткрытым ртом, онемевшая, неподвижная, долго она сидела, словно жена Лота, созерцая пламя, пожирающее проклятый город. Наконец, в полном отчаянии, она упала на грудь отцу, содрогаясь от рыданий.

Эти обильные слезы успокоили ее, она подняла голову, вытерла глаза и, казалось, обрела спокойствие, но спокойствие ледяное, зловещее, гробовое. Казалось, душа ее умерла, раздавленная ошеломляющей силы ударом, и от Изауры остался только призрак.

— Я умерла, отец... Я всего лишь труп! Делайте со мной все, что хотите...

Это были единственные слова, которые она произнесла слабым печальным голосом и поднялась с отсутствующим видом.

— Пойдем, дочка,— сказал Мигел, целуя ее в лоб.— Не падай духом, ты должна жить, я надеюсь, что ты будешь счастлива.

Мигел, обладавший робкой душой, добрым и впечатлительным сердцем, однако полностью чуждым сильных страстей, не мог понять той жертвы, на которую он обрекал свою дочь. Рассматривая счастье скорее сквозь призму интересов практической жизни, а не как радости и потребности сердца, он лелеял искренние надежды на спокойные и счастливые дни для своей дочери и не понимал, что подвергая ее такому бесчестью, унижая ее душу, он разбивал ее сердце. Он хотел, чтобы она жила, и не понимал, что сей постыдный союз после стольких ужасных мучений был выстрелом, сострадательно сокращавшим муки, обрывая жизнь.

Малвина ожидала в гостиной результатов разговора Мигела с дочерью. Роза и Андрэ, скрестив руки, стояли у входной двери в ожидании ее распоряжений.

Малвина почувствовала, как неожиданно сжалось ее сердце, когда Изаура появилась в дверях, опираясь на руку Мигела, мертвенно бледная, с растрепанными волосами, и направилась неверным шагом, как призрак, вызванный из могилы, в гостиную, где, казалось, еще звучал ее прекрасный мелодичный голос.

Даже в таком жалком положении бедная невольница сохранила все еще свою красоту. Худоба обострила великолепные черты ее, подчеркивая идеальную чистоту и правильность этого античного лица.

Большие черные глаза мерцали тусклым, меланхолическим светом, словно восковые свечи под мрачным сводом надгробной часовни. Волосы, небрежно окутавшие ее стан, отбрасывали легкие тени, словно стебли плюща, прихотливо вьющегося по мрамору божественной статуи.

В этом достойном сожаления положении Изаура являла собой скульптору прекрасную модель античной Ниобеи.

— Это Изаура! О, боже мой! Бедняжка! — прошептала Малвина, увидев ее, и вытерла слезы, невольно набежавшие на глаза. Она была готова молить своего мужа о снисхождении к несчастной, но, вспомнив о порочных наклонностях и дурном поведении, которые Леонсио вероломно приписал Изауре, решила вооружиться безразличием.

— Итак, Изаура,— мягко сказала Малвина,— ты уже решилась? Намерена ли ты выйти замуж за человека, которого мы предназначаем тебе в супруги?

В ответ Изаура лишь наклонила голову и потупила взор.

— Да, сеньора,— ответил за нее Мигел.— Изаура согласна подчиниться вашей воле.

— Очень хорошо. Невозможно, чтобы она и дальше сносила это жестокое обращение, которого я не могу допустить, пока я живу в этом доме. Не для того покойная сеньора воспитала ее с такой нежностью и дала ей хорошее образование. Изаура, несмотря на твое падение, я все еще хорошо отношусь к тебе и больше не допущу подобного бесчинства. Мы дарим тебе одновременно свободу и превосходного мужа.

— Превосходного! Бог мой! Какая издевка,— подумала Изаура.

— Белшиор очень хороший человек, безобидный, спокойный и работящий. Думаю, ты прекрасно поладишь с ним. Мне кажется, чтобы получить свободу, можно пойти на любую жертву, правда, Изаура?

— Конечно, сеньора. Раз вы этого хотите, я покорно принимаю эту участь. Меня извлекают из подземелья,— подумала про себя Изаура,— чтобы отправить на казнь.

— Очень хорошо, Изаура. Ты доказываешь, что послушна и разумна. Андрэ, пойди позови сюда сеньора Белшиора. Я хочу иметь удовольствие лично объявить ему, что, наконец, его мечта осуществится, которую он лелеял многие годы. Думаю, сеньор Мигел тоже удовлетворен тем, как складывается жизнь его дочери. Согласитесь, что это прекрасно! Освободиться из неволи и выйти замуж за белого и свободного человека. Это намного лучше, чем бежать и скрываться от преследований. Изаура, в доказательство моего к тебе доброго отношения, я буду посаженной матерью на твоей свадьбе, которая положит конец твоим страданиям и вернет в этот дом мир и покой, давно покинувшие его.

Сказав это, Малвина открыла шкатулку с драгоценностями, стоявшую на столе, достала дорогое золотое ожерелье и застегнула его на шее Изауры.

— Прими это, Изаура,— сказал она,— это мой свадебный подарок.

— Благодарю вас, моя добрая госпожа,— молвила Изаура, а в душе добавила,— это веревка, которую палач набрасывает на шею жертвы.

В это время в сопровождении Андрэ вошел Белшиор.

— Я здесь, моя госпожа,— сказал он,— что вам угодно от вашего верного слуги?

— Поздравляю вас, сеньор Белшиор,— ответила Малвина.

— Поздравляете?.. Но с чем же?

— Я скажу вам. Знайте, что Изаура будет свободна и... догадываетесь...

— И, конечно, она уедет... О! Какое несчастье!

— Ах, боже мой, вы плохой провидец. Изаура согласна стать вашей женой.

— Что вы говорите, госпожа!.. Простите, я не верю своим ушам! Ваша милость изволит смеяться надо мной.

— Я говорю правду, она здесь и может подтвердить мои слова. Готовьтесь, сеньор Белшиор, и чем скорее, тем лучше, потому что свадьба состоится завтра, здесь же, в доме.

— О! Моя госпожа! Неземное блаженство! — воскликнул Белшиор, бросаясь к ногам Малвины и пытаясь поцеловать их,— позвольте мне целовать ваши ноги...

— Поднимитесь, сеньор Белшиор. Вы должны благодарить не меня, а Изауру.

Белшиор поднялся и сейчас же упал к ногам Изауры.

— О, принцесса моего сердца! — вскричал он, припадая к ногам бедной рабыни, которая настолько ослабела в темнице, что чуть не упала от этого пылкого и восторженного порыва. Непосвященный в трагическую суть этого жестокого, мучительного и низкого фарса, не смог бы удержаться от смеха, наблюдая эту сцену.

— Изаура! Ты не смотришь на меня? Здесь, у ног твоих, твой счастливый пленник Белшиор!.. Посмотри на своего обожателя, который сегодня стал богаче принца... Дай мне твою руку, позволь мне покрыть ее поцелуями...

— Бог мой! В этой омерзительной сцене я главная исполнительница навязанной мне роли,— тихо прошептала Изаура и отвернулась, не отнимая руки, к которой Белшиор припал губами, в экстазе разрыдавшись, как ребенок.

— Посмотри, какой дурак,— сказал Андрэ, обращаясь к Розе, наблюдавшей эту трагикомическую сцену.— Вот теперь попробуй сказать мне, что этот мед не для осла!

— Я бы согласилась, чтобы меня лучше выдали замуж за крокодила.

— У нашего молодого господина дьявольские намерения! Кто бы мог придумать такое: выдать русалку за осьминога!

— Завистник! Ты бы хотел быть осьминогом, поэтому-то и воротишь нос... Неплохо придумано! Теперь только не хватает, чтобы хозяин отдал тебя в качестве приданого Изауре.

— Я бы не прочь! Спорю, что Изаура выходит замуж не по своей воле! А потом бы мы договорились... Уж я бы продел осьминога в игольное ушко.

— Уймись, дурак! Думаешь, Изаура обращает на тебя внимание?

— Не важничай, моя Роза. Теперь у меня выбора нет, придется довольствоваться тобой. В конце концов, ты тоже не дурна, а... все, что попадает в невод — рыбка.

— Ишь, разбежался! Иди утешься с кем угодно, но только не со мной.

Глава 21

— Леонсио,— спросила Малвина на следующий день поутру,— все готово к этой свадьбе?

— Кажется, ты задаешь мне этот вопрос уже в сотый раз, Малвина,— ответил Леонсио, улыбаясь.— Итак, я в сотый раз тебе отвечу, что со своей стороны я сделал все необходимое. Еще вчера я послал раба в Кампус, скоро прибудут сюда нотариус, чтобы со всей скрупулезностью

составить законный документ об освобождении Изауры, и священник, чтобы обвенчать молодых. Как видишь, я ничего не забыл. Надеюсь, они не опоздают, а ты, Малвина, распорядись, чтобы убрали церковь подобающим образом для венчания, которого ты, кажется, желаешь с большим пылом,— прибавил он с усмешкой,— чем когда-то своего собственного.

Малвина вышла из гостиной, оставив Леонсио в компании еще не известного нам лица по имени Жорже, тоже находившегося там. Сказать, что это был бездельник, значило ничего не сказать о нем.

Этот род людей имеет много разновидностей, а каждая особь — свой особенный цвет и форму. Этот был видным мужчиной, остроумным, обладал хорошими манерами, то есть имел целый букет качеств настоящего паразита. Жорже не жил соком и тенью одного дерева, он прыгал с одного на другое, и, таким образом, путешествовал на большие расстояния. Это было великолепно рассчитано, и давало ему возможность вести разнообразный и веселый образ жизни, одновременно делая его общество менее докучливым и утомительным для его многочисленных друзей. Он водил знакомство и поддерживал приятельские отношения со всеми плантаторами по берегам Параибы от Сан Жоан да Барра до Сан Фиделис. Если верить его словам, он всегда имел множество хлопот и устраивал тысячи важных дел, но в любую минуту был готов оставить их ради приглашения кого-нибудь из своих друзей пожить недельку-другую за чужой счет.

После разрыва Леонсио с Малвиной Жорже поселился на фазенде у него и служил ему прекрасным утешением в одиночестве. Он составлял ему компанию не только за столом, в игре и на охоте, но и развлекал его, рассказывая забавные и скандальные анекдоты, одобрял его безумства и сумасбродные выходки, льстил его извращенным пристрастиям, тогда как Леонсио, считавший его своим искренним другом, сделал гостя поверенным своих тайн и сообщал ему самые затаенные мысли, коварные планы и самые деликатные семейные тайны.

Чтобы проникнуть в тайные и гнусные планы и сатанинские происки Леонсио, послушаем, о чем говорят эти достойные друг друга сеньоры.

— Наконец-то, Жорже, я нашел удобный и надежный способ устранить все трудности. Думаю, что таким образом все прекрасно уладится.

— Конечно. Я заранее поздравляю тебя и рукоплещу остроумному осуществлению твоих планов.

— Но послушай еще, чтобы все понять. Этой свадьбой я удовлетворю желание моей жены и в то же время не дам Изауре окончательно ускользнуть от меня. Во-первых, ее отец полностью зависит от меня, во-вторых, я сумею удержать у себя этого глупого садовника, за которого выдаю ее, а потом... Тебе хорошо известно, что время и настойчивость укрощают самых диких и пугливых хищников. А главное, дерзкая рабыня будет наказана за свою беспримерную строптивость. Я был вынужден сделать этот шаг, так как моя жена упорно отказывалась помириться со мной, пока я удерживаю Изауру в неволе. Женский каприз, на который я не обратил бы внимания, если бы... Это между нами, мой друг. Я полагаюсь на твою порядочность.

— Можешь говорить смело. Твои тайны уйдут со мной на тот свет.

— Хорошо, так вот, я говорил, что не обращал бы внимания на размолвку и капризы моей жены, если бы не полное расстройство моих финансовых дел. В результате прискорбных стечений обстоятельств, которые сейчас бесполезно объяснять тебе, мое состояние оказалось под угрозой ужасного удара, от которого не знаю, смогу ли оправиться без по-

сторонней помощи. В настоящее время мой тесть — единственный человек, который своими деньгами или кредитом может спасти меня от разорения.

— В самом деле, ты поступаешь очень благоразумно и чрезвычайно осторожно. О, твой тесть! Я хорошо знаю его. У него солидное состояние. Это один из самых крепких торговых домов в Рио-де-Жанейро. Твой тесть не оставит тебя в беде. Он нежно любит свою дочь и не допустит разорения ее мужа.

— В этом я уверен. Но это еще не все. Послушай, Жорже, после этой свадьбы мой соперник, этот сеньор Алваро, домогавшийся расположения моей Изауры, который не постеснялся соблазнить, укрыть ее и защищать публично и скандально в Ресифе, этот нелепый борец за свободу чужих рабынь, обещавший оспаривать у мены Изауру при любых обстоятельствах, раз и навсегда оставит свои вздорные притязания. Видишь, Жорже, сколько казалось бы неразрешимых проблем улаживает эта свадьба.

— Здорово придумано, Леонсио! — радостно воскликнул Жорже.— Будучи человеком здравомыслящим, ты обладаешь трезвым рассудком! Если бы ты занялся политикой, уверяю, ты играл бы выдающуюся роль, был бы крупнейшим государственным деятелем. Этому новоявленному Дон-Кихоту, поборнику свободы, защитнику чужих рабынь, если они красивы, останется только одно — сражаться с ветряными мельницами. Мы вволю посмеемся над его рухнувшими надеждами, если ему еще взбредет в голову продолжать свои шутовские потуги.

— Думаю, этого не произойдет, но если бы он осмелился появиться здесь, мы изрядно позабавились бы.

— Сеньор,— сказал Андрэ, входя в гостиную,— у ворот несколько всадников, они просят позволения спешиться и войти.

— Да, я знаю,— сказал Леонсио,— это люди, за которыми я посылал, викарий и нотариус, ну и другие... Хорошо! Теперь у нас все готово. Они прибыли раньше, чем я ожидал. Андрэ, скажи им: пусть войдут, я жду их.

Андрэ вышел, Леонсио позвонил, и появилась Роза.

— Роза,— сказал он ей,— сейчас же иди и позови сеньору Малвину, Изауру, сеньора Мигела и сеньора Белшиора. Они должны быть готовы к церемонии. Пора приступать к официальной части.

— Мне жаль, что эта комедия подходит к концу,— сказал Леонсио своему другу.— Однако следует сыграть ее с блеском и торжественностью. Пусть думают, что мне очень приятно удовлетворить каприз Малвины. Прекрасный случай для того, чтобы ввести ее в заблуждение, пользуясь ее доверчивостью. Между нами говоря, это замужество — всего лишь насмешка. Я абсолютно уверен, что Изаура всем сердцем презирает этого жалкого идиота, который будет только называться ее мужем. А я подожду до лучших времен, и, полагаю, мои надежды не обманут меня.

— В свою очередь, я ничуть не сомневаюсь в успехе столь замечательно задуманного предприятия.

Едва Жорже произнес эти слова, как в дверях гостиной появился красивый молодой кавалер, в элегантном дорожном костюме, в сопровождении четырех спутников. Леонсио, уже торопившийся встретить и приветствовать прибывших, замер, как вкопанный.

— О! Это не те, кого я ждал! — прошептал он про себя.— Если не ошибаюсь... Алваро!

— Сеньор Леонсио! — приветствовал его кавалер.

— Сеньор Алваро,— ответил Леонсио,— кажется, так? Имею честь принимать вас в моем доме.

— Да, сеньор. К вашим услугам.

— Ах! Очень рад... Не ждал вас... Извольте присесть. Так вы решили прогуляться по нашим южным широтам?

Эти ничего не значащие слова говорил Леонсио, пытаясь оправиться от потрясения, вызванного внезапным и ненужным появлением Алваро в этот решающий момент.

В то же самое время через внутреннюю дверь в гостиную входили Малвина, Изаура, Мигел и Белшиор. Они уже были в нарядах, соответствующих свадебной церемонии.

— Бог мой!.. Что я вижу? — прошептала Изаура, сильно дернув за руку Мигела.— Неужели я ошибаюсь? Нет, это он.

— Он самый... Боже! Возможно ли это?

— Ох! — воскликнула Изаура, и этот простой возглас, вырвавшийся у нее как вздох, передал облегчение безмерной печали, лежавшей у нее на сердце. Внимательный наблюдатель, посмотрев на нее вблизи, заметил бы легкий румянец, проступивший на этом лице, болью и страданием обреченном на вечную мраморную бледность. То был луч надежды, который заиграл на щеках той, что в этот момент была обречена похоронить свою жизнь во мраке скорбной ночи.

— Не думал, что буду иметь честь принимать вас сегодня в моем доме,— продолжал Леонсио, постепенно приходя в себя и обретя свое хладнокровие и надменный вид.— Однако позвольте мне поздравить себя и вас с таким своевременным визитом. Сегодняшний ваш приезд, сеньор, в этот дом окажется весьма уместным и естественным.

— В самом деле? Очень рад этому... Но, может, вы будете столь любезны и объясните, почему?

— С большим удовольствием. Знайте, что ваша протеже, рабыня, из-за которой вы совершили столько безумств в Пернамбуко, сегодня же будет освобождена и выйдет замуж за хорошего человека. Вы, любезный сеньор, прибыли как раз вовремя, чтобы убедиться своими собственными глазами в осуществлении ваших филантропических желаний в отношении этой рабыни, и я, в свою очередь, буду очень рад, если вы, сеньор, согласитесь присутствовать при этой церемонии. Ваше присутствие сделает ее еще более торжественной.

— И кто же освободит? — спросил Алваро, усмехнувшись.

— Кто же, кроме меня, ее законного господина? — ответил Леонсио с высокомерным вызовом.

— Так вот, сеньор, вы не можете этого сделать,— твердо произнес Алваро.— Эта рабыня больше не принадлежит вам.

— Не принадлежит мне! — взвился Леонсио, вскочив как ужаленный.— Вы бредите или издеваетесь надо мной!?

— Ни то, ни другое,— ответил Алваро совершенно спокойно,— повторяю, эта рабыня вам больше не принадлежит.

— А кто осмелится оспорить мои права на нее?

— Ваши кредиторы, сеньор,— ответил Алваро с убийственным хладнокровием.— Это поместье со всеми рабами, этот дом с его богатой обстановкой и столовым серебром — все это больше не является вашей собственностью. Посмотрите,— продолжал он, показывая пачку бумаг,— в моих руках все ваше состояние. Ваш заем намного превышает стоимость всего вашего имущества — полное разорение. И сейчас вам будет предъявлен документ о наложении ареста на все ваше имущество.

По знаку Алваро сопровождающий его писарь показал Леонсио мандат на секвестр и продажу за долги его имущества. Вырвав бумагу дрожащей рукой, Леонсио быстро пробежал ее глазами, сверкающими от гнева.

— Вот как! — воскликнул он.— Разве такие дела делаются так стремительно и неожиданно! Может, я смогу получить какую-нибудь отсрочку и спасти мою честь и состояние?

— Ваши кредиторы уже исчерпали всю возможную снисходительность и терпимость. И, кроме того, знайте, что в настоящее время я ваш главный, если не единственный кредитор. Мне принадлежат и в моих руках находятся почти все ваши долговые обязательства, а я не намерен допускать никаких отсрочек. Вам надлежит передать имущество для описи, ваши любые увертки бесполезны.

— Проклятье! — вскричал Леонсио, топая ногами и вцепившись себе в волосы.

— Боже мой! Боже мой! Какое несчастье! Какой стыд! — плача навзрыд, воскликнула Малвина.

Глава 22

Оставим ненадолго гостиную в доме Леонсио и прервем диалог двух молодых людей. Пусть они замрут друг против друга: гордый и благородный лев, покоряющий трусливого и подлого тигра, который озлобленно рычит в когтях победителя. Нам необходимо объяснить, что привело Алваро в дом хозяина Изауры, чтобы сорвать его жестокие планы как раз в тот решающий момент, когда все уже было готово к их осуществлению.

После того, как у него отняли Изауру, Алваро впал в глубочайшее уныние.

Раненый в самое сердце, осмеянный и униженный высокомерием дерзкого приверженца рабства, отнявшего у него возлюбленную, Алваро предался безысходному отчаянию.

Узнав о его неудаче, доктор Жералдо немедленно поспешил на помощь другу, так жестоко обиженному судьбой. Благодаря заботам и советам чуткого и умного доктора страдания Алваро получили облегчение, он успокоился и покорился судьбе. В результате этих увещеваний Алваро даже почти поверил, что в этих обстоятельствах ему было бы лучше поскорее забыть Изауру.

— Любая твоя попытка,— говорил ему друг,— освободить девушку будет обречена на неуспех, в результате которого ты только ввяжешься в новые неприятности, подвергнешься лишним унижениям и окажешься смешон и жалок. Ты уже прошел через два весьма жестоких испытания: одно — на балу, и это — последнее, еще более печальное и унизительное. У тебя были неприятности с полицией, когда ты вознамерился оспаривать рабыню у ее законного владельца. Так вот, дальше будет еще хуже, уверяю тебя, ты будешь падать в пропасть разорения с пугающей быстротой.

Прислушиваясь к советам и увещеваниям Жералдо, Алваро пытался собраться духом и заставить себя отказаться от своей любви и всех

своих филантропических намерений. Но все напрасно. Прошел месяц в безуспешной борьбе с самим собой, с благими порывами своего сердца. Алваро почувствовал себя обессиленным и понял, что эта попытка преодолеть чувства была бессмысленна. Напрасно искал он утешения в серьезных занятиях и в легкомысленных развлечениях света, чтобы изгнать из своей памяти образ милой невольницы. Она постоянно присутствовала во всех его мыслях, то сверкающая красотой и изяществом, величественная и обольстительная, как в тот вечер на балу, то бледная и униженная, подавленная тяжестью испытаний, закованная в кандалы, обратившая к нему молящий взор, как бы говоря:

— Приди, не оставляй меня. Только ты можешь разбить мои оковы.

В конце концов Алваро убедился в мысли, что могущественное провидение, сведя его с этой очаровательной и несчастной рыбыней, избрало его своим оружием благородной и всемогущей миссии, цель которой вырвать ее из рабства и дать соответствующее ее красоте, добродетели и талантам место в обществе.

Поэтому с неукротимостью фанатика, а может руководимый высшими соображениями, он решил не оставлять своего благородного замысла, каковы бы ни были результаты его усилий.

Алваро отправился в Рио-де-Жанейро. Он ехал наудачу, не имея определенного плана действий, не зная, что следовало предпринять для достижения своей цели, но у него было смутное предчувствие, что небо поможет успешно довести до конца это предприятие. Прежде всего он хотел обосноваться поблизости от Леонсио для того, чтобы собрать сведения и обдумать способы достижения своей цели — свободы для Изауры.

Он сошел на берег в столице, намереваясь вскоре уехать в Кампус. Однако до того, как отправиться туда, он навел справки о финансовых делах Леонсио у коммерсантов.

— О! Мне хорошо известен этот сеньор,— сразу же сказал первый коммерсант, к которому обратился Алваро.— Этот кавалер банкрот, он совершенно разорен. Если вы его кредитор, держите ушки на макушке. Он завяз в долгах. Фактически в его руках остается только фазенда, продажа которой с трудом даст на круг погашения пятидесяти процентов каждому кредитору.

Для Алваро это известие было путеводной звездой, озарившей заблудившемуся в ненастной ночи путнику близкое и гостеприимное пристанище.

— А вы, сеньор, значит, тоже кредитор этого плантатора? — спросил Алваро.

— К несчастью, и один из основных...

— А как велико состояние этого Леонсио?

— В настоящее время ничтожно, так как я вам уже говорил, что его долги более чем вдвое превышают все его имущество.

— А его долги оцениваются в какую сумму?

— Приблизительно в четыреста или пятьсот тысяч, а его поместье в Кампусе, с рабами и имуществом стоит не более двухсот тысяч. Мы исчерпали всю возможную обходительность, предоставив ему опять отсрочки, уже в нарушение закона, но все бесполезно. Теперь мы собираемся прижать его, наложив арест на все его имущество.

— А кто же его другие кредиторы? Вы, сеньор, можете назвать мне их имена?

— Пожалуйста,— ответил торговец и начал перечислять Алваро имена и адреса остальных кредиторов.

Действительно, состояние семьи уже в последние годы жизни отца Леонсио находилось в упадке, а в делах царила полная неразбериха.

Старый командор, предаваясь перед смертью излишествам и безумствам, непростительным даже в молодости, находясь почти постоянно в столице и пустив на самотек управление поместьем, промотал значительную часть своего состояния. В результате плохого управления делами стали существенно уменьшаться не только урожаи, но и количество рабов из-за смертей и частых болезней. Командор и его сын постоянно покупали новых, но, как правило, в кредит, что неуклонно увеличивало груз долгов.

После смерти командора дела пошли еще хуже. Читателю хорошо известно, каков был опыт у Леонсио, да и нрав не лучше. Поэтому он был человеком абсолютно не годным для управления крупным хозяйством в сельской местности.

Его безумства и сумасбродства и, наконец, его роковая и неукротимая страсть к Изауре заставили его совершенно потерять голову, увлекая по наклонной плоскости разорительных расходов, без какого бы то ни было разумного расчета. Из-за огромных расходов, на которые он был вынужден пойти вследствие побега Изауры, распорядившись искать ее по всем уголкам империи, что влетело ему в копеечку. За короткое время молодой плантатор стал совершенно неплатежеспособным, оставшись без гроша в кармане и со множеством опротестованных векселей в бумажниках его кредиторов. Когда же они, спохватившись, решили объявить его банкротом и наложить арест на его имущество, то поняли, что с трудом смогут вернуть себе половину того, что он задолжал, и поэтому горели желанием прибегнуть к исключительным средствам.

Переговорив с кредиторами, Алваро предложил им продать все векселя за половину их стоимости. Чтобы избежать разнотолков в результате подобного предложения, он заявил им, что не имеет ни малейшего намерения унизить или притеснить несчастного, но, наоборот, хотел бы избавить его от позора наложения судебного ареста на имущество и оставить проказника в покое под покровом нищеты. В самом же деле, несмотря на отвращение и презрение, которые Леонсио вызывал у него, Алваро не собирался доводить до крайности средства мести, попавшие ему в руки в результате счастливого стечения обстоятельств. Он в десять раз был богаче своего противника и охотно, если бы не было другого выхода, заплатил бы сумму, равную состоянию Леонсио, за свободу Изауры.

Теперь, когда провидение вложило в его руки судьбу этого своенравного, высокомерного и жестокого соперника, оставаясь великодушным, Алваро не желал доводить его до нищенской сумы.

Кредиторы не стали долго думать, принимая его предложение. С облегчением они предпочли закрыть счета легким и быстрым способом за наличные деньги, получив половину, нежели подвергаться расходам, издержкам и испытывать трудности при продаже за долги рабов и недвижимости, когда не было никаких гарантий, что они смогут получить больше половины долга.

Став хозяином всех долговых обязательств Леонсио, то есть всего его состояния, Алваро отбыл в Кампус, чтобы по своему усмотрению наложить арест на имущество, и, вооружившись всеми бумагами и документами, в сопровождении писаря и двух судебных исполнителей, появился в доме Леонсио, чтобы лично объявить ему о разорении и приговоре.

— О! Проклятье! — воскликнул Леонсио, в отчаянии вцепившись в волосы.

Услышав из уст Алваро этот уничтожающий его вердикт, оглушенный и почти обезумевший от удара, он хотел бежать из гостиной куда глаза глядят.

— Подождите, сеньор,— сказал Алваро, удерживая его за руку.— Теперь, что касается рабыни, о которой только что шла речь. Как вы собираетесь поступить с ней?

— Освободить ее, я уже сказал вам,— грубо ответил Леонсио.

— И что-то еще. Кажется, вы сказали мне, что собирались выдать ее замуж. Простите мое любопытство, она была согласна на предложенный вами брак?

— О! Нет! Нет! Меня заставили, сеньор! — решительно воскликнула Изаура.

— Это правда, сеньор Алваро,— вмешался Мигел,— она выходит замуж, так сказать, по принуждению. Пообещав ей свободу, сеньор Леонсио вынуждает ее выйти замуж за этого бедного человека, которого вы, сеньор, видите здесь.

— За этого человека?! — воскликнул Алваро, полный изумления и негодования, взглянув на указанного Мигелом урода.

— Да, сеньор,— продолжал Мигел.— И если бы она не согласилась на это замужество, ей пришлось бы провести остаток дней своих в заточении, закованной в тяжелые цепи, как она жила все время со дня возвращения из Ресифе по сей день...

— Палач! — вскричал Алваро, не в состоянии более сдерживать свое негодование.— Наконец-то меч правосудия обрушился и на тебя, чтобы наказать за чудовищную жестокость!

— О, какой стыд! Какой позор, боже мой! — стонала Малвина, склонившись к столу и закрыв лицо руками.

— Моя бедная Изаура! — взволнованно произнес Алваро, протягивая пленнице руки.— Приди ко мне... В душе я торжественно поклялся моей честью спасти тебя от тяжелого и унизительного ярма, убивающего тебя, так как видел в тебе чистоту ангела и благородное и гордое смирение мученицы. Я уверен, что это было святое предназначение, данное мне свыше. И вот мои усилия увенчались счастливым исходом! В конце концов, моими руками всевышний отомстил за измывательства над невинностью и добродетелью, палач раздавлен.

— Бросьте бахвалиться, сеньор! — закричал Леонсио, волнуясь и яростно жестикулируя.— Это просто подлость, предательство и грабеж!..

— Изаура! — продолжал Алваро тем же твердым и значительным тоном,— если еще недавно этот палач держал в своих руках твою свободу и жизнь и давал их тебе лишь при условии, что ты вступишь в брак с уродливым и жалким существом, теперь ты стала хозяйкой его жизни. Все, чем я владею, принадлежит тебе, Изаура. Сегодня ты госпожа, а он раб. И если он не хочет жить милостыней, он должен молить нас о прощении.

— Сеньор! — воскликнула Изаура, бросаясь к ногам Алваро.— О! Как вы добры и великодушны к несчастной рабыне! Но, во имя того же великодушия, на коленях умоляю вас простить их...

— Поднимись, великодушная и прекрасная женщина! — сказал Алваро, протягивая руки, чтобы поднять ее.— Встань, Изаура. Не у моих ног,

а в моих объятиях, здесь, рядом с моим сердцем я хочу видеть тебя. Несмотря на все предрассудки мира, я считаю себя самым счастливым из смертных, имея возможность предложить тебе мою руку!

— Сеньор,— вскричал Леонсио, с пеной у рта и блуждающим взором,— здесь все, что я имею, можете радоваться победе, но, клянусь, никогда я не доставлю вам удовольствия видеть меня молящим о вашем снисхождении!

Сказав это, он стремительно вышел в смежную с гостиной комнату.

— Леонсио! Леонсио!.. Куда ты?! — воскликнула Малвина, устремляясь за ним, однако, едва она приблизилась к двери, как раздался оглушительный выстрел.

— Ай!..— вскрикнула Малвина и без чувств упала на пол.

Выстрелом из пистолета в висок Леонсио разнес себе голову.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Художественная литература

БЕРНАРДО ГИМАРАЭШ

РАБЫНЯ ИЗАУРА

Перевод *В. Л. Смитюк*
Художник *К. Г. Лычаковский*
Корректор *И. В. Хронюк*

Сдано в набор 10.06.91. Подп. к печ. 15.08.91. Формат 84×108 1/32. Бумага тип. № 1. Гарнитура литературная. Способ печати высокий. Усл. печ. л. 6,05. Усл. кр.-отт. 6,38. Уч.-изд. л. 9,18. Тираж 100 000 экз. Зак. 7413. Цена 5 р.

СП «СТФ-ЮС»
252030. Киев-30, ул. И. Франко, 5.

РАПО «Укрвузполиграф».
252151, г. Киев, ул. Волынская, 60.

Бернардо Гимараэш.
Г 48 Рабыня Изаура.— К.: СП «СТФ-ЮС», 1991.— 99 с.
ISBN 5-7935-0017-0

Снятый по мотивам настоящего романа телесериал дважды был показан по советскому телевидению, и, как и у себя на родине, в Бразилии, да и во всем мире, он пользовался огромной популярностью. Бернардо Гимараэш смог тронуть наши сердца историей любви и страданий юной красавицы Изауры, верностью и благородством Алваро. Гнев и возмущение вызывает хозяин Изауры — Леонсио, способный на любую подлость и низость, лишь бы добиться своего. Роман поможет многим хоть на время отвлечься от повседневных забот, погрузиться в историю прекрасной любви со счастливым концом, когда зло побеждено, а добро восторжествовало.

Г $\frac{4700304 0100-6}{972(02)-91}$ (без объявления) ББК 84.70

Благотворительный фонд «СЕРДЦЕ»
планирует
выпустить в ближайшее время
серию книг
«НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ: ДЕТЕКТИВ»,

которая включает неизвестные еще нашим читателям произведения популярных на Западе мастеров остросюжетного жанра. Это романы *Картера Брауна* (Австралия), *Николаса Блейка, Агаты Кристи, Оппенхейма* (Великобритания), *Уильяма Айриша, Эрла Дерра Биггерса, Хилара Во, Эрла Стенли Гарднера, Патрика Квентина, Эллери Квина, Джанетт Летимор* (США).

В нее войдет и первая в истории мировой литературы краткая антология биографий авторов, работающих в Великобритании, Франции, США. Она будет называться **«Кто пишет детективы».**

В СЕРИИ «НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ: ДЕТЕКТИВ» предполагаются:

Эллери Квин (псевдоним Фредерика Даннея и Манфреда Б. Ли). **Похотливая кошка.**

Широкой популярностью в США пользуется серия книг об отце и сыне Квинах, расследующих самые сложные криминальные «ребусы». Наши читатели с интересом встретили произведения такого рода: «Тайна голландских башмаков» и «Расследует инспектор Квин».

Авторы долгое время писали сценарии для Голливуда, что нашло свое отражение в романе «Похотливая кошка». Красавица Анжела, жена редактора газеты в небольшом провинциальном городке, щедро наставляет ему «рога». Наконец, она бросает мужа ради любовника, посулившего ей карьеру актрисы. Через некоторое время находят ее труп. Подозрение падает на мужа. От ареста его спасает лишь гибель друга, пытавшегося установить истину. Изучая шаг за шагом увлечения своей супруги, герой романа выходит на убийцу.

Хилари Во. **Счастливая выдумка.**

Дочь миллионера Пат нанимает частного детектива Фила, чтобы он избавил ее от преследователей. Девушка попросту придумала предлог, стремясь встретиться с человеком, который ей понравился. Вскоре, однако, ее похитили. Отец не обратился в полицию, он был готов удовлетворить все требования гангстеров. Фил с этим не согласился: он начал идти по следу бандитов сам. Случай помог ему установить личность похитителя, найти его любовницу, сообщников, совершающих одно убийство за другим. Но и противники героя принимают свои контрмеры. Фил попадает к ним в плен вместе со своей клиенткой, которую полюбил. Финал этой захватывающей, построенной на острых, волнующих моментах истории, неожидан.

Уильям Айриш. **Свидания во тьме.**

Наши читатели хорошо знают роман У. Айриша «Окно во двор», положенный в основу одноименного голливудского фильма. Книга «Свидания во тьме» скорее триллер, чем детектив. Писатель блестяще воссоздает атмосферу страха, ожидание опасности, которое охватило группу людей, гибнущих один за одним при самых невероятных и загадочных обстоятельствах. Кто повинен в этом? Полиция далеко не сразу связывает все эти смерти с трагическим происшествием, случившимся у одного из маленьких американских кинотеатров. Жертвами становятся все те, кто несколько лет тому назад, путешествуя на самолете, бездумно швырнул вниз пустую бутылку от пива, ставшую причиной гибели человека. Начинается охота за тем, кто мстит за свою любимую, охота жестокая, безжалостная, порождающая ужас.

Патрик Квентин (псевдоним Х. К. Уилера). **Шесть недель в Рено.**

Этот американский писатель известен советским читателям по произведению «Дело по обвинению», опубликованному в 1967 г. в журнале «Огонек».

Роман «Шесть недель в Рено» не менее увлекателен. Сумасбродная миллионерша решает оригинально отметить свой тайный брак. Она собирает в загородном доме трех подруг детства, приехавших в Рено получить развод. Туда же приглашены их бывшие мужья: хозяйка тешит себя мыслью примирить супружеские пары. События разворачиваются иначе. Две женщины убиты, на третью совершено покушение. Вскоре жертвой насилия становится еще одна гостья. Полиция не может установить виновника преступлений, действующего изощренно, ловко (одно убийство совершено при помощи кураре в фешенебельном игорном доме, второе — буквально у всех на глазах в бассейне). Убийцу изобличает очаровательная голливудская кинозвезда, гостившая в это время в доме.

За этими изданиями должны последовать:

Агата Кристи. **Кот в голубятне.**
Картер Браун (Аллан Г. Иейтс). **Удары Тора.**
А. А. Фейр (Э. С. Гарднер). **Безумцы умирают в пятницу.**
Картер Браун. **Жертва.**
Филипс Оппенхейм. **Виселица счастья.**
Агата Кристи. **Противник неизвестен.**
Николас Блейк. **Бренна земная плоть.**
Агата Кристи. **Без вины виноватые.**
Эрл Стенли Гарднер. **Подмененное лицо.**
Эллери Квин. **Жила-была старушка.**
Джанетт Летимор. **Леди в морге.**

